

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

Рамиз
АБУТАЛЫБОВ

13.07.09 3903 E1089

6./XI. 10.2102.3571.

Рамиз Абуталыбов
ГОДЫ И ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

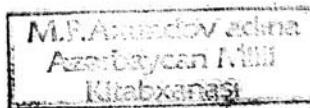
БОЛЫГАДА СИМЕ
ЭКРИЛ В НИЧЕГО НЕ
ЛОЖИ

Рамиз
Абуталыбов

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

2-772 521

Москва SJS Media
2006

$-3(2\text{H}_2) - 2\text{F} + \text{A}_2$

СОДЕРЖАНИЕ

Р. А. Абуталыбов

Годы и встречи в Париже. – М.: Издательство «SJS Media», 2006.

ISBN 5-903009-01-8

Основу этой книги составили интервью и статьи Р.Абуталыбова, публиковавшиеся в периодике в разные годы. В этих материалах – рассказ о знакомствах, общении, сопротивлении в годы жизни и работы автора в Париже с азербайджанскими и русскими эмигрантами разных «волн», для которых Франция, по собственной их воле или по воле судьбы, стала второй родиной. Сведения вместе, дополняя друг друга, эти материалы создают цельное впечатление о сути поисков и находок Р.Абуталыбова в парижских архивах, сделавших достоянием широкой общественности неизвестные ей до того факты и страницы истории.

© Издательство «SJS Media», 2006
© Р.Абуталыбов, 2006

Несколько слов вначале	9
Человек счастливой судьбы	11
На семи ветрах истории	24
Годы и встречи в Париже	26
Алимардан бек Топчибашы	45
Азербайджан и Лига наций	53
Три книги, 12 бюллетеней...	56
Как «Гаджи Гара» и «Мусье Жордан» объяснялись по-французски	60
Прометей	65
Они были первыми	70
Дипломат Юсиф Чеменземени	77
«Помните близко, помните далеко...»	80
Эрнст Юнгер и Умм-Эль-Бану	85
«Нури-Дидеи Джайхун!...»	89
На чужих берегах	94
Три товарища	98
На стенах – история	103

Свой человек в Париже	106
Пусть вдали отчий кров...	108
Письма М.Э. Расул-заде вернулись на Родину	114
Бакинская нефть	118
Я – реалист и добиваюсь своей цели	121
Азербайджан и ЮНЕСКО	127
Наш человек в ЮНЕСКО	133
Известные люди: тогда и теперь	141
А еще был случай...	146
Ничто на земле не проходит бесследно	150
Они защищали Францию	162
Нам остается память	170
Четыре книги, четыре выстрела правды	175
История не терпит конъюнктуры	187
Сандро из Вольного Аула	190
Письмо небесного характера	196
О моем друге Рамизе	202
О роли азербайджанцев в истории футбола	209
А помнишь, Рамиз?..	212
...и, наконец, о нем	217

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВНАЧАЛЕ

Основу этой книги составили мои интервью и статьи, опубликовавшиеся в периодике в минувшие годы. В этих материалах – рассказ о знакомствах, общении, сотворчестве в годы моей жизни в Париже с замечательными людьми, нашими соотечественниками – эмигрантами разных « волн », для которых Франция, по собственной их воле или по воле судьбы, стала второй родиной. Я надеюсь, что сведенные вместе, дополняя друг друга, эти в разные годы печатавшиеся материалы создают цельное впечатление и о сути моих поисков и находок в парижских архивах, сделавших достоянием широкой общественности неизвестные ей факты и страницы азербайджанской истории.

«Иных уж нет, а те далече», – писал русский поэт. Увы, нет уже многих из тех, с кем мы пили вино вечерних разговоров в бессмертном Париже. Но я до конца сохранию признательность судьбе за те встречи, духовно и душевно обогатившие меня. А круг тех общений, в чем тоже убедится читатель, отнюдь не ограничивался только азербайджанцами. Меня связывала и связывает дружба с достойнейшими представителями других национальностей, обретшими во Франции новый дом.

Я хочу особо отметить здесь роль Тимучина Гаджибейли, который и на чужбине никогда не забывал о своем национальном долге. Согласившись возглавить созданную группой патриотов ассоциацию «Азербайджанский дом», он много сделал для того, чтобы французская общественность узнала правду о Нагорном Карабахе в 1989 – 1992 годах. Мы помним, что это было время самой жесткой информационной блокады вокруг Азербайджана, и слово правды было нужно нам тогда как воздух. Как, впрочем, и сейчас.

Признателен всем, кто помогал мне в поисковой и публикаторской работе в Париже, Баку и Москве. Не могу не выразить благодарность своей семье и, прежде всего, хранительнице нашего очага супруге Тамилле – за неизменное понимание важности тех требовавших много времени архивных штудий, которые, может, иногда отвлекали мое внимание от забот домашних.

И, наконец, выражаю глубокую признательность компании SJS Media, без поддержки которой эта книга не могла появиться.

P.S. Я не счел возможным «корректировать» фактологию прошедшего времени в угоду настоящему. Материалы подвергались редактуре в основном в части повторов, неизбежных в тематически однородной публистики разных лет. Некоторая правка коснулась стилистических погрешностей и непреднамеренных фактических ошибок, допущенных в первоначальных публикациях.

Рамиз Абуталыбов

ЧЕЛОВЕК СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ

Услышал я о Рамизе Абуталыбове немного раньше, чем познакомился с ним лично. Было это более 30 лет тому назад. А у знакомства нашего была и своя предыстория.

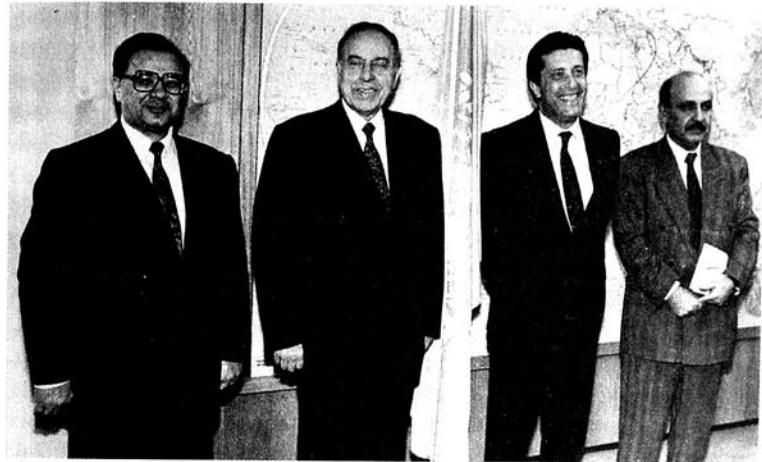
Весной 1974 года заведующий отделом международных связей ЦК Компартии Азербайджана Энвер Джебраилов сообщил мне, что на заседании Бюро ЦК КП Азербайджана, проходившем под председательством Гейдара Алиева, принято решение направить меня в качестве руководителя специализированной группы во Францию на праждник французской газеты «Юманите». И добавил, что есть и особое поручение для меня: я должен в Париже встретиться с внуками Гасан бека Зардаби... Как бы между прочим сказано было и о том, что они дети известного «буржуазного идеолога», так тогда его чаще всего называли, Алимардан бека Топчибашева. «Твою встречу с ними организует советское посольство в Париже, с которым у меня имеется договоренность». На мой вопрос, о чем я должен с внуками Гасан бека Зардаби разговаривать, Энвер Джебраилов ответил, что основной момент встречи в следующем: они передадут мне письмо, которое я должен привезти Гейдару Алиеву.

Та поездка была во многом знаменательна для меня. Я не только впервые направлялся в капиталистическую страну, но ехал в город, побывать в котором давно мечтал, в город-сказку, который, как мне казалось, я знал очень хорошо по книгам, альбомам, фильмам... Забегая вперед, скажу, что после Парижа я еще долго видел его во сне.

Но романтические чувства – само собой, главным же было ответственное поручение Гейдара Алиева, волнения в связи с этим и предстоящей встречей с внуками Гасан бека Зардаби, детьми не менее легендарного Алимардан бека Топчибашева.

Два дня из четырехдневного моего пребывания в Париже я провел в здании советского посольства. Его сотрудники говорили мне, что встреча вот-вот состоится, но я чувствовал некую неопределенность ситуации, видел, что что-то нестыкуется. Встреча откладывалась, как вылет из аэропорта по метеоусловиям: подождите еще 20 минут, еще 30 минут, еще один час, еще один день... Надо сказать, что я не был снабжен ни телефонами, ни адресами тех, с кем у меня должна была состояться встреча, и поэтому при всем желании не мог бы встретиться с ними, минуя советское посольство. Тогда я работал заведующим сектором отдела строительства ЦК КП Азербайджана, занимаемая мною должность не позволяла мне напрямую выходить на связь с руководящими органами в Москве. А переговорить и посоветоваться с Энвером Джебраиловым по телефону, несмотря на многие мои попытки, не удалось, смешно сегодня сказать, из-за невозможности соединиться с Баку. Кроме того, следуя предупреждениям Энвера Джебраилова, я, кроме приехавшей в Париж вместе со мной и несшей это своеобразное испытание супруги Айбениз ханум, никому не объяснял, чем вызвано мое двухдневное пребывание в здании советского посольства. Поэтому кое-кто из нашей группы даже посмеивался над моим «партиократизмом»: «Да забудь ты хоть на четыре дня, что ты коммунистический функционер».

Вернувшись из Парижа, я узнал, что Энвер Джебраилов в курсе, что встреча не состоялась. Он рассказал, что договаривался непосредственно с посольством и об этом не были оповещены ни отдел ЦК КПСС, ни руководство МИДа СССР, что и послужило поводом для того, чтобы эту встречу не организовывать. А то, что они фактически удерживали меня два дня в здании советского посольства, было вызвано

1993 год. Первый визит во Францию Президента Азербайджана Гейдара Алиева. Встреча с Генеральным директором ЮНЕСКО Федериком Майором, в которой участвовали Гасан Гасанов и Рамиз Абуталыбов

тем, что руководство диппредставительства и Энвер Джебраилов все же хотели получить из Москвы разрешение на встречу, но это им не удалось.

Неудачное выполнение любого поручения для меня всегда было предметом переживаний, хотя в данном случае было ясно, что встреча не состоялась по причинам, от меня не зависящим, в силу четко отработанной системы советских догматизированных и запретительных условий. С другой стороны, что-то подсказывало мне, что это была всего лишь первая попытка и встреча все же состоится. Наши соотечественники, волей судьбы оказавшиеся вдали от исторической Родины, нуждались в нашем внимании.

Так все и случилось. Однажды Энвер Джебраилов доверительно сказал мне, что с внуками Гасан бека Зардаби встреча состоялась. В те годы в Париже жил и работал человек, сравнительно меньше, чем партийные функционеры, обремененный советскими запретами. Он и осуществил эту встречу. Он посетил в парижской квартире внука Га-

сан бека Зардаби, сына Алимардан бека Топчибашева – Алекпера Топчибашева. И не только его, а и многих других азербайджанских политэмигрантов, их потомков. Впервые у них он и увидел трехцветный флаг Азербайджанской Демократической Республики. Этим человеком был сотрудник аппарата международной организации ЮНЕСКО, азербайджанец Рамиз Абуталыбов.

Через несколько лет судьба свела нас. В 1980 году, по инициативе Гейдара Алиева, именно Рамиз Абуталыбов, человек с достаточно нетрадиционной для партийного работника биографией, был назначен на ответственную должность заведующего отделом зарубежных связей ЦК Компартии Азербайджана. Тогда же я с должности первого секретаря Гянджинского горкома партии был избран секретарем ЦК КП Азербайджана по идеологии и курировал работу отдела зарубежных связей. Тогда мне и представилась возможность впервые услышать о многих встречах и событиях парижской жизни Рамиза, все то, что азербайджанцы узнавали из его газетных статей и интервью лишь много лет спустя. Рамиз показывал мне аккуратно подшитые его письма на эти темы, которые он отправлял из Парижа в Азербайджан на имя разных организаций и руководителей.

Я узнал, что он первым образовал группу азербайджанских эмигрантов под эгидой солидарности с Советским Азербайджаном. Встречался с членом делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции М. Магеррамовым, сыном А.М. Топчибашева Алекпером Топчибашевым, племянником великого Узеира Гаджибекова – Тимучином Гаджибейли, Гадиром Сулейманоглу, Тофиком Тагиевым, Ибадуллою Азимзаде, Ирэн Меликофф и ее дочерью Ширин, Алекскером Шахтахты, общался с сыном великого Алибека Гусейнзаде Селимом Тураном, с замечательной писательницей азербайджанского происхождения Умм-Эль-Бану.

Человек скромный, спокойный по характеру, Рамиз Абуталыбов никогда не рекламировал эту свою деятельность, не стремился на пьедестал, тем не менее многое из того, что он сделал в советское время, по своему значению уникально и чрезвычайно значимо. По многим вопросам азербайджанской истории XX века он оказался, по существу, первоисточником. Именно он дал азербайджанской общественности уникальную информацию о могилах наших политэмигрантов, об азербай-

джанцах, обучавшихся в университетах Франции и Европы, об участии наших соотечественников во французском Сопротивлении, о забытом на родине нашем земляке, скульпторе Зейнале Алиеве, о русских белоэмигрантах в Париже, об интересе во Франции к азербайджанской нефти, о постановке в 1925 году в Париже оперетты «Аршин мал алан». Он обнаружил в Париже и передал в Баку фотокопию первого перевода на французский язык поэмы Низами Гянджеви «Семь красавиц», осуществленного тюркологом Клерамболем в 1741 году, книгу Юсифа Везира Чеменземенли, копии двух комедий М.Ф.Ахундова, изданных в Париже в 1904 и 1906 годах, статью о Наримане Нариманове, опубликованную в 1925 году в Париже, письма Джейхуна Гаджибекова и Мамед Эмина Расул-заде, документы о попытках А.М. Топчибашева добиться вступления Азербайджана в Лигу Наций и многое другое.

Сейчас писать обо всем этом легко и приятно. Но в те годы делать по собственной инициативе все то, о чем рассказывал мне в те дни Рамиз Абуталыбов, требовало и мужества, и готовности нести ответственность, если бы это все не одобрили. И, конечно, надо было и мне быть готовым все это слушать и одобрять. Мы, два азербайджанца, довольно высокопоставленные функционеры коммунистической партии, тогда, в далеком 1981 году, вели эти разговоры в штаб-квартире партии, которая стояла у власти и долгие годы преследовала многих из вышеназванных людей, вынудив их стать политэмигрантами и умереть вдали от Родины. Я был восхищен Рамизом, этим внешне неамбициозным человеком: он один, без какой-либо политической поддержки шел на эти контакты, которые в те годы не только не поощрялись, но могли вызвать преследование инициаторов.

Многое из того, что мне было ранее неизвестно, стало проясняться. Стала вырисовываться четкая линия нашей зарубежной пропаганды, которую предстояло нам совместно вести. Рассказанное Рамизом одновременно наводило на меня грусть по поводу судьбы наших великих предков и воодушевляло, что многое можно сделать для того, чтобы Европа больше и лучше знала об Азербайджане. Однажды я произнес фразу, которую он впоследствии часто мне напоминал: «Дорогой Рамиз, мы не можем ограничиваться маленькими письмами и частными находками. Пропаганда азербайджанской истории и действительности должна пойти в Европу с мощью танковой дивизии». То была на самом

деле давно вынашиваемая идея. И тогда перед нами раскрывались прекрасные возможности по ее реализации, тем более что Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев благословлял любые предложения в этом направлении. И не случайно заведующим отделом внешних связей ЦК был назначен человек, имевший опыт не-посредственной работы на этом поприще.

Нам в те годы удалось сделать немало. Я продолжал думать о мероприятии, которое отличалось бы масштабностью. Надо было найти предмет этого проекта. Взвесив многие варианты, я пришел к выводу, что из всех видов азербайджанского искусства наиболее притягательным объектом для международного интереса может стать ковровое искусство Азербайджана. Стояла весна 1983 года. В те времена порядок был таков, что любые международные мероприятия в союзных республиках можно было проводить лишь при условии соответствующего Постановления ЦК КПСС. Вопрос этот вначале я согласовал на Бюро ЦК Компартии Азербайджана. Следующим шагом было обращение в Москву, в ЦК КПСС, что я и сделал и, к своему удивлению, очень быстро получил устное согласие на самостоятельное проведение республикой этого международного мероприятия без письменного решения Москвы.

Устное согласие, то есть устранение некоторых советских запретительных догм, напомнило мне о моем разговоре с советским ученым, академиком Анатолием Андреевичем Громыко. Было это в 1981 году, когда он приезжал в Баку. Я поднял перед ним вопросы о том, почему Москва не использует возможности Азербайджана для улучшения отношений с Турцией и Ираном, с которыми мы имеем очень много общего. Почему, вместо того чтобы ввести льготные условия, вводятся дополнительные преграды для наших связей с ними. Он однозначно мне ответил, что мир меняется, наши запретительные меры не смогут долго продержаться, и я думаю, что уже наше поколение будет жить при открытых границах и вы лично будете иметь возможность беспрепятственного общения с этими странами. Конечно, его откровения меня тогда очень сильно впечатлили, ведь это говорил не просто учений, а сын члена политбюро, министра иностранных дел, которого мы считали одним из апологетов запретительных мер. И вот спустя всего два года после того памятного для меня разговора я уже получил первый сиг-

нал о том, что время послабления этих самых мер приближается...

Итак, было принято решение ЦК Компартии Азербайджана о проведении Международного симпозиума по искусству азербайджанских ковров. Правительство республики выделило необходимые средства. Рамиз Абуталыбов был в числе ведущих организаторов этого симпозиума. Мы пригласили большое количество гостей, в том числе из Турции, Ирана, многих европейских стран.

Я, конечно, очень хотел, чтобы в работе симпозиума принял участие Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду Махтар М'Боу. Но тогда верилось в это с трудом. Москва не собиралась содействовать, оставляя это на наше усмотрение, а у нас в те годы хотя名义上 существовало Министерство иностранных дел, но оно носило чисто протокольный характер, мы за рубежами Союза, как известно, не имели никаких представительств. Единственный человек, кто мог бы взять на себя сложную миссию переговоров с Гендиректором ЮНЕСКО, был Рамиз Абуталыбов. И он блестяще все сделал. Участие в работе симпозиума Генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара М'Боу придало форуму поистине международный уровень.

Главным и почетным гостем симпозиума был приехавший на это мероприятие Гейдар Алиев, работавший тогда в Москве первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Симпозиум прошел на самом высоком уровне, нам удалось придать мероприятию из ранга сугубо научного масштаб общенародного праздника. Проведение этого форума стало без преувеличений событием нашей истории. На совещании по итогам симпозиума выступил, среди многих, и академик Аббас Заманов, сравнивший прошедший форум, по своей исторической значимости с Тюркологическим съездом, проведенным в Баку в 20-х годах.

Симпозиум сыграл большую роль и в личной судьбе Рамиза Абуталыбова. По взаимному согласию Генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара М'Боу, руководства ЦК Компартии Азербайджана и самого «виновника», Рамиз Абуталыбов был вновь переведен на работу в ЮНЕСКО.

Особенно широко и масштабно развернул Рамиз Абуталыбов свою деятельность именно тогда, когда этого потребовала историческая ситуация. Это был период, когда Армения развернула против Азербай-

джана беспрецедентную вооруженную и пропагандистскую войну. Заручившись поддержкой высшего политического руководства СССР, Армения, с одной стороны, силой оружия вела этническую чистку азербайджанцев на территории Армении и Нагорно-Карабахского региона Азербайджана, а с другой – развернула гнусную и лживую пропаганду по всему миру о якобы имевшем место «преследовании армян» со стороны Азербайджана. Это был тот период, когда любое правдивое слово о ситуации являлось серьезной поддержкой Азербайджану, который страдал в одиночестве. Именно в тот момент проявился глубокий и очень действенный патриотизм Рамиза Абуталыбова. Сразу после начала известных карабахских событий он оказался тем, кто смог организовать в центре Европы группу энтузиастов, которая стала эффективно опровергать ложь и измышления армян. В 1988 году Рамиз Абуталыбов вошел в контакт с американскими и европейскими историками Одри Альштадт, Тадеушем Святоховским, Кейтс Хитчинсом, Камалом Карпатом, Марией Броксал, Тамарой Драгадзе, Шарлем Уржевичем и другими, кто содействовал переводу и распространению на европейские языки исторических документов о Карабахе. При его непосредственном участии была написана статья «Визит к старой dame», опубликованная 4 ноября 1988 года в нью-йоркской газете «Новое русское слово». В статье давалась правдивая информация о карабахских событиях. Он сотрудничал с нашими парижскими земляками Тимучином Гаджибейли и Хайдой ханум, которые выступили в газете «Le Parisien» и на каналах французского телевидения по карабахской проблеме. Он содействовал организации теледебатов Рустама Ибрагимбекова и пресс-секретаря партии «Дашнакцутюн» Папазяна по французскому телевидению, которые завершились безоговорочной победой Рустама Ибрагимбекова. Он вместе с Рустамом Ибрагимбековым организовал поездку в Баку французских тележурналистов Ахмеда Сель, Ширин Меликофф и Реза Диггати в самый разгар драматических событий. 2 февраля 1990 года по французскому телевидению была показана правдивая передача о январских событиях в Баку.

Рамиз Абуталыбов был организатором уникального 4-томного издания на европейских языках сборника «Нагорный Карабах в свете исторических документов», включившего целый ряд серьезных документов, проливающих свет на историю Азербайджана и его Карабахского

региона. В преддверии этого, на партийно-хозяйственном активе, в здании ЦК Компартии Азербайджана в Баку 8 января 1990 года я выступил и подверг резкой критике политику Кремля, высшего политического руководства СССР и Азербайджана, осудил политику двойного стандарта коммунистической идеологии, позволявшей все армянскому национализму и устанавливавшей запрет на любые попытки азербайджанцев защитить свои национальные интересы. Москвой и тогдашним азербайджанским руководством был наложен строгий запрет на публикацию в официальной прессе этого выступления. Благо выступление тогда кому-то удалось записать на аудиокассету, и оно было опубликовано по инициативе замечательного патриота Наджафа Наджафова в только что вышедшем номере первой оппозиционной газеты Советского Азербайджана «Азадлыг», редактором которого он был. Вскоре после этого газета была закрыта, и потребовалось очень много усилий и длительное время, чтобы возобновить это издание. Поэтому мое выступление распространялось в Азербайджане в виде аудиокассет и отпечатанных листовок... Это выступление по инициативе Рамиза Абуталыбова было переведено на французский и английский языки и включено в сборник, изданный в Европе.

В таких сложнейших условиях, когда в СССР разыгрывалась невиданная борьба за власть, а мир оценивал нас больше на основе информации, распространяемой Арменией, Азербайджан добился признания своей независимости. Внешняя политика для Азербайджана становилась самой приоритетной. Вскоре я и Рамиз Абуталыбов были призваны независимым Азербайджаном на дипломатическую работу. Рамиз Абуталыбов вернулся в Азербайджан для работы в Министерстве иностранных дел, а мне судьба уготовила переезд в США для работы в Нью-Йорке в качестве Постоянного представителя Азербайджанской Республики в ООН. Обстановка тогда была довольно сложной, понятие «переходный период» подразумевал на самом деле отказ от всего, даже хорошего, что было в нашей прежней практике. Самым страшным было то, что происходила и деформация в человеческих отношениях. Жестокость и запретительные меры советского строя забывались, у людей возникала ностальгия по главной ценности – человеческим отношениям прежнего периода нашей истории. Одним из первых, кто тогда написал мне письмо в Нью-Йорк, был Рамиз Абуталыбов. Впоследствии

судьба вновь нас сведет вместе, но уже в новом качестве и совершенно иных исторических обстоятельствах.

Проходило время, но политическая напряженность в Азербайджане не только не спадала, но и продолжала накаляться. В стране назревала необходимость смены власти. По требованию народа к власти пришел Гейдар Алиев, который вскоре подавляющим большинством голосов был избран Президентом Азербайджана. Мир тогда неоднозначно воспринимал эти перемены. В то время я был назначен министром иностранных дел, а Рамиз уже работал на ответственной должности в аппарате МИД Азербайджана. Он был одним из первых лиц, которого я принял. Мы не нуждались во вступительных речах и сразу же перешли к делу. Цель была одна: надо срочно выезжать в Европу, срочно рассказывать Европе правду об Азербайджане и о тех переменах, которые происходили и будут происходить в Азербайджане. Надо было срочно приобретать сторонников и находить единомышленников в Европе...

Пока я раздумывал, с какой страны наиболее полезно было бы начинать, Рамиз Абуталыбов, уже готовый к этой теме, сказал, что в ближайшее время в Париже состоится Генеральная конференция ЮНЕСКО, куда приглашаются министры иностранных дел, и поэтому целесообразно начинать с Франции... В тот период в Азербайджане у многих бытовало мнение, что Франция – проармянская страна и вряд ли мы сможем достичь в этой стране успеха. Но есть известная дипломатическая формула: сделай так, чтобы друг твоего врага стал бы твоим другом. Таким образом, это предложение было внесено мною на рассмотрение Гейдара Алиева, который его поддержал, и мы с Рамизом Абуталыбовым поехали в Париж.

Первое, что мы сделали там, это посетили парижское предместье Сент-Клу, где провел последние годы своей жизни А.М.Топчибашев. Практически забытый родным народом, что никак не соответствовало его большим заслугам перед Отечеством, он провел там свои последние годы. Мы также посетили могилу Алимардан бека Топчибашева, покоящегося на кладбище в окрестностях Парижа, и возложили цветы. Я извинился там за все то, что сделали мои однопартийцы-коммунисты 20 – 30-х годов, преследуя его. Много лет спустя, в 2004 году, Рамиз Абуталыбов дал мне прочитать специальный номер издававшегося в 30-х годах в Париже журнала «Прометей», посвященный его памяти. В жур-

нале подробно описана обстановка драматических дней 1934 года, когда ушел из мира великий А.М.Топчибашев. Он похоронен на христианском кладбище, но, согласно завещанию покойного, с полным соблюдением всех мусульманских и азербайджанских похоронных традиций.

Визит продолжился моим выступлением в ЮНЕСКО. Это было первое выступление официального представителя Азербайджана в ЮНЕСКО, и по установленным там правилам я пронес через весь зал, в котором присутствовали министры из более чем 100 стран, трехцветное, с полумесяцем и восьмиконечной звездой, знамя независимого Азербайджана. Много сильных чувств я пережил в те мгновения. Ведь один из оригиналов этого знамени хранился именно здесь, в Париже, вначале у Алимардан бека Топчибашева, а затем у его сына Алекпера Топчибашева.

Посещение ЮНЕСКО мы начали с визита к Генеральному секретарю ЮНЕСКО, далее Рамиз Абуталыбов водил меня по зданию, как по собственной квартире. Наконец мы дошли до зала, где был выведен ковер Лятифа Керимова, посвященный 850-летию Аджеми Нахчывани, который был подарен нами на симпозиуме по азербайджанскому ковру 12 лет тому назад Генеральному директору ЮНЕСКО Амаду Махтару М'Боу. Дарили мы его во времена СССР, а нынче обозревали нашего «безмолвного представителя» в качестве представителей независимого Азербайджана. В 80-е годы мы рассчитывали, что языком коврового искусства донесем до мира слово о себе. Теперь, в 90-е годы, мы уже имели возможность эти слова громко инятно сказать сами. Побывали мы и в кабинете, где на протяжении многих лет Рамиз Абуталыбов не просто работал, а и представлял и, часто в одиночку, в сложнейших условиях, защищал интересы Азербайджана.

На следующий день я был принят Президентом Франции Франсуа Миттераном. Это был ноябрь 1993 года, когда в мире еще не было устойчивого мнения об Азербайджане, когда мир еще не воспринимал изменения, происходящие в нашей стране. На встречу пошли мы вдвоем: я и Рамиз Абуталыбов. Президент Ф.Миттеран задерживался, поэтому нас пригласил к себе в кабинет начальник канцелярии Президента Франции господин Юбер Ведрин. Ф.Миттеран дважды при нас звонил в кабинет начальника своей канцелярии и предупреждал, чтобы

мы его дождались. Начальник канцелярии намекнул, что Миттеран болен и поэтому он у врача. Такая внимательность одного из крупнейших политиков XX века к нам, конечно, очень льстила. Наконец, он прибыл и вновь извинился за опоздание. Я сразу же перешел к разговору о внутриполитической ситуации в Азербайджане и о результатах армянской агрессии против нас. Ф.Миттеран внимательно выслушал нас, задавал много вопросов, по которым можно было судить, что он очень хочет знать правду о ситуации в Азербайджане и вокруг него. Встреча закончилась довольно успешно. Я без обиняков заявил ему, что в Азербайджане Францию считают откровенно проармянской страной. Ф.Миттеран пообещал, что Франция будет придерживаться нейтральной позиции, за основу которой будет взято международное право. Франция не намерена признавать независимость Нагорного Карабаха. Я рассказал ему о шагах Президента Гейдара Алиева по стабилизации ситуации в Азербайджане. Миттеран оказался одним из первых мировых политиков, кто в тогдашний сложный период нашей истории поверил в то, что выборы Гейдара Алиева в значительной мере оздоровят обстановку не только в Азербайджане, но и в целом Южном Кавказе. Завершилась наша встреча тем, что Миттеран сделал официальное приглашение Гейдару Алиеву совершивший визит во Францию. Вскоре визит Гейдара Алиева в Париж состоялся и прошел успешно.

Сразу по возвращении из Парижа стал вопрос о создании Комиссии Азербайджанской Республики по делам ЮНЕСКО. По существующей практике, будучи министром иностранных дел, Указом Президента Гейдара Алиева председателем стал я, а на должность Генерального секретаря Комиссии безальтернативной кандидатурой стал Рамиз Абуталыбов, который и был утвержден на эту должность и с достоинством выполнял эту высокую и почетную миссию на протяжении более 10 лет.

В последнее время, приступив к исследованию жизни и деятельности Алимардан бека Топчибашева, я вновь обнаружил следы гигантской работы Рамиза Абуталыбова. Зарифа ханум Кюрдамир, проживающая в Турции внучка А.М. Топчибашева, остановила свой выбор именно на Рамизе Абуталыбове, чтобы доверить ему архив своего знаменитого деда, который хранила много десятилетий. Рамиз Абуталыбов передал в Азербайджанский Государственный архив эту уникальную коллек-

цию исторических документов, связанных с Топчибашевым, Джейхуном Гаджибейли и многими другими.

Особо важно, что деятельность Рамиза Абуталыбова ценна не только для Азербайджана, но и для Франции. В 1998 году Указом Президента Франции Жака Ширака за вклад в развитие французско-азербайджанских связей он был награжден французским орденом Почетного легиона.

К сожалению, Рамиз Абуталыбов долго не приступал к написанию систематизированных воспоминаний о своей парижской жизни, ограничиваясь лишь публицистическими статьями и интервью, опережавшими целый ряд последующих научно-исторических исследований. Многие темы, освещенные им, становились предметом научных исследований лишь после того, как Рамиз давал о них первую источниковоедческую информацию.

Я рад, что наконец вышла книга, которую вы прочитаете, и горд, что в этой книге мои воспоминания о Рамизе Абуталыбове и совместной работе с ним.

Рамиз Абуталыбов 16 лет жил в Париже и представлял СССР и Азербайджан в одной из самых представительных организаций современного мира – в ЮНЕСКО; он систематически общался с незаслуженно забытыми азербайджанцами, имевшими непосредственное отношение к славным страницам нашей истории. Он окружал их своей заботой, он обнаружил и сделал достоянием нашей науки десятки ценнейших исторических документов и событий, он в конце 80-х годов, находясь непосредственно в Европе, организовал широкую пропаганду о карабахской боли Азербайджана...

Убежден, что этого более чем достаточно для оценки счастливой судьбы одного человека... Да и сам Рамиз Абуталыбов в одном из своих интервью сказал: «Мне грех жаловаться на жизнь. Она у меня была насыщенной и интересной». Думаю, что, как говорится, еще не вечер, и неугомонный Рамиз Абуталыбов и впредь обрадует нас поисками и находками.

Гасан Гасанов

НА СЕМИ ВЕТРАХ ИСТОРИИ

Государственный флаг Азербайджанской Республики – один из священных символов нашего народа. У нашего флага богатая драматическая история. Впервые он был поднят рукой М.Э.Расул-заде в 1918 г. А потом...

Вот как вспоминал председатель Народного фронта Азербайджана Абульфаз Алиев, более известный в народе как Эльчибей: «Были 50-е годы. В Европе проходил связанный с венгерскими событиями конгресс народов, сражающихся за демократию. Азербайджан представлял редактор радио «Азадлыг» покойный Меджид Мусазаде. На здании, где проходил конгресс, разевались флаги всех народов. Не было только нашего. Тогда сам Меджид Мусазаде изготовил его за 2 дня. Вот уже 30 лет как этот флаг представляет Азербайджан на всех конференциях и конгрессах Европы и Америки. У М.Мусазаде была мечта привезти этот флаг в Азербайджан и преподнести мне. После его смерти, в сентябре 1990 года Рамиз Абуталыбов, согласно завещанию Меджика Мусазаде, преподнес этот флаг партии НФА. Этот флаг мы бережем как священную память о национально-демократическом движении Азербайджана».

А в Азербайджане наш флаг впервые был поднят несколькими патриотами: 28 мая 1956 г. флаг был повешен на Девичью башню в Баку. Для властей это прозвучало как тревожная барабанная дробь минувшего прошлого. Флаг провисел всего несколько минут, прежде чем его сорвали.

1988 год. Бушующая, возбужденная площадь «Азадлыг». Бумажный флагок в руках подростка, который странно и пугливо смотрит на демонстрацию. Прошло несколько дней, и число рук, поднимающих бумажные флаги, увеличилось. Однако народ не узнал своего флага – он забыл его.

Первые шелковые флаги сшила мать члена партии НФА Бахтияра Тунджая Сура ханум. Бахтияр принес их на площадь «Азадлыг» и поднял над головами демонстрантов. После пяти месяцев ареста Б.Тунджай был приговорен к 2 годам принудительных работ.

8 июля 1989 г. у Яшара Тюрказара из-за фляжка в руке произошла стычка с милицией. 37 дней Я.Тюрказар просидел в тюрьме.

Утром 28 мая 1989 г. у всех на глазах был снят флаг, повешенный объединением «Юрд» на университетское общежитие №2, расположеннное на улице 28 Мая. Весь день здесь дежурили милиция и руководство университета.

28 мая, 1990 год. Наш флаг, впервые поднятый Мамед Эмином Расул-заде над зданием парламента, возвращен на свое место Абульфазом Алиевым.

В этот день впереди всех отрядов, идущих к Аллее Шехидов, развевался национальный флаг Азербайджана. В этот день на могилу каждого шехида был спущен трехцветный флаг.

В Баку в этот день Гюльтекин-ана раздавала встречным сшитые ею флаги. Гюльтекин Сафарли занималась благотворительностью на свою мизерную пенсию. Гюльтекин-ана, подарившая ласку своих рук и доброту своих глаз нашим домам, семьям шехидов, совершала свой подвиг без громких слов и призывов любить Родину.

«Азадлыг» («Свобода»),
28 февраля 1991 года

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

Воспоминания азербайджанского дипломата

Даже во времена известной хрущевской «оттепели», когда советским людям дали подышать чем-то, отдаленно напоминавшим воздух свободы и которые очень быстро прошли, поездки за рубеж, даже на неделю-другую, воспринимались как дар судьбы, сравнимый разве что с выигрышем в лотерее за 30 коп. автомобиля «Волга».

Поэтому нечто похожее на восторженный трепет вызывали у советских граждан те «избранные судьбы», кто ездил «по европам», а точнее – дальше Болгарии, не по путевкам месткома, а с благословения самых что ни на есть верхов – ЦК, МИДа и конторы на Лубянке. То были дипломаты, журналисты, разведчики «под крышей» и без, а также чины из партэлиты и прочий люд, отмеченный нужными связями, а иногда просто необыкновенным везением.

И тут, сменив ироническую интонацию, следует сказать, что, несомненно, среди них было много достойных людей, знающих и преданных своему делу и честно служивших стране, которую они представляли.

16 лет проработал во Франции нынешний посол по особым поручениям МИДа Азербайджанской Республики, ответственный секретарь Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, Кавалер французского

ордена Почетного легиона Рамиз Абуталыбов. Зная его со школьной скамьи, давно искал встречи с глазу на глаз, только попросил усесться подальше от телефона и не посматривать на часы. Он любезно согласился и сделал все наоборот...

Асим ДЖАЛИЛОВ

Из «подземелья» в высший свет

– Рамиз, насколько я знаю, ты по образованию горный инженер, трудовую деятельность начинал с сооружения бакинской «подземки». А потом вдруг из «подземелья» – и сразу в высший свет?

– Не «вдруг» и не «сразу» в высший... Меня вообще-то довольно сильно тянуло в научный мир, на этот счет имел кое-какие планы, некоторые из которых можно было назвать и далеко идущими, но, видать, не суждено было им сбыться. Хотя опять же как сказать, ведь около шести лет я занимался вопросами координации научно-исследовательских работ: сначала – в Госкомтехнике, потом – в отделе науки и техники Совета министров Азербайджана.

– В таком случае, когда и как ты попал на дипломатическую службу? Не с улицы же ведь взяли...

– И не по «тапшу» («бллату» – аз.сленг), а по конкурсу, после окончания Академии внешней торговли в Москве. Было это в 1971 году. Тогда же открылась вакансия на замещение должности сотрудника секретариата ЮНЕСКО в Париже. Представь себе, на одно место были поданы заявки от 27 стран, в том числе и от СССР. Моя кандидатура оказалась предпочтительнее.

– Представляю... А если не прошел бы, тогда что? Мог бы остаться без работы?

– Скорее, без стимулов. Работа за границей раздвигала поле видения – мы были сильно зашорены, достоверную информацию и о себе, своей истории, и тем более о том, что происходило в мире, или не получали вообще, или получали в чудовищно отфильтрованном виде. И только попав «за кордон», начинали понимать, что все не так однозначно, как это представлялось на институтских семинарах по истмату. Что, например, мы знали о тех же азербайджанцах, живущих во Франции? Да ничего! Это только армянам ЦК КПСС, еще по традиции царских времен, разрешал иметь связи с их диаспорой, для других республик

даже самого понятия «соотечественники за рубежом» не существовало – все они считались «врагами народа»... Только в совсем уже новейшие времена появилось сплошь подконтрольное известно кому общество «Ветен».

Уже после первых же контактов с соотечественниками – выходцами из Союза я сильно засомневался в справедливости того, что их мазали только черной краской. Конечно, нам открыли глаза и откровения Хрущева на XX съезде, и начавшая пробиваться правда о репрессиях 37-го года. Поэтому, попав в Париж с его музеями и архивами, внутренне уже был готов к контактам с «не нашими» и стал налаживать эти контакты с соотечественниками. Они знали и помнили многое, чего не знали мы.

– Честно говоря, впервые о них я узнал из твоих выступлений в прессе. Если не ошибаюсь, именно Франция дала приют первой эмиграции из Азербайджана...

– Мы приступаем сейчас к чрезвычайно важной теме. Чтобы серьезно о ней говорить, необходимо вначале определиться в понятиях и хотя бы схематично обрисовать общую картину периодов и причин эмиграции выходцев из Северного Азербайджана, которые в первую голову меня в Париже и интересовали.

Что такое диаспора и что такое эмиграция? Словари дают следующее толкование: диаспора – расселение евреев среди неевреев после начала их исхода в 538 году до нашей эры из Иудеи и Израиля; эмиграция – вынужденное или добровольное переселение из своей страны в другую по политическим, экономическим или другим причинам.

Первая волна эмиграции пришла на двадцатые и тридцатые годы. Она началась сразу же после падения Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в апреле 1920 года. Первыми невозвращенцами стали члены дипломатической миссии Азербайджана во Франции во главе с Алимардан беком Топчибашевым (1863 – 1934 гг.), участвовавшие в работе Версальской мирной конференции. Их примеру последовали дипломаты, аккредитованные или пребывавшие в других странах, ряд представителей интеллигенции, военных и буржуазии, находившихся в то время за рубежом, а после 1925 года – и большинство азербайджанских студентов, обучавшихся в Западной Европе.

Значительную массу первой эмиграции составили те, кто в тот

Ирэн Меликофф с дочерью Ширин

период легально или нелегально покидал пределы Советского Азербайджана. Легально – это когда проживающие за границей родственники оплачивали в твердой валюте выездную пошлину. Нелегальное же пересечение границы было связано с большими трудностями и огромным риском. Количество людей, выехавших таким образом, было относительно небольшим. Существовала еще одна форма выезда – насильственная высылка. Например, в 1938 году в Иран из советского Азербайджана были высланы все азербайджанцы, имевшие иранские паспорта.

Кстати, эта история стоит того, чтобы на ней остановиться поподробнее. В начале XX века в связи с нефтяным бумом в Северный Азербайджан на заработки из Южного хлынула масса этнических азербайджанцев. Процедура пересечения границы была настолько упрощенной, что никто и никаких препятствий им по этому поводу не чинил.

В отличие от времен советских, в 1938 году всем этим приезжим предложили принять советское гражданство, на что некоторые пошли. Не пожелавших сделать это, а таких было большинство, выслали.

Вторую, то есть послевоенную волну эмиграции составили преимущественно бывшие военнопленные, не вернувшиеся на родину после 1945 г. Не потому, что не хотели. У них не оставалось выбора. С точки зрения Сталина, советский человек просто не имел права попадать в плен – даже тяжело раненным. И когда война закончилась, Сталин объявил: «Победителей судят». Среди этой категории были и те, кто, бежав из плена, освободившись, храбро сражался в рядах Французского и Итальянского Сопротивления. Тысячи из них были отправлены на нары, о чем так много и пронзительно написано Александром Исаевичем Солженицыным. Другие тысячи этой участи делить не захотели.

Третья волна – уехавшие на чужбину в 70-е и 80-е годы в поисках экономического благосостояния.

В начале двадцатых годов прошлого века в различных странах Европы и Азии стали возникать азербайджанские землячества. Не ошибусь, если скажу, что первая в Европе ассоциация азербайджанских эмигрантов была создана во Франции – в Париже. Для этого уже имела определенная почва. Начало знакомству Франции с Азербайджаном положили работы французских востоковедов Барбье де Мейнара, Альфонса Сильвера и Люсьена Бюва, произведения известной писательницы Жорж Санд, труды жившего во Франции польского востоковеда Александра Ходзко, а также нашего замечательного соотечественника Ахмедбека Агаоглу, выпускника Сорbonны и Коллеж де Франс (1888 – 1894 гг.). В архивах Франции мною были обнаружены девять статей А.Агаоглу, опубликованные в самых престижных французских журналах, и одна – в английском за период с 15 марта 1891 г. по 15 октября 1893г.

– Рамиз, расскажи о наиболее крупных акциях такого рода представителей первой волны...

– С удовольствием. Весьма обширную работу по пропаганде Азербайджана во Франции проводили еще первые наши дипломаты в период своей официальной аккредитации в этой стране (28 мая 1919г. – 28 апреля 1920 г.). 9 августа 1919 г. парижская префектура за-

С Таиром Салаховым и Пьером Кальфон (ЮНЕСКО)

регистрировала комитет «Франция-Кавказ», первый параграф устава которого гласил: «Комитет создан с целью содействия развитию экономических связей между Францией и республиками Закавказья: Грузией и Азербайджаном». Президентом комитета был избран французский дипломат и востоковед Эдмонд Иппо, вице-президентами от Грузии – князь Михаил Сумбатофф, от Азербайджана – Мириагуб Мирмехтиев, входивший в состав делегации нашей страны на Версальской мирной конференции. Эта делегация, возглавляемая Алимардан беком Топчибашевым, вплоть до мая 1920 г. издавала информационный бюллетень «Азербайджан», выпускающим редактором которого был вышеупомянутый Люсьен Бюв. Всего было выпущено 12 номеров бюллетеня. За это короткое время также были изданы на французском языке цветная географическая карта Азербайджана и три книги: «Кавказская Азербайджанская Республика», «Экономическое и финансовое положение Азербайджана», «Антропологический и этнический состав

населения Азербайджанской Республики».

В конце 1919 г. в журнале «Ревю дю монд мюзольман» была опубликована статья члена азербайджанской делегации Джейхун Гаджибейли «Первая мусульманская республика», объемом в два авторских листа. В статье на основе уникальных первоисточников был дан обзор истории, географии и экономического развития Азербайджана.

После падения Азербайджанской Демократической Республики 28 апреля 1920 г. азербайджанские дипломаты и бизнесмены, находившиеся во Франции, создали Ассоциацию азербайджанских эмигрантов во главе с Алимардан беком Топчибашевым. Землячество студентов возглавил Д.Рагимов.

Благодаря усилиям наших соотечественников Аббасбека Атамалы, Фаризбека Векилли, Касим-заде, Зохры ханум Гаджибейли, Пери ханум Топчибашы, Лии ханум, Назенин ханум и Рены ханум 4 июля 1925 г. на сцене парижского театра «Фемина» впервые на французском языке была поставлена бессмертная комедия Узеирбека Гаджибекова «Аршин мал алан», перевод которой был сделан братом композитора Джейхун беком. Роли исполняли французские артисты Дерваль (Султанбек), Монте (Аскер), Пассани (Гюльчохра), Магали (Ася) и другие.

В одной программе с известными исполнителями русских и цыганских романсов Александром Вертинским и Нюорой Масальской в знаменитом парижском кабаре «Кавказский подвал» на улице Пигаль выступал популярный исполнитель кавказских танцев, наш соотечественник Руфатбек Халилов.

Азербайджанские эмигранты, несмотря на тяжелые материальные условия, продолжали благородную миссию пропагандирования своей страны. Доктор права Мирягуб Мирмехтиев издал две книги на французском языке: «Проблемы Кавказа», «Режим Советов: истоки и суть» – и две на русском. В «Ревю дю монд мюзольман» вышла большая статья писателя, бывшего посла Азербайджана в Турции Юсифа Везира Чеменземинли «Взгляд на азербайджанскую литературу». В начале 20-х годов в шеститомной «Энциклопедии XX века», выпущенной во всемирно известном издательстве «Лярусс», была дана краткая биография известного азербайджанского публициста Магомеда ага Шахтахтинского. В октябре 1926 г. в Париже вышел первый номер журнала «Азербайджан», органа партии «Мусават». А председатель

С внучкой Мирза Джалила – Мехри ханум и профессором Иса Габибейли

этой партии Мамед Эмин Расул-заде издал в 1930 г. две книги: «Азербайджан в борьбе за свою независимость» на французском языке и на русском – «Пантуранизм в связи с кавказской проблемой». В 1933 г. в Париже увидела свет работа Джейхун Гаджибейли «Диалект и фольклор Карабаха (Кавказский Азербайджан)». Наш соотечественник, адвокат Ага Гасым Гасым-заде защитил в Сорbonne докторскую диссертацию на тему «Босфор и Дарданеллы: правовые аспекты».

И дипломаты – А.М.Топчибашев, Дж.Гаджибейли, А.Шейхульиславов, М.Мирмехтиев, М.Магеррамов, А.Атамалибеков, и бизнесмены – М.Асадуллаев, М.Салимов, А.Гаджинский, М.Т.Мирбабаев, А.Р.Гулиев, а также присоединившиеся к ним представители второй волны эмиграции Г.Сулейманов, Т.Тагиев, М.Алиев и другие проводили активную пропагандистскую работу по осуждению оккупации Азербайджана войсками красной России. Благодаря их усилиям, в частности Джей-

хун Гаджибейли, Акпера ага Шейхульисламова и Абдурахмана Фаталибейли, была создана азербайджанская редакция радиостанции «Свобода» в Мюнхене.

— Мне недавно попалась на глаза книга воспоминаний «Кавказские дни» в переводе с французского...

— Я прекрасно знал ее автора и дружил с ней. Это – знаменитая Банин – Умм-Эль-Бану, дочь нефтепромышленника-миллионера, министра торговли АДР Мирзы Асадуллаева. В Париж она попала в 1924 году, когда ей было всего 19 лет. Ее первый роман «Нами» сразу же привлек внимание известного французского писателя Жана Полхана, а после выхода в свет ее «Кавказских дней» она сама стала знаменитостью... С ней стали поддерживать тесные отношения Иван Бунин, Андре Мальро, Анри Монтерлен, Никос Казандзакис, Эрнст Юнгер, Надежда Тэффи... После «Кавказских дней» Банин опубликовала еще девять книг, перевела на французский с русского, немецкого и английского пять книг. Необходимо особо отметить французский язык Банин. Только из автобиографической справки в ее книгах можно было узнать, что автор не француженка.

— Это не ее называл в своих письмах Бунин «черноокой газелью» и «шамаханской царицей»?

— Именно ее... Она считалась одним из лучших знатоков творчества Бунина, а также Достоевского – среди ее переводов с русского на французский были и некоторые его вещи. На равных общалась она с такими мировыми знаменитостями, как Жан Поль Сартр, Луи Арагон, Поль Элюар, Эльза Триоле. До конца своей жизни, более полувека дружила Банин с немецким писателем и философом, участником двух мировых войн Эрнстом Юнгером. Познакомились они в 1943 году, после выхода в свет ее романа «Нами». Находясь под впечатлением прочитанного, он позвонил ей, представился, а на следующий день, по собственному признанию, отправился «выпить чашку турецкого кофе у Банин, мусульманки из Южного Кавказа...» Пришел он к ней, надо сказать, в форме офицера германской армии, хотя ненавидел Гитлера и был пацифистом. В своей книге «Мир», которую написал уже после войны, он одним из первых выдвинул идею объединения Европы. Эта же идея занимала в те годы его друга Франсуа Миттерана, будущего президента Франции.

— Чем она особенно запомнилась тебе?

— Боюсь эпитетов, они все равно не передадут всей гаммы ощущений от восприятия этой личности. Принадлежность ее, с одной стороны, к самым высшим интеллектуальным кругам Европы, а с другой — к «знакомым», как сейчас говорят, фигурам богемы, делала ее недоступной. К тому же она всячески избегала контактов с соотечественниками, переживая за то, что Азербайджан легко и без борьбы примирился с навязанной Ленинским большевизацией...

Фактически я был первым, с кем она пошла на сближение. Случилось это в 1981 году, на выставке азербайджанских ковров в Париже. В канун открытия я послал ей открытку с приглашением, не надеясь, что она его примет. К моему удивлению, она пришла, да не одна, а с каким-то импозантного вида пожилым французом. Для своих преклонных лет она выглядела удивительно молодо, была кокетлива, что ей очень шло.

— А это правда, что она приняла католичество?

— Да. Когда однажды у нас зашел разговор на эту тему, Банин сказала с лукавой улыбкой, что поскольку какой-то храм посещать было нужно, а католический оказался самым близким к ее дому, она его и выбрала. Думаю, на самом деле причины были куда серьезнее, но вера — предмет исключительно деликатный, и глубже в эту сферу я в беседах с ней не вторгался. Но и перейдя в другую веру, она гордилась своим азербайджанским происхождением, считала себя не турчанкой или персиянкой, за которых для ложного шарма выдавали себя некоторые наши сородичи, а именно азербайджанкой. Она была очень своюнравной и неординарной личностью, в чем-то даже склонной к эпатажу. Так, в ответ большевикам, считавшим религию «опиумом для народа», она написала книгу с шокирующим названием «Я выбрала опиум», которая имела большой успех...

Мы быстро подружились. Она часто бывала у нас дома, очень сблизилась с моей супругой Тамиллой. В свою очередь и мы навещали ее в скромной квартире на рю Лористон, которая ее вполне устраивала.

Общительная, осткая на язык, она могла быть и по-женски очень язвительной. Помнится, когда я ее познакомил с очень известным нашим художником, он на прощание преподнес ей две банки черной икры. Взяв подарок, она посмотрела на него в упор и шутливо спросила:

«И это все?» Он стушевался и смущенно произнес: «А что, мадам?» «Ничего, — лукаво улыбнулась писательница, — покидая Баку, мы оставили там гораздо больше».

Никогда не забуду, как она глубоко переживала события в Карабахе, назвав их происками дашнаков. У нее на это было право — ее семья чудом избежала резни в Баку, устроенной дашнаками с попустительства большевиков во главе с «интернационалистом»-ленинцем Шаумяном в 1918 году. Тогда только в одном Баку погибло 12 тысяч человек.

История повторилась через 70 лет. Азербайджанские общины за рубежом были разрознены, нескоординированы и особой угрозы для армян не представляли. Нужно было что-то делать...

Благодаря усилиям эмигрантов Гадира Сулейман оглу, Тофика Тагиева, Тимучина Гаджибейли, Ибадуллы Азим-заде, Ирэн Меликофф и ее дочери Ширин, Алексера Шахтахтлы и других удалось сколотить очень сильную группу. В 1990 году мы создали ассоциацию «Азербайджанский дом». Я в те годы продолжал работать в ЮНЕСКО и располагал хорошей коллекцией книг и периодики, посвященных событиям в Карабахе. Несмотря на свои 83 года, посильное участие во всех наших акциях принимала и мадам Банин. Она четырежды выступила по радио, опубликовала три статьи в журнале «Панорама» и газете «Ле Монд», в которых доводила до французской общественности известную тогда правду о событиях в Нагорном Карабахе.

Хорошо помню, как в моем присутствии она позвонила политобозревателю ведущей газеты Франции «Ле Монд» Мишелю Татю и потребовала дать ей возможность опровергнуть лживые утверждения французских историков Ананта Тер-Минасян и Клэр Мурадян о происходивших событиях. К чести газеты, она предоставила старейшей французской писательнице это слово...

— Пожалуйста, расскажи подробнее о работе вашей группы...

— Группа поставила перед собой цель осуществить перевод на французский язык ряда исторических документов и статей из азербайджанских газет и журналов. Очень полезными оказались контакты с американскими и европейскими историками — Одри Альштадт, Тадеушем Святоховским, Кейтс Хитчинсон, Камалом Карпатом, Марией Броксан, Тамарой Драгадзе, Шарлем Уржевичем... Тогда же, прослышив о карабахских событиях, в Париж из Америки приехал Юра Шаков,

С Зурабом Церетели и Тамиллой

наш с тобой одноклассник. Так вот, в Париже я его познакомил с Банин, с которой он давно мечтал встретиться. Он был в восторге от бесед с ней. Усадив его в кресло, в котором любил посиживать еще Бунин, она рассказала ему о своей жизни, событиях 18-го года в Баку...

4 ноября 1988 года в нью-йоркской газете «Новое русское слово» вышла статья Ю. Шакова «Визит к старой dame», в которой он изложил правду об истории и первопричинах карабахского конфликта. Впоследствии газета не раз возвращалась к этой теме, привлекая Юру в качестве консультанта. В те же годы при активном участии Тимучина Гаджебейли и Марии Броксп, дочери всемирно известного советолога Александра Бенингсена, удалось пробиться и на страницы европейских изданий. Потом мы выпустили первую книгу «Нагорный Карабах в свете исторических документов». В общей сложности мы издали четыре тома, не считая многочисленных публикаций в газетах и журналах.

Контрабанда из Парижа

— Не мог бы ты напомнить о той нашумевшей акции по «нелегальной» переброске группы французских журналистов из Парижа в Баку, которую вы с Рустамом Ибрагимбековым провели в январе 90-го года?

— О-о (улыбается), там была своя предыстория. Январские события, когда Баку оккупировали «свои» же войска, залив азербайджанскую столицу кровью, застали нас врасплох. Из Баку — никакой информации. Благо во всю вещала «Свобода» и кое-что удавалось узнать о том, что произошло, от друзей и родственников по телефону. Тимучин бек выступил с протестующей статьей в газете «Ле Паризье», а другая наша соотечественница, Хаида ханум, — по телевидению. С предложением сказать свое слово в прямом эфире по поводу происходившего на пятом канале ко мне в те дни обратился известный телеобозреватель Кристиан Малар. Я, конечно, тут же согласился, хотя по своему статусу международного служащего не имел на это право. Нужен был другой человек авторитетный, с именем, но где его взять? Я был в смятении и не знал, что предпринять. И вдруг — звонок: «Алло, Рамиз?.. Это Рустам, я только что прилетел. Может, встретимся?» Я — в машину и на бульвар Распай, к гостинице «Лютеция»...

На следующий день вся Франция наблюдала за теледуэлью между Рустамом Ибрагимбековым и пресс-атташе ЦК партии "Дашнакцутюн" Папазяном, в которой Рустам одержал несомненную победу. Его острые и аргументированные ответы на выпады оппонента и самого ведущего произвели тогда сильное впечатление на зрителей самого популярного в стране канала.

В те же дни ко мне с Рустамом обратился французский тележурналист Ахмед Сель и попросил устроить срочную поездку в Баку ему, Ширин ханум и фотографу Реза Диггати. Баку тогда был закрыт для иностранцев, и идея показалась заманчивой. Посоветовавшись с Рустамом, мы решили на свой страх и риск устроить им эту «вылазку» и распределили роли. Я взялся «выбить» им визу до Москвы, а Рустам обязался доставить их в Баку. Игра стоила свеч, ибо французы обещали подготовить подробнейший репортаж с места событий... «Операция» прошла без видимых осложнений, хотя она могла оборваться в любой точке и в любой час. Но Бог был с нами. В Баку журналистам помогали моя дочь Нигяр и наш друг Гафур Алескеров. Второго февраля 1990 го-

да Франция воочию увидела на своих телезреканах танки на улицах Баку. Был большой резонанс.

Парижские университеты

— Слушая, ловлю себя на мысли, что тебя за твои «неблаговидные деяния» — поиск контактов с гражданами иностранного государства — могли в любой момент отозвать из страны пребывания.

— Видишь ли (улыбается), в первое время я вел себя как мышь: не высывался, читал только «Правду», соблюдал все запретительные «директивы» зарубежного отдела ЦК о внеслужебных контактах. Признаюсь сейчас в том, о чем всегда стыдился говорить. Я не люблю слова «совок», унижающего все, что было в советское время. А это несправедливо, поскольку было там и хорошее, в частности, наша молодость, начало наших любовей и дружб... Но один мой поступок был точно «совковым», о чем без содрогания не могу вспоминать по сей день. Речь о двух чемоданах с тушенкой, которые в целях экономии я по совету старших товарищей привез в Париж, будучи еще стажером. С тех пор не ем консервированного мяса.

А история моего первого интересного «контакта» в столице Пятой республики такова.

В Париже мы снимали квартиру на площади Адольфа Шерье, 11, где на одной площадке с нами проживал старенький француз. Встречаясь, мы мило раскланивались, но не более того. Потом однажды я узнал, что он — Александр Борисович Кусиков, русский поэт. Не скрою, мелькнула тогда мысль, не скрывается ли за этим знакомством провокация? Из дальнейшего нашего разговора, который продолжался уже на русском, выяснилось, что его настоящее имя — Искендер, что он черкес, родом с Кавказа. Чтобы окончательно расположить нас к себе, он доверительно сообщил, что когда-то бывал в Балаханах.

И тут в моей памяти что-то проснулось: его имя явно о чем-то говорило. «Не тот ли это?..» Мои догадки подтвердили в советском посольстве, где к тому же дали понять, что не имеют ничего против моих обещаний с ним и впредь. «Он безвреден и вполне лоялен», — сказали мне. Короче, мой сосед оказался тем знаменитым Кусиковым, который некогда входил в группу поэтов-имажинистов и был на короткой ноге с Есениным, Шершеневичем и Мариенгофом. Какие имена! Оказыва-

ется, юного Сандро когда-то первым приметил еще сам Валерий Брюсов. Затем — его дружба с Сергеем Есениным, выступления в Москве — Политехнический музей, шумные кутежи в «Бродячей собаке», «Стойле Пегаса»... Он имел большой успех, чем привлек внимание поэта-трибуна, разразившегося неравнодушной эпиграммой: «Не будем спорить о вкусах и вкусицах, одним нравится Маяковский, другим — Кусиков».

Мы с ним очень подружились, и я не забуду вечеров, проведенных с этим удивительным, рано померкшим талантом. Жил он скромно, был непримятателен в еде, но в бутылке вина за обедом себе никогда не отказывал и все удивлялся тому, почему я не агент КГБ и что каждый день исправно хожу на службу. «Знаете, голубчик, — признался он однажды, — я в жизни нигде не работал». Происходил он из очень известной и состоятельной черкесской семьи, хотя от отца, который был генерал-губернатором в Краснодаре, достался ему лишь один позолоченный подстаканник. При случае я обязательно расскажу более обстоятельно об этом замечательном человеке, его остроумных шутках и оценках многих известных людей и явлений.

Забытый и покинутый всеми, он умер в 1977 году в Париже.

...Общение со старым поэтом-эмигрантом, который, по существу, был первым человеком, с кем я столкнулся в Париже, сделало меня более раскованным. Теперь уже, заводя новые знакомства, я не оглядывался на улицу Гренель, где находилось советское посольство, а поступал по своему усмотрению.

Какую, например, угрозу могли представлять «мировому оплоту социализма» мои встречи с художником-авангардистом Селимом Туряном? Скромный, душевный человек, весьма равнодушный к собственной славе и мирской суете, он к тому времени уже долгие десятилетия жил во Франции, был дружен с такими знаменитостями, как Анри Маттис, Серж Полякофф, Пьер Суланж, Жан Базэн. Он получил блестящее образование в Турции, прославился как художник-абстракционист и скульптор, преподавал живопись в Академии Рансон, Школе искусств Фонтенбло, Академии Готц. Его настенную живопись, скульптуры, парковые ансамбли можно увидеть в двадцати городах только одной Франции. Беседы с ним, его откровения раскрыли мне глаза на многое. Например, впервые от него я узнал, что его отец, крупный азербайджанский мыслитель, общественный деятель и публицист Алибек Гусейнза-

С Иннокентием Смоктуновским

де, был одним из тех, кто впервые выдвинул идею тюркизма, которая легла в основу государственного строительства Турецкой Республики...

Многим меня обогатило и общение с азербайджанскими эмигрантами – тем же Мамедбеком Магеррамовым, членом делегации АДР, участвовавшим в работе Версальской конференции, с почетным доктором Страсбургского и Бакинского университетов, выдающимся французским тюркологом Ирэн Меликофф, Тимучином Гаджибейли, племянником великого Узеира Гаджибекова, и другими. Я благодарен судьбе, ибо эти встречи дали мне то, чего я никогда не получил бы ни в одном университете или даже в самой престижной Академии мира...

Если бы не Париж, я вряд ли мог встретиться в неформальной обстановке даже с известными людьми, согражданами из Союза. Именно здесь я познакомился и провел незабываемые часы и дни с Иннокентием Смоктуновским, Борисом Равенских, Сергеем Аверинцевым, Влади-

миром Высоцким, Мерабом Мамардашвили, Павлом Лунгиним, Иосифом Бродским...

Париж никогда не кончается

– Насколько я знаю, ты привез из Франции 200 килограммов исторических документов из частных архивов. Тебя не заподозрили в неблаговидных действиях?

– Понимаю, тебе непременно хочется узнать, почему меня не отозвали из страны пребывания?

– Это ты сказал. Но допустим...

– Знаешь, местных законов я не нарушал. Я вообще человек законо-послушный, случай с «контрабандной» поездкой журналистов был продиктован форс-мажорной ситуацией. А что касается инструкций относительно того, как должен вести себя советский человек за рубежом, то они носили несколько умозрительный характер. Многое тут зависело от того, как к тебе относились свои же, в зависимости от ранга и должностных амбиций. Как-то раз попытку шантажировать меня предпринял в один из моих приездов в Баку местный деятель «конторы глубокого бурения». Оказывается, ему, как и мне, давно не давала покоя судьба наших соотечественников за рубежом, изнывавших там, как он полагал, от тоски и полной безысходности. По его мнению, они нуждались не только в сочувствии и контактах с Родиной, но и в соответствующей профилактике, и все, как один, тянули на статью 58... Зная его давно, я все превратил в шутку, и в конце концов он оставил меня в покое. Тогда же он представил мне одну свою коллегу – даму. С тех пор утекло много воды. Парня давно удалили на покой, а высокопоставленная дама еще долго продолжала питать ко мне и моей семье профессиональный интерес и время от времени давала об этом знать в своих «доверительных» записках «куда надо»...

– Чем же ты заполнял свое «служебное время», находясь на ответственной работе в международной организации?

– Растил кадры. А если быть точным, департамент, который я возглавлял более семи лет в период второй командировки в Париж, готовил специалистов в разных областях для развивающихся стран.

– Кстати, ты помнишь свою первую встречу с Парижем?

– В двух словах передать это невозможно. Сошлись на авторитет Хе-

мингуэя: «Париж никогда не кончается, и каждый, кто там жил, помнит его по-своему»...

– Надо полагать, «твои женщины» – Тамилла и дочери Нигяр и Севиль – такого же мнения?

– Ты мог бы спросить у них сам, но одно могу сказать определенно: если бы не их присутствие рядом со мной все эти годы, не их поддержка и участие, я чувствовал бы себя не так уверенно и крайне неуютно.

– Еще один вопрос, и я оставлю тебя в покое. Скажи, пожалуйста, когда легче было работать – в советское время и годы перестройки или же сейчас, когда Азербайджан стал суверенным государством?

– Сознание того, что ты представляешь не «одну шестую часть света», где многое представлялось размытым, принадлежащим всем и никому, а конкретную, пусть и маленькую, страну, уже говорит о многом, вселяет чувство гордости. Признаюсь, сейчас дышится гораздо легче: нет унижающих достоинство ограничений и запретов. Да и по менталитету своему мы дружелюбны и открыты миру. Все прочее – издержки роста и своеобразие времени. Главное – с нами считаются и желают сотрудничать. Мир поворачивается к нам лицом. Во всяком случае, в это хочется верить...

«Ежедневные новости»,
23 июля 1999 г.

АЛИМАРДАН БЕК ТОПЧИБАШЫ

Зрелые годы Алимардан бека Топчибашы (4 мая 1862 г., Тифлис – 5 ноября 1934 г., Париж) по времени совпали с рождением и выходом на политическую арену идеи национального самоопределения мусульман Российской империи. И Алимардан бека по праву следует назвать одним из основоположников нового для России социально-политического движения.

По его инициативе и при его непосредственном руководстве в августе 1905 года в Нижнем Новгороде был созван I съезд мусульман России. Он же стал одним из руководителей первой политической партии «Союз мусульман России» («Иттифак ул муслимин»). Устав партии, написанный им, был утвержден на II Всероссийском съезде мусульман (январь 1906 г.).

Будучи членом I Государственной Думы, Алимардан бек Топчибашы подписал в июле 1906 года знаменитое «Выборгское воззвание», за что вместе с другими депутатами (более 200 человек) был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Осужденные теряли право быть избранными во II Государственную Думу.

В I Думе А.М.Топчибашы возглавлял мусульманскую фракцию, а вместе с поляком Александром Ледницким и украинцем Ильей Шрагом – «Союз автономистов».

На III съезде мусульман России (август 1906 г., Нижний Новгород) Алимардан бек был вновь избран одним из руководителей «Союза мусульман России».

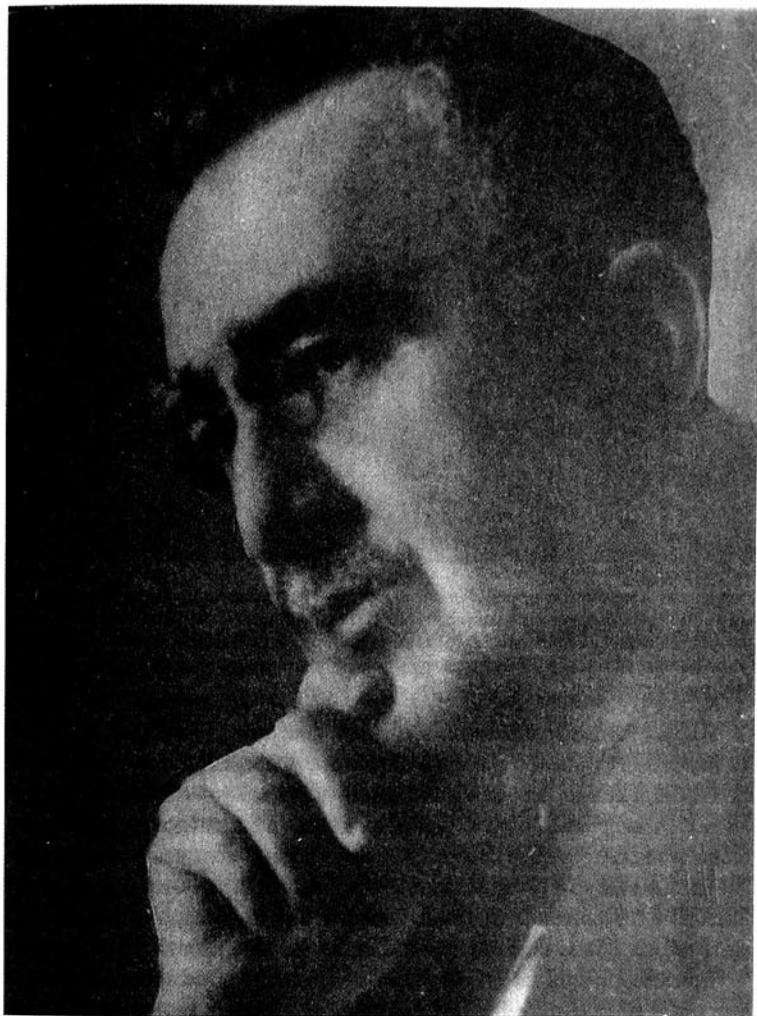
В 1916 году в Тифлисе, на съезде народов Кавказа, Алимардан бек впервые выдвигает идею создания Кавказской конфедерации. А в 1917 году по его совету лидеры двух ведущих азербайджанских политических партий, М.Э.Расул-заде и Н.Б.Юсифбейли, принимают решение об объединении и создают партию «Тюрк Адеми Меркезийет фиргеси – Мусават».

После провозглашения Азербайджана независимой республикой 28 мая 1918 г. А.М.Топчибашы был направлен послом в Грузию, затем – в Турцию. Находясь в этой стране, 7 декабря 1918 года он был избран в Баку председателем парламента. А в начале мая 1919 года Али Марданбек во главе азербайджанской делегации прибыл в Париж для участия в Версальских мирных переговорах.

С падением АДР в апреле 1920 года закончилась, если так можно выразиться, первая глава жизни Алимардан бека Топчибашы. Вторая глава – это жизнь в Париже (1920 – 1934 гг.), в городе, где сосредоточилось много политэмигрантов из Российской империи. Началась изнурительная борьба за выживание, появился комплекс эмигрантской отверженности.

Возникает вопрос: почему же Алимардан бек остался в Париже, а не переехал на постоянное жительство в Турцию, где обосновались Али бек Гусейнзаде, Ахмед бек Агаоглу, Мамед Эмин Расул-заде и другие деятели бывшей Азербайджанской Демократической Республики?

Можно предположить, что Париж был выбран по двум причинам. Первая – возможность переговоров с руководителями великих держав по вопросу восстановления суверенитета Азербайджана. Суть второй в том, что Алимардан бек всю свою сознательную жизнь был поборником идеи независимого и объединенного Кавказа. А в Париже в то время жили все бывшие руководители Грузии, Армении и Северного Кавказа. Была возможность встречаться, совещаться, координировать действия.

Алимардан бек Топчибашы

Делегация Азербайджанской Демократической Республики на Парижской мирной конференции в полном составе (Отель «Кляридж», 1919г.). Слева направо: Аббасбек Атамалибеков, Мамед Магеррамов, Алимардан бек Топчибашы, Акерпага Шейхульисламов, Джейхун Гаджибейли, Миригуб Мирмехтиев

Усилия Алимардан бека в этом направлении увенчались успехом. 10 июня 1921 года Топчибашы, Чхенкели, Агаронян и Чермоев подписали декларацию о создании «Союза Кавказских Республик». Через 13 лет, 14 июля 1934 года в Париже родился еще один документ. Топчибашы и М.Э.Расул-заде от имени Азербайджана подписали пакт о создании Кавказской Конфедерации (Азербайджан, Грузия и Северный Кавказ) в изгнании. Эти страны подписали договор с Украиной о совместной борьбе за восстановление своей независимости.

До самой кончины Алимардан бек трудился в интересах Азербайджана. К сожалению, после смерти он был забыт своими бывшими друзьями и соратниками. В эмиграции судьба не баловала Алимардан бека. Отрыв от Родины, вечное безденежье омрачали его жизнь. К это-

Могила Алимардан бека Топчибашы в Сен-Клу

му следует добавить и некорректное отношение к нему некоторых земляков-эмигрантов. В эмиграции среди бывших руководителей Азербайджана Алимардан бек был самым старшим – как по возрасту, так и по должности. И к нему, бывшему председателю парламента и главе официального и полномочного представительства Азербайджана в Париже, обращались за материальной помощью все: от студентов, обучавшихся в Европе, и до бывших деятелей Азербайджана (Юсиф Везиров, Мамед Эмин Расул-заде и др.). Удовлетворить все просьбы Алимардан бек, конечно, не мог, и в связи с этим возникали разные слухи и сплетни вокруг его имени. Особенно усердствовали иные наши земляки из числа эмигрировавших в Турцию.

Алимардан бек Топчибашы сильно страдал от этого, но был не в состоянии что-либо изменить. О том, что он и сам бедствовал, можно узнать из его писем, адресованных Джейхун Гаджибейли.

29 января 1920 года: «...Материальное положение наше скверное:

Мемориальная доска на фасаде дома №37, рю Декамп, где проживал Алимардан бек Топчибашы

полученные взаймы от Грузии 100 тысяч франков уже ушли. Кое-как еще проживем в феврале, а дальше скандал!»

12 августа 1927 года: «...Временный Азербайджанский Центр в группой форме требует перевода денег в Стамбул...»

30 июля 1928 года: «...Получил Ваше письмо, в котором Вы просите о материальной помощи. Ни лично у меня, ни в кассе делегации денег нет...»

17 апреля 1931 года: «Кошмарный вопрос о квартире еще не уложен. Ставятся драконовские условия относительно платежа, невозможные для меня... Положение крайне тяжелое...»

2 апреля 1932 года: «...Не имею даже возможности протелефонировать Гайд-б (Гайдар бек Баммат. – Р.А.) или же поехать к нему: сижу без единого су ... Не могу выходить из дома...»

14 мая 1932 года: «...Настроение, особенно в связи с событиями последних дней, отвратительное. Одолевают долги, холод, полное отсутствие ресурсов...»

О материальных затруднениях тех лет автору этих строк лично рассказывали старые эмигранты Алекпер бек Топчибашы, Мамед Магеррамов, Фуад Эмирджан и другие. Четверо членов азербайджанского дипломатического представительства провели остаток своих дней в Париже, там и скончались. Из них только двое – Джейхун Гаджибейли и Мамед Магеррамов – жили более или менее в достатке. Алекпер бек Топчибашы снимал крохотную квартиру в пригороде Парижа – Ванв. Единственным его достоянием были книги.

Имя Али Марданбека было забыто и историком Тофиком Велиевым при составлении генеалогии рода Топчибашевых (газета «Адабият вэ индзэсэнэт», 16 января 1981 г., стр. 7).

Мне посчастливилось познакомиться и дружить около пяти лет, вплоть до кончины, с Алекпер беком (1896, Баку – 1977, Париж), сыном Алимардан бека. В долгих беседах у нас на авеню Феликс Фор и на его квартире в предместье Ванв он рассказывал о своих родителях и надеялся, что когда-нибудь Родина вспомнит о вкладе его отца в дело создания первой Азербайджанской Республики.

По утверждению Алекпер бека, основателями рода были два брата-артиллериста, жившие в Гяндже. Затем братья разъехались – один в Ираван, другой в Тифлис. Видными представителями этих двух ветвей в XX веке были соответственно знаменитый хирург, академик Мустафа бек Топчибашев и крупный политический деятель Алимардан бек Топчибашы.

Алимардан бек был женат на дочери Гасан бека Зардаби – Пери ханум. У них было трое сыновей (Рашид, Алекпер и Энвер) и две дочери (Сара и Севэр).

Тифлисскую линию Топчибашевых сейчас продолжают внучки Алимардан бека Зарифа и Гюльнара (дочери Сары ханум). Обе в добром здравии и уже бабушки.

Мужскую линию обеих ветвей Топчибашевых продолжают внук Мустафа бека – Джейхун и его шестилетний сын Мустафа.

В 1975 году глава Азербайджанской ССР Гейдар Алиев направил письмо Алекпер беку Топчибашы с приглашением посетить Родину. Но продолжительная болезнь последнего помешала его приезду. А в декабре 1993 года Президент независимой Азербайджанской Респ-

публики Г.А.Алиев возложил венок на семейную могилу Алимардан бека в предместье Парижа – Сен-Клу во время своего первого официального визита во Францию.

Сегодня, 4 мая – день рождения одной из крупных политических фигур Азербайджана первой трети XX века – Алимардан бека Топчибашы. Поклонимся же тем, кто продолжал трудиться во имя Родины даже тогда, когда сама жизнь, казалось, была против этого.

И скажем великое спасибо тем, кто хранит память о них!

«Панорама»,
4 мая 1996 года

АЗЕРБАЙДЖАН И ЛИГА НАЦИЙ

Вот уже несколько лет Азербайджанская Республика является полноправным членом Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений. Но не все, вероятно, знают, что первую попытку вступить в международное сообщество Азербайджан предпринял еще в 1920 году.

1 ноября 1920 года председатель азербайджанской делегации на Версальских мирных переговорах Алимардан бек Топчибашев направил официальную ноту в Женеву, Генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой рассмотреть вопрос принятия Азербайджана в ряды ее членов.

Мы располагаем тремя документами о событиях тех дней.

Первый – меморандум Генерального секретаря Лиги Наций от 24 ноября 1920 г. №20/48/108, адресованный Ассамблее этой организации. Документ на четырех листах, составлен на французском и английском языках и дает краткую историю Азербайджанской Демократической Республики с 28 мая 1918 г. по 27 апреля 1920 г.

Затем Генеральный секретарь Лиги Наций приводит выдержку из статьи I ее Устава, которая гласит: «Любое самоуправляемое государ-

Société des Nations

Admission de
l'Azerbaïdjan dans la Société des Nations.

MÉMORANDUM PRÉSENTÉ PAR LE SECRÉTAIRE GÉNÉRAL.

League of Nations.

Admission of
Azerbaijan to the League of Nations.

MEMORANDUM BY THE SECRETARY-GENERAL.

Меморандум Азербайджанской делегации Генеральному секретарю Лиги Наций

ство может быть принято в Лигу Наций, если за это проголосуют две трети членов Ассамблеи». Он просит присутствующих высказаться по двум юридическим вопросам, вытекающим из заявки Азербайджана:

а) территория Азербайджана являлась частью Российской империи. Достаточно ли декларации о независимости (май 1918 г.) и признания ее де-факто (12 января 1920 г.) союзными державами для того, чтобы считать Азербайджан независимым де-юре и полностью самоуправляемым государством в соответствии со статьей I Устава Лиги Наций?

При этом следует отметить, что Азербайджан был признан де-факто только Великобританией, Францией, Италией и Японией. США к этому решению не присоединились;

б) имеет ли азербайджанская делегация, находящаяся сейчас в Женеве, необходимые полномочия от законного правительства и в состоянии ли это правительство выполнять обязательства и давать гарантии, вытекающие из членства в Лиге Наций?

Два других документа – это интервью Джейхун Гаджибейли парижской газете «Le Temps» (№21668 от 28 ноября 1920 г. и №21680 от 10 декабря 1920 г.), из которых становится ясно, что Лига Наций отказалась Азербайджану в приеме. Дж.Гаджибейли отмечает: «Негативное решение, принятое комиссией Лиги Наций по отношению к моей стране, ставит нас в трудное положение. Наш народ очень надеялся на высокочтимую Ассамблею Лиги Наций. Вновь образованные государства имеют одинаковые проблемы и без помощи союзных держав не смогут остановить большевистское наступление.

Одна из подкомиссий Лиги Наций «единодушно» поддержала заявку Армении о приеме. Армения находится в аналогичной с Азербайджаном ситуации. Как же мы можем объяснить нашему народу это несправедливое решение?..»

Как видите, дорогие читатели, политика двойных стандартов не является изобретением наших дней. Правда, Армения, так же как и Азербайджан, не была принята в Лигу Наций.

Таким образом, если отказ Лиги Наций рассматривать с позиций международного права, то он явился признанием де-юре оккупации Азербайджана и Армении.

«Панорама»,
10 августа 1996 года

ТРИ КНИГИ, 12 БЮЛЛЕТЕЙ...

Информационно -издательская деятельность
первого дипломатического представительства
Азербайджана во Франции

В начале 1919 г. делегация Азербайджана прибыла в Париж для участия в Версальской мирной конференции. Сразу по прибытии представители нашей страны развернули самую активную информационную и издательскую деятельность, выпустив за короткий срок три книги и 12 информационных бюллетеней, в которых отображалась историческая обстановка того времени.

Одна из книг – «Кавказская Азербайджанская Республика» состоит из 14 разделов. Эта книжка объемом всего в 51 страницу была издана с максимальной оперативностью. Первый раздел – «Происхождение Азербайджана: независимые ханства и их формирование», второй – «Коренное население Азербайджана, его отношение к бывшей Российской империи», третий – «Федерация Транскавказского сейма: ослабление и падение»... В последнем, четырнадцатом разделе содержались требования Азербайджана к Версальской конференции и выражались надежды на то, что они будут удовлетворены.

Другим итогом напряженной работы, проводимой азербайджанской делегацией с первых же дней пребывания в Париже, стало издание книги «Экономическое и финансовое положение Азербайджана»,

в которой конкретным языком цифр и фактов участники Версальской мирной конференции информировались об экономическом положении в Азербайджане и особенно подробно – в Баку.

Один из разделов книги посвящался подробному описанию бюджета, доходов от деятельности таможни, непредвиденных расходов. В книгу был включен и бюджет на 1919 г., свидетельствующий, что доходы и расходы казны были сбалансированы и составляли 665 млн. рублей. Примечательный факт, содержащийся в книге: несмотря на тяжелое экономическое и политическое положение, в котором находилась Азербайджанская Демократическая Республика, особое внимание уделялось народному образованию, на нужды которого было выделено 45 млн. рублей. Народное образование и просвещение «делили» второе-третье места с сельским хозяйством среди расходных статей бюджета после расходов оборонных, составлявших 140 млн. руб.

Еще одна книга, изданная делегацией Азербайджана, называется «Антropolогический и этнический состав населения Азербайджанской Республики». В книге отражался факт древнейшего заселения нынешней территории Азербайджана, содержались сведения о распространении, расселении азербайджанского населения и его отношениях с соседними народами. Все сведения и цифры, содержащиеся в книжке, взяты из сборников «Кавказский календарь», «Распространение и размещение народов Кавказа», а также из изданной в 1897 г. книги «Перепись населения в России».

В конце 1919 г. во французском журнале «Ревю дю Монд Мюзюльман» была опубликована статья Джейхун Гаджибейли «Первая мусульманская республика "Азербайджан"» объемом в два авторских листа. В статье на основе уникальных источников дан обзор истории, географии и развития Азербайджана.

А теперь вкратце о сохранившихся шести бюллетенях, из тех, что были изданы нашей делегацией в Версале. В моем личном архиве хранятся 3, 7, 9, 10, 11, 12-й номера бюллетеня.

В 3-м номере бюллетеня освещен вопрос о Нахчыване, приводятся факты притеснения, которому подвергалось его азербайджанское население со стороны армянских захватчиков. Другая статья посвящена положению мусульманского населения Армении. В третьей статье показано передвижение формирований генерала Деникина к Кавказу,

BULLETIN D'INFORMATIONS
DE
L'AZERBAÏDJAN

ORDINAIRE BI-MENSUEL

RÉDACTION : Hôtel Claridge, 74, avenue des Champs-Élysées, PARIS (VIIe)

TÉLÉPHONE : ÉLYSÉE 48-13

En Dépôt aux ÉDITIONS ERNEST LEROUX, 28, rue Bonaparte, Paris-VIe

La reconnaissance des Républiques transcaucasienes

Paris, le 10 février 1920

A Son Excellence
M. l'ambassadeur des États-Unis
d'Amérique,
Paris.

Les soussignés, prévôts des délégations de la Géorgie et d'Azerbaïdjan, ont l'honneur de déclarer ce qui suit à Son Excellence M. l'ambassadeur des États-Unis d'Amérique à Paris :

Les deux Républiques transcaucasienes, savoir : la Géorgie et l'Azerbaïdjan, viennent d'être reconnues en tant qu'Etats indépendants de facto, par le Conseil suprême des républiques, ainsi que par la Russie, c'est-à-dire par la France, la Grande-Bretagne et l'Italie, le Japon ayant adhéré par la suite à cette décision. La reconnaissance de facto, sans parler de la reconnaissance formelle et définitive, n'a pas été jusqu'ici accordée aux Républiques transcaucasienes par la Puissance qui, au cours de leurs peuples, incarne le mieux les grands principes de liberté et de justice par les Etats-Unis.

Or, dans les dernières temps, de nombreuses missions américaines ont visité les pays susmentionnés et ont réuni sur ces Républiques toutes les informations nécessaires. Le Gou-

vernement fédéral n'ignore pas les sentiments de sympathie qui inspire le pays américain aux pays transcaucasiens, ni leur désir d'entrer en relations suivies avec la grande démocratie américaine, et cela indépendamment de la question de savoir si ces deux républiques sont ou non responsables à assumer par elle dans certains pays de l'Asie antérieure.

Aussi est-il naturel que les peuples et les Gouvernements de Géorgie et d'Azerbaïdjan attacheraient une très grande importance à ce que leur indépendance fût, dès maintenant, reconnue aussi par les Etats-Unis.

Les soussignés ont, par conséquent, l'honneur de prier Son Excellence l'ambassadeur américain qui préside au Gouvernement qu'il l'élue représente, et de ne pas refuser son appui personnel à ce que la Géorgie et l'Azerbaïdjan soient au plus tôt reconnus en tant que Républiques indépendantes par le Gouvernement de Washington.

Le Président de la Délégation
géorgienne.
Signé : M. Tchitiridze.

Le Président de la Délégation
d'AZERBAÏDJAN :
Signé : M. Tschetimachoff.

наркоминдела большевистской России Чичерина Ф.Хойскому от 2 января 1920 г. и ответу на нее. Кроме того, на страницах номера опубликованы материалы конференции по Закавказью, состоявшейся в Париже, статья, посвященная азербайджано-иранским отношениям, информация о положении беженцев на юго-западе Азербайджана.

В 11-м номере помещены подробные материалы об официальном признании Азербайджана зарубежными странами, деятельности делегации страны в Западной Европе, о положении в Азербайджане и событиях в Корее. Завершается номер кратким обзором британской и азербайджанской прессы.

В 12-м номере публикуются материалы о карских событиях, нота Ф.Хойского министру иностранных дел Армении, третья нота Чичерина Ф.Хойскому.

Необходимо отметить, что в составлении и редактировании франкоязычных текстов, подготовленных азербайджанской делегацией, велика роль неутомимого пропагандиста азербайджанской литературы, французского востоковеда Люсена Бюва (1877 – 1942 гг.).

Как видно, информационная и издательская деятельность первого представительства Азербайджана во Франции была столь же важна и целенаправлена, сколь и трудна, причем нельзя не отметить широкий охват, оперативность и продуктивность проделанной в этом направлении работы. Если учесть еще, что члены нашей делегации проводили десятки пресс-конференций на самые животрепещущие для АДР темы, давали многочисленные интервью в различные издания, то можно будет более полно ощутить объемы и качество работы, проводившейся ими 85 лет назад на французской земле.

Информационный бюллетень «Азербайджан»
от 15 марта 1920 года, №11

раскрываются его планы в отношении этого региона.

В 7-м номере публикуется сообщение о визите в Баку одного из британских политических деятелей С. Лиделла. В конце дан обзор сообщений российской и мировой прессы об Азербайджане.

В 9-м номере помещены сообщения об азербайджано-иранских конференциях, проведенных в Баку в декабре 1919 г. Завершается выпуск обобщающей статьей об итогах годичной деятельности Азербайджанской Демократической Республики.

10-й номер бюллетеня посвящен главным образом известной ноте

«Панорама»,
30 апреля 1996 года

КАК «ГАДЖИ ГАРА» И «МУСЬЕ ЖОРДАН» ОБЪЯСНЯЛИСЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Публикации азербайджанских авторов во Франции

Самая старая публикация в нашей коллекции – статья Ахмед бека Агаева в парижском журнале «Ля нувель ревю» (15 марта 1891 года). Будучи студентом Парижского университета, Ахмед бек напечатал семь статей в этом издании и две – в журнале «Ревю блё»; последняя из них датирована 15 октября 1893 года. Все они посвящены истории, обычаям и традициям мусульманского мира, касаются тем, чрезвычайно в те времена интересовавших общество: положение женщин, религия и духовенство, секты, театр и праздники, просвещение и литература, Персия и европейцы, русские и англичане в Персии...

В эти же годы литературная общественность Франции знакомится с комедиями выдающегося азербайджанского драматурга Мирзы Фатали Ахундзаде. Благодаря усилиям французских востоковедов Барбье де Мейнара, Альфонса Сильвера и Люсьена Бюва с 1886 по 1906 г. публикуются пять комедий М.Ф.Ахундзаде.

Оригиналы двух из них в переводе Люсьена Бюва – «Мусье Жордан и дервиш Мастиали-шах» и «Скупой» («Гаджи Гара») – переданы мною 29 октября 1988 года на вечере во Дворце Республики в дар Оргкомитету по проведению 175-летия Мирзы Фатали.

В 1922 году в журнале «Ревю дю монд мюзольман» выходит большая статья Юсиф Везира Чеменземинли «Взгляд на азербайджанскую литературу» в переводе Люсьена Бюва. Этот журнал вообще широко освещал историю, литературу и культуру Азербайджана. Не ошибусь, сказав, что из азербайджанцев самым активным его автором был Джейхун Гаджибейли.

Бывший советник азербайджанской дипломатической миссии (1919 – 1920 гг.) в Париже доктор права Мирягуб Мир Азиз оглу Мехтиев издал на французском языке в 1926 году книгу «Режим Советов: истоки и суть».

В начале 20-х годов в шеститомной «Энциклопедии XX века» всемирно известного издательства «Лярuss»дается краткая биография Магомеда ага Шахтахтинского. Привожу ее полностью: «Политический деятель и журналист, родился в Ереване в 1848 году. Получив классическое образование в России, он затем учился в Лейпциге и Париже. В 1903 году в Тифлисе начал выпускать на азербайджанском языке газету «Шарг-и-Рус». Депутат от Еревана во II Государственной Думе, он ушел из политики и стал профессором персидского языка и литературы в Бакинском университете. Он считается автором реформы по адаптации арабской графики к азербайджанскому языку».

Две книги в 1930 году издал в Париже Мамед Эмин Расул-заде. Первая – «Азербайджан в борьбе за независимость» на французском языке (выпуск Азербайджанского национального издательства) и на русском – «Пантуранизм в связи с кавказской проблемой» (издание комитета независимости Кавказа).

Как пишет в предисловии второй книги Ной Жордания – бывший премьер-министр Грузии, книга М.Э.Расул-заде была ответом на нападки левого крыла русской эмигрантской печати, источником которых был памфлет Зареванда (совместный псевдоним армянской четы Варданян), изданный в Париже на русском языке под заглавием «Турция и пантуранизм».

Автор предисловия к этому памфлету господин Мандельштам, бывший первый драгоман царского посольства в Стамбуле, называет сочинение Зареванда вполне «объективным». А М.Э.Расул-заде оценивает его так: «Зареванд, вначале подкупая читателя некоторой объективностью, чем дальше, тем больше увлекаясь субъективной целью, дает

JOURNAL ASIATIQUE

OU
RECUEIL DE MÉMOIRES
D'EXTRATS ET DE NOTICES

RELATIFS À L'HISTOIRE, À LA PHILOSOPHIE, AUX LANGUES
ET À LA LITTÉRATURE DES PEUPLES ORIENTAUX

L'AVARE
COMÉDIE EN CINQ ACTES
DE MIRZÀ FETH'ALÌ AKHUNDZADÈ
TEXTÉ AZÉRI
PUBLIÉ ET TRADUIT
PAR LUCIEN BOUVAT

(EXTRAIT DU NUMÉRO DE Mai-Juin 1904)

PARIS
IMPRIMERIE NATIONALE

MDCCCIV

Комедия М.Ф.Ахундадзе «Скупой», опубликованная в Париже в 1904 году

L'AZERBAIDJAN

REVUE MENSUELLE

Organe du parti fédéraliste, démocrate turco-azerbaïdjanaise,
dit « MOUSSAVATE »

« آذربایجان» تورک خدہ سالیت « مسادات» خلدہ فرقہ سننہ تاشرانہ ریدہ۔

PREMIÈRE ANNÉE
Numéro 1

OCTOBRE 1926

PRIX DU NUMÉRO
3 francs

NOTRE BUT

L'Azerbaïjan, qui paraît aujourd'hui pour la première fois, est le porte-parole, en quelque sorte d'écho de l'Azerbaïjan militaire, de ce même Azerbaïjan qui se glorifie d'avoir été la première république turque et musulmane.

Cette république qui, en vertu du droit des peuples à déterminer leur propre sort, droit proclamé par les bolchévistes eux-mêmes, s'est déclarée indépendante en 1918, a, durant les courtes années de son éphémère existence, établi un gouvernement moderne dans l'acception entière du mot, chose sans précédent dans les annales de l'Orient, et cela uniquement dans le but de mettre en application les principes les plus sacrés de la démocratie.

Bien qu'étant aux prises avec de formidables difficultés et des privations de toute nature, l'Azerbaïjan a su créer de toute pièce une armée et mettre sur pied un organisme d'État, doté d'institutions civiles et, a réussi, de plus, à faire reconnaître son indépendance par les autres nations.

Mais, hélas! l'attriance du pétrole de Bakou s'est trouvée plus forte que la sainteté des principes proclamés par les bolchévistes.

Tirant avantage de certains événements intérieurs, les bolchévistes firent irruption dans le pays avec des forces supérieures, interrompant le libre cours de la vie indépendante de la république, mettant tout sens dessous dessus, s'en prenant même aux lieux spirituels de la nation qu'ils foulèrent impitoyablement aux pieds.

Voilà six ans que ce petit, mais vaillant peuple,

gémît sous un joug étranger d'une sauvagerie telle que l'histoire n'en offre pas d'exemple, et depuis autant d'années il ne cesse de lutter de toutes ses forces contre la barbarie de l'envahisseur.

Pour se faire une idée de l'opiniâtreté de sa résistance, il suffit de consulter les statistiques officielles bolchévistes où l'on verra qu'en 1918 et 1924 pas moins de 56 soulèvements furent réprimés, parmi lesquels celui de Guendjé qui nous coûta plus de 10 000 victimes.

Mais qu'on n'aile pas s'imaginer que les Azerbaïjanais ont fini par prendre leur parti de l'état de choses résultant de l'occupation bolchéviste, comme on serait porté à le croire, en jugeant d'après le calme apparent qui règne dans le pays. L'amour de l'indépendance, qui brûle comme un feu sacré dans le cœur de la jeunesse azerbaïdjanaise, la poussée à des actes d'héroïsme qui sont cause que les cachots de la tschka et les exils de la Sibérie ne désespissent pas. C'est avec un serrement de cœur que l'on voit s'allonger jour après le calme apparent qui règne dans le pays.

L'amour de l'indépendance, qui brûle comme un feu sacré dans le cœur de la jeunesse azerbaïdjanaise, la poussée à des actes d'héroïsme qui sont cause que les cachots de la tschka et les exils de la Sibérie ne désesporent pas. C'est avec un serrement de cœur que l'on voit s'allonger jour après le calme apparent qui règne dans le pays. Mais qu'on n'aile pas s'imaginer que les Azerbaïjanais ont fini par prendre leur parti de l'état de choses résultant de l'occupation bolchéviste, comme on serait porté à le croire, en jugeant d'après le calme apparent qui règne dans le pays.

Tirant avantage de certains événements intérieurs, les bolchévistes firent irruption dans le pays avec des forces supérieures, interrompant le libre cours de la vie indépendante de la république, mettant tout sens dessous dessus, s'en prenant même aux lieux spirituels de la nation qu'ils foulèrent impitoyablement aux pieds.

Voilà six ans que ce petit, mais vaillant peuple,

A l'instar de tous les peuples ressuscités, so

Ежемесячный журнал «Азербайджан» №1, октябрь 1926 г.

разительные примеры тенденциозной литературы. Чем ближе подходит к нашим делам, тем больше у него бросается в глаза субъективизм, тенденциозность, подтасовка фактов и голословность утверждений».

В 1933 году в Париже вышли работы «Кавказская проблема» Мирягуба Мехтиева и «Диалект и фольклор Карабаха (Кавказский Азербайджан)» Джейхуна Гаджибейли.

В заключение – об одном периодическом издании на французском языке, выпускавшемся азербайджанскими эмигрантами в Париже.

Первый номер ежемесячного журнала «Азербайджан», органа партии «Мусават», вышел на восьми страницах в октябре 1926 года. Журнал рассказывал в основном о целях и задачах партии «Мусават». В конце журнала в редакционной заметке говорится, что следующие номера будут посвящены экономике и другим вопросам. Но вышли ли эти номера – мы не знаем. Может быть, собиратели книжных раритетов владеют какой-либо информацией и поделятся ею?..

«Панорама»,
24 мая 1996 года

«ПРОМЕТЕЙ»

Думаю, не ошибусь, сказав, что для исследователей, изучающих историю азербайджанской политической эмиграции, несомненный интерес должен представлять журнал «Прометей», издававшийся в Европе до начала Второй мировой войны. Хотя бы потому, что на страницах этого издания звучала идея создания кавказской конфедерации. Но, конечно, не только поэтому.

Большое количество научных статей, изданных в Баку за последние пять лет, посвящены в основном политической деятельности азербайджанских эмигрантов, проживавших в Турции. Исключением является капитальный труд Халеддина Ибрагимли («Азербайджан сияси мюхаджираты», Баку-Элм – 1996 г.), в котором один из разделов посвящен движению прометеистов в Европе. Можно только сожалеть, что автор не знаком с очень интересной статьей «Движение Прометей», опубликованной в 1993 году в Париже, в научном журнале «Кайе д'этюд сюр ля Медитеране ориенталь е ле монд тюрко-ираниен», написанной французским историком Этьенном Копо.

Ознакомлю читателей с ее кратким содержанием, ибо этот материал содержит мысли и сведения, основополагающие для понимания задач и целей движения.

Прометеизм – это движение эмигрантов нерусской национальности из СССР, возникшее после падения независимых республик под ударами Красной Армии. Бывшие лидеры этих республик, нашедшие убежище во многих столицах европейских стран, искали пути создания антибольшевистского фронта в изгнании. Ячейки сопротивления создавались также и в Азии (Япония, Китай и Корея).

Основным центром «дислокации» политэмигрантов в те годы был все же Париж, где А.Ф.Керенский создал антибольшевистскую организацию и имел свой печатный орган – «Дни». Но большинство политэмигрантов нерусского происхождения обвиняли его в поддержке русского колониализма и отказе в предоставлении независимости республикам Кавказа и Туркестана. Именно в столице Франции, после некоторых попыток в Турции и различных европейских городах, эти политэмигранты, при поддержке маршала Пилсудского, начали издавать ежемесячный журнал «Прометей» на французском языке. С 1926 по 1938 годы он выходил без перерывов, удивляя эмиграцию своим долгожительством. Весь этот период главным редактором журнала был грузин Георгий Гвазава. В 1938 году был изменен формат журнала и он стал выходить под названием «Ревю де Прометей». С этого момента вплоть до закрытия издания в 1940 году главным редактором был бывший министр иностранных дел Украины (1918 г.) Александр Шульгин.

Одним из инициаторов создания движения «Прометей» был первый руководитель Башкирской Республики (ноябрь 1917 г.) Ахмед Зеки Валидов-Тоган. Приехав в Париж в 1923 г., он встретился с Мустафой Чокайоглу, Алимардан беком Топчибашевым и Сабри Максуди. Затем в июне 1924 г. Тоган встретился с официальным представителем польских властей господином Стемповским. На этой встрече и было принято решение об издании во Франции журнала «Прометей». В состав редакционной коллегии и постоянных авторов журнала вошли видные представители Кавказа, Туркестана и Украины: Мамед Эмин Расул-заде, Ной Жордания, Александр Шульгин, Аяз Исхаки, Мустафа Чокайоглу, Милягуб Мирмехтиев и другие.

Несколько слов о тех, кто поддерживал, политически и морально, журнал «Прометей». Прежде всего, это Институт востоковедения в Варшаве и его печатный орган «Wschod-Oriental». В Швейцарии – Жан Мартэн, главный редактор газеты «Журнал де Женев». Но самым влиятельным лоббистом «Прометея» был Джузеппе Мотта, являвшийся в течение двадцати лет министром иностранных дел Швейцарии и основным докладчиком в Лиге Наций. Благодаря его усилиям была принята резолюция о приеме Грузии в Лигу Наций (1922 г.) и он же был ярым противником принятия СССР в Лигу в 1934 г.

Во Франции «Прометей» поддерживали комитет «Франс-Ориан», возглавляемый президентом Сената Полем Думером, а также Алимардан бек Топчибашев, Джейхун Гаджибейли, посол Турции в Париже Фетхи Бей, Мустафа Чокайоглу, тюрколог Жозеф Кастанье и другие.

Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на страницах журнала, была идея создания Кавказской Конфедерации. Впервые о ней упоминается в №4 за 1927 год. В последующие годы она становится главной темой. В двадцатом номере журнала (1928 г.) идея была сформулирована Мустафой Векилли, Иосифом Салакая и Тамби Элекоти. Наконец, 14 июля 1934 года пакт о создании Кавказской Конфедерации был подписан в Брюсселе представителями Азербайджана (М.Э.Расул-заде, А.М.Топчибашев), Грузии (Н.Жордания, А.Чхенкели) и Северного Кавказа (Г.Сунш, Л.Чулик, Т.Чакмак). Но, к сожалению, идея вызревала и, как бы сказали сейчас, легитимизировалась слишком долго, поезд уже ушел: Лига Наций признала СССР в ее границах. И никто больше не хотел поддерживать идею, сразу ставшей сепаратистской. Конфедерация стала ассамблей мечтателей.

Следует отметить, что большинство статей о ситуации в СССР редакция «Прометея» получала из Турции. Основными авторами журнала по этому разделу были М.Э.Расул-заде, Милягуб Мирмехтиев, Мустафа Чокайоглу, С.Менагари и А.Асатиани. В «Прометею» перепечатывалось много статей из «Истиглал» (Берлин, редактор М.Э.Расул-заде), «Азербайджан Юрт Билгиси», «Йени Кавказия», «Йени Туркестан» и «Одлу Юрт» (Стамбул). Благодаря «Прометею» европейская общественность узнавала о чистках, арестах, народном сопротивлении и других событиях в Закавказье. Связи журнала с эмигрантской печатью Турции использовались русскими и армянскими политэмигрантами-наци-

оналистами как спекулятивный повод для обвинения «Прометея» в пантуранизме. Среди «обвинителей» особенно отличался некий Хондкарян. В русском эмигрантском журнале «Дни» он прикладывал много злопыхательских усилий, стремясь выявить «опасную» суть связей между прометеистами и Турцией. Отповедь ему дал М.Э.Расул-заде. Прометеисты считали, что «пантуранизм» – это пропагандистский трюк, благодаря которому как Советы, так и русские эмигранты-националисты пугали обывателей и хотели ослабить борьбу народов за свою независимость.

Правду следует знать, как бы она не была горька. В те годы Турция, не желая портить отношения с СССР, выслала из страны М.Э.Расул-заде, прекратила выпуск ведущих эмигрантских изданий: «Йени Кавказия» (1927 г.), «Одлу Юрт», «Билдириш», «Азери-Тюрк» и «Йени Туркестан» (1931 г.).

С захватом Польши в 1939 г. нацистской Германией начался закат и журнала «Ревю де Прометей». Мустафа Чокай, А.Шульгин, Мирягуб Мирмехтиев, Ной Жордания выступили с обращением ко всем своим землякам оказать сопротивление германо-советской коалиции. В редакционной статье последнего номера (8 – 9 апреля 1940 г.) читателям предлагалось не выбирать между чумой и холерой, а взять за пример героическое сопротивление Финляндии.

Но в 1941 г., когда Германия, нарушив пакт о ненападении, вступила на территорию СССР, некоторые прометеисты решили, что с помощью нацистов можно решить свои национальные проблемы. После краха нацистской Германии они собирались на конгрессе в Гааге (20 апреля 1946 г.) и выступили с обвинениями в адрес союзников, вступивших, как они формулировали свои инвективы, в сговор с диктатурой Сталина. Несмотря на эту акцию, между некоторыми представителями движения «Прометей» и политическими кругами США установились доверительные отношения. Была создана «Лига прометеистов Атлантической хартии», движение «Прометей» стало полностью проамериканским. Ряд его членов вошли в состав сотрудников Института по изучению СССР, созданного 9 июля 1950 г. в Мюнхене Американским комитетом по освобождению от большевизма.

В заключение можно отметить, что история движения «Прометей» обнажила многие сложные проблемы, которые стояли перед нерусски-

ми народами бывшей Российской империи и СССР в борьбе за национальное самоопределение. Она доказала общность важнейших исторических интересов азербайджанцев, грузин, украинцев, северокавказцев, туркестанцев. Эта общность предполагала единство усилий в их общей идеальной борьбе. Примечательно, что прометеисты искренне желали видеть в своих рядах и армян, но те по своему обыкновению искали друзей где угодно, но только не среди доброжелательных соседей. И как всегда, в конечном счете жестоко страдали от этого сами и приносили страдания этим самым соседям...

«ПРОМЕТЕЙ» (Баку),
1998 год, №1

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

В сентябре 1919 г. Министерство просвещения Азербайджанской Республики внесло на рассмотрение парламента предложение о командировании в зарубежные страны ста азербайджанских юношей для получения высшего образования. Бюджет этого проекта составлял 4 миллиона рублей из расчета 36 000 рублей ежегодно на одного студента плюс 5000 рублей на транспортные расходы. Студенты же после завершения учебы должны были как минимум два года отработать на государственной службе.

И вот 14 января 1920 г. студенты отправились в дальнюю дорогу за европейским образованием. Проводы в Баку были пышными и торжественными. На остановках по пути следования – в Кюрдамире, в Гаджигабуле, Евлахе, Гяндже... – люди приветствовали своих юных посланцев, желали им всяческих успехов, и вообще было много всего хорошего.

В Тифлисе молодым азербайджанцам был предоставлен специальный вагон для поездки в Батум. Затем – Истамбул, теплый прием в азербайджанском посольстве. А оттуда – в Рим, где наших юношей встречали сотрудники посольства Грузии. И наконец, 11 февраля 78 бу-

дущих студентов (остальные юноши были направлены учиться в Россию и Турцию), прибыли в Париж, на Лионский вокзал.

Сотрудники азербайджанской делегации в Париже разместили их в двух гостиницах – «Бельмон» и «Иена». В гостинице «Кляридж», где размещалась азербайджанская делегация, ее руководитель Алимардан бек Топчибашы выступил с большой речью, обращенной к кандидатам в студенты. Перед началом учебы в вузах Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии, Англии азербайджанские юноши сфотографировались на память в Париже – и разъехались.

Снимок этот я получил в дар от Мамед бека Магеррамова, бывшего советника азербайджанской делегации на Версальских мирных переговорах.

Мамед бек Магеррамов был самым молодым членом делегации, он пережил всех представителей первой волны азербайджанской эмиграции, а также тех самых студентов, как вернувшихся, так и не вернувшихся на родину, которым, полным надежд, некогда помогал устроиться в Европе. Умер он в Париже в 1982 г. По его рассказам, а также вследствие просмотра личной переписки Джейхун Гаджибейли, которую я потом передал в Госархив республики, у меня накопилась, как мне кажется, интересная информация о судьбах некоторых из тех студентов, обучавшихся в Европе. Этой информацией я и хочу поделиться с читателями.

Все выехавшие в течение шести месяцев получали стипендию и деньги на оплату обучения. Но после большевизации Азербайджана ситуация резко ухудшилась. Деньги стали поступать нерегулярно. Положение стало и вовсе отчаянным после отъезда из Баку Наримана Нариманова на работу в Москву.

Руководители, пришедшие к власти после него, стали делить студентов на благонадежных и неблагонадежных. И это при всем том, что Азербайджан крайне нуждался в высококвалифицированных кадрах.

Вот что писал 21 июля 1922 г. о положении студентов из Константинополя в Париж Джейхуну Гаджибейли доктор Бахрам Ахундов, назначенный еще в 1919 г. ответственным за молодежь, обучавшуюся за границей:

«Дорогой Джейхун!

...Относительно студентов: я работал в Баку более 2 месяцев для них, своими руками подготовил в комиссии около 200 (неразборчиво) бриллиантов и послал через Москву с двумя студентами.

Я не знаю, как они реализовали; об этом Нариманов через... (неразборчиво) написали письмо в Берлинское представительство...

Отсутствие Наримана изменило все относительно студентов, что будет дальше, ничего не известно; я не забываю их и не забуду, по приезде в Баку буду работать для них, они нам нужны, лишь бы они учились...

Твой Бахрам».

Тревога доктора Бахрама Ахундова подтверждается многочисленными письмами студентов, адресованными в Париж Джейхун беку (стиль автора везде сохранен).

Студент-текстильщик Теймур Асланов из Германии пишет:

«...Несомненно, Вы в курсе нынешнего студенческого дела. Добавлю как новость об исключении меня из числа стипендиятров. На заседании особой комиссии в Баку был со стороны одного члена намек на то, что я стою близко к реакционным кругам и являюсь тем, кто своевременно и детально передает обо всем в Константинополь.

Уважающий Вас Теймур».

Тяжело читать письмо студента из Франции Аждар бека Ахундова:

«Глубокоуважаемый Джейхун бек!

Не могу Вам выразить мою искреннюю благодарность за Ваше братское внимание ко мне в такую тяжелую минуту...

...Я поступил к хозяевам вот уже до двух месяцев. Но до 1 июля я работал в Париже, там работа была легче и я кое-как выносил, но они на лето приехали сюда (г.Динар, курорт во Франции) в их собственную виллу, и моя работа прибавилась в 10 раз, ибо тут приходится вставать в 6 часов утра и уходить в центр города за молоком.

Это около 2,5 верст от виллы, и при моем здоровье Вы вообразите, что я переношу.

Азербайджанские студенты в Париже в 1920 году

Прийдя в 8,5 ч. домой, опять начинается работа, уборка квартиры из 14 комнат, пока уберу, ей-богу, ноги дрожат от усталости и слабости, и, кроме того, после этого приходится помогать на кухне, ну это уже больше, чем ужас... Такая грязь и при такой обстановке нужно оставаться до самого 10,5 час вечера.

Простите, ради Бога, что я сейчас плачу и не могу продолжать писать...

...Ради Бога, спасите меня, я боюсь, что от испуга сойду с ума...

Остаюсь Ваш преданный Аждар бек».

Двоих из студентов – Шихзаманов и Измаил Алиев за неуплату долгов попали в тюрьму.

А вот письмо студента-кораблестроителя из Германии Абдул-Гусейна Дадашева:

«Глубокоуважаемый Джейхун бек!

...правительство исключило из списка нескольких студентов; в их числе находусь я. Причиной этому были здешние товарищи, мнения которых не сходятся с моими взглядами...

Уважающий Вас Абдул-Гусейн».

6 juillet 1922
100

Morphaeum

Amicus - ben.

Наименование музея и место земли, на которой оно расположено
Белорусский государственный музей изобразительных искусств в Минске
г. Минск, ул. Красная, 10. Площадь земли 16 гектаров.
Историческое значение. Был основан в 1924 году.
Состав коллекции. Состоит из 300 предметов из коллекций
известных художников.

С современными

Moments

James Remond D. Raginoff

~~May-Sept~~

Расписка Д.Рагимова

Как видно из последнего письма, Особая комиссия пользовалась услугами осведомителей при решении вопроса о благонадежности зарубежного студенчества. Наверняка не ошибусь, если скажу, что среди получивших европейское образование было немало и тех, кто в 1937 г. были отправлены на Колыму. А часто бывало и так, что человека призывали как бы благонадежным, он, поверив посулам, возвращался на родину, – и терялся потом его след навсегда в снегах архипелага ГУЛАГ.

Трагически закончилась жизнь, например, молодого поэта Али Юсифа. Получив блестящее образование в Париже, он вернулся в Баку, а через некоторое время был расстрелян.

Но и вправду рукописи не горят. После нашей заметки в три-четыре строки об Али Юсифе в «Эдабият вэ Инджэсэнэт» 9 июня 1989 г. в этой же газете от 28 июля того же 1989 г. с большой статьей о творчестве забытого поэта выступил Аббас Абдулаев. Автор статьи многие годы собирает стихи Али Юсифа и пишет, что юный поэт предсказал свою судьбу в произведении, написанном накануне отъезда в Европу на учебу 14 января 1920 г.

Ey muqeddes sanlı,
sevimli olke!
Haqqını halal et,
Biz gedar olduq.
Kim bilir qazayı?
Denmedik belke...
Haqqını halal et,
Biz gedar olduq.

О, священный, славный,
наш любимый край
Суждено нам ехать,
благослови свой хлеб.
Какие беды ждут нас,
не дано нам знать.
Суждено нам ехать,
благослови свой хлеб.

Господин Аббас Абдуллаев вернул нам считавшиеся утерянными стихи Али Юсифа, и за это ему низкий поклон!

Драматической оказалась и судьба некоторых студентов, закончивших учебу и не вернувшихся в Азербайджан.

Двое покончили жизнь самоубийством: выпускники сельскохозяйственного института в Лаперузе (Италия) Акбер Садыг – в 1928 г. и юридического факультета Парижского университета Мир Абдин Мир Гасым – в 1929 г. Нет свидетельств, чтобы определенно сказать, почему они так поступили. Но не думаю, что из-за несчастной любви. Скорее из-за невыносимых условий жизни.

Первый скульптор – азербайджанец Зейнал Алиев в своем последнем письме Джейхуну Гаджибейли 27 августа 1927 г. писал, что окончил в Перудже (Италия) Академию изящных искусств, но не может найти работу, бедствует, собирается переехать в Бразилию...

А вот у бакинского адвоката Ага Гасыма Гасымзаде жизнь сложилась удачно. После падения АДР он выехал в Иран, а затем в Париж, где в Сорbonne защитил докторскую диссертацию на тему «Босфор и Дар-

данеллы: правовые аспекты». В 1926 г. он стал членом научного общества «Союз Азиатик». Из Парижа он вернулся в Иран и стал преподавателем юридического факультета Тегеранского университета, получив звание профессора. После Второй мировой войны он стал сенатором и играл видную роль в политической жизни Ирана. Профессор Ага Гасым Гасымзаде скончался 20 октября 1959 г., похоронен на кладбище парка Алиджан.

...Будучи студентом Азербайджанского Государственного университета, я слушал блестящие лекции по кристаллографии профессора Аслана Зейналовича Везирзаде, окончившего в 1925 г. во Франции Горный институт. В конце 70-х годов я встретился с ним в Баку и передал фотографию студентов, на которой запечатлен и он.

Выдержав паузу, я передал также фотокопию заявления, написанного им во Франции при поступлении в Горный институт. Изумлению профессора не было границ, и он тут же перешел на французский язык. Договорились встретиться еще и обменяться информацией о бывших студентах начала 20-х годов. Но какие-то дела каждый раз мешали нам, и встреча все откладывалась... Простить себе этого я не могу...

«Панорама»,
15 марта 1996 года

ДИПЛОМАТ ЮСИФ ЧЕМЕНЗЕМЕНЛИ

В автобиографии Юсифа Везира Чеменземенли указано, что он с ноября 1919 года по апрель 1920 года являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом Азербайджанской Республики в Турции.

Во время служебной командировки в январе этого года в Лондон я посетил Национальный архив Великобритании. Здесь хранится материал, представляющий огромный интерес для изучающих историю Азербайджана периода 1918 – 1920 годов. За один день работы в архиве, конечно, невозможно проштудировать все эти материалы, но общее представление составить можно. Хочу с благодарностью отметить, что многие из хранящихся там документальных архивных документов проанализированы в книге известного американского историка Тадеуша Святоховского «Российский Азербайджан, 1905 – 1920-е годы». Книга издана Кембриджским университетом в 1985 году и пользуется большой известностью среди специалистов западных стран. Этот труд переведен на турецкий язык Нураем Мертом («Баглам яйынлары», Анкара, 1988), а обществами азербайджанцев Западной Европы – на персидский язык. Издательством «Дагели ферлаг» запланирован выпуск

книги на немецком языке. Критические заметки об этом исследовании опубликованы в журналах «Армениан ревью» (США), «Ани» (Франция), «Фесли-катаб» (Великобритания) и в сборнике документов «Советский Азербайджан. Измышления и правда», подготовленном Центром научной информации по общественным наукам Академии наук Азербайджанской ССР. Думаю, несмотря на то, что не все критические заметки имеют под собой основу, все-таки целесообразно издать книгу на азербайджанском языке. Это дало бы возможность читателю ознакомиться с богатым материалом, собранным в различных зарубежных архивах. Библиография книги по истории Азербайджана за период 1905 – 1920 гг. охватывает все значительные издания за 1919 – 1984 годы.

При беглом ознакомлении с архивными документами я обнаружил переписку о поездке Юсифа Чеменземенли в Истамбул (папка «Форин Офис», №371, 1906 – 21 гг., дело №137211, стр. 136 – 165).

Поездка Юсифа Везира впервые упоминается в письме Верховного комиссара Великобритании в Закавказье Оливера Уордропа Министерству иностранных дел от 3 октября 1919 года. В этом письме О.Уордроп доводит до Лондона просьбу министра иностранных дел Азербайджанской Республики М.Джафарова об оказании помощи находящемуся в Батуми Мир Юсиф беку Везирову в его поездке в Истамбул. 6 октября 1919 года О.Уордроп шифрованной телеграммой ставит в известность Лондон о составе азербайджанской делегации: Везиров (руководитель) с семьей, Гайбов (советник по финансовым вопросам), Везиров (секретарь) с семьей. Имена Гайбова и Везирова в телеграмме не указаны.

9 октября Министерство иностранных дел Великобритании ставит в известность О.Уордропа и военного губернатора Батуми о невозможности оказания помощи в поездке делегации в связи с создавшимся положением.

Надо отметить, что М.Джафаров три раза по этому вопросу обращался к Уордропу – 27 июня 1919 года (нота №2311), 21 августа (нота №2702) и 25 сентября. М.Джафаров в одной из нот пишет, что по имеющимся у него данным политические миссии грузин и армян уже находятся в Истамбуле.

Из переписки между Тифлисом, Лондоном и Истамбулом становится ясно, что в связи с состоянием войны между Великобританией и Тур-

цией, а также непризнанием в тот момент Азербайджанской Республики союзовыми государствами, англичане не захотели пропустить азербайджанскую делегацию в Турцию.

Несмотря на все это, Юсиф Везир встречается с Верховным комиссаром Великобритании в Турции вице-адмиралом Джоном М. де Робеком и излагает позицию Азербайджанской Республики по вопросам взаимовыгодного сотрудничества между Великобританией и Азербайджаном. В связи с этим министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон письмом от 10 декабря 1919 года требует разъяснения от военного представителя Англии в Турции. С этого момента Юсиф Везир был взят под надзор военной разведкой Генерального штаба Военного министерства Англии. Свидетельством этому являются секретные шифрованные телеграммы (декабрь, 1919) между министерством и его представителем в Истамбуле.

Ниже приводится перевод одной из этих телеграмм, содержание которой указывает на тайную слежку за деятельностью Юсифа Везира:

«Шифрованная телеграмма от 26 октября 1919 года. Военному министру от представителя Генерального штаба. Везиров прибыл в Константинополь 18 ноября 1919 года. Под серьезный надзор взяты порты Одессы, Батуми и Поти. Он не был отправлен обратно в Закавказье в связи с тем, что мы надеемся найти важные документы в его квартире или улики, изобличающие его».

Этой телеграммой исчерпываются сведения о дипломатической деятельности Юсифа Везира в Турции. По-моему, архивные документы Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики могут существенно дополнить эту небольшую заметку. В таком случае, мы более полно и широко ознакомились бы с жизнью и дипломатической деятельностью Юсифа Везира Чеменземенли.

«Одлар юрду»
«Страна огней») №7,
апрель 1989 года

«ПОМНИТЕ БЛИЗКО, ПОМНИТЕ ДАЛЕКО...»

Неизвестные письма И.А. Бунина

«Между прочим, откуда вы взяли, что не признаю на свете ничего, кроме русского, что я упоен только им, одним русским, – я, который так много лет провел в скитаниях по множеству чужеземных стран и не мало написал о них с восторгом? Откуда вы взяли, что я ненавижу французов, хотя вы и представить себе не можете, как невнимательны, как небрежны были они к истинно огромному, историческому и трагическому явлению русской эмиграции, как почти никто из них, даже наиболее просвещенных, не проявил ни малейшего желания сблизиться, общаться с нами, несмотря на то, что в среде эмигрантов, оказавшихся во Франции, был чуть не весь цвет русской общественности, русской мысли, русского искусства во всех его, как говорится "отраслях"!».

Строки эти, исполненные горечи и боли человека, прожившего многие годы на чужбине, принадлежат Ивану Алексеевичу Бунину. Он написал их в 1946 году французской писательнице Умм-Эль-Бану, с которой некоторое время был связан дружбой. Азербайджанка по происхождению, она родилась в Баку в 1905 году в семье крупного про мышленника, в молодости вместе с родителями оказалась во Франции,

и, быть может, нечто общее, при всей разнице в возрасте (Бунину в ту пору было 75 лет), в их эмигрантской судьбе сблизило двух литераторов. 33 письма направил Иван Алексеевич «шемаханской царице», как он в одном из них обращался к своей корреспондентке, ксерокопии этих бережно сохраненных автографов замечательного мастера слова мадам Банин передала в Советский фонд культуры.

Корреспондент Азеринформа получил возможность ознакомиться с письмами, никогда прежде не публиковавшимися. Большинство из них – короткие записки, реже – послания на нескольких страницах. Но среди строк о ласковых письмах «черноокой газели», о времени предстоящих встреч, самочувствии – Бунин хворал, температурил – непременно мысли о главном в его жизни – писательстве, «наше ремесло», как он сам его называет.

Они познакомились 13 июня 1946 года у Н.А. Тэффи, эмигрировавшей из России известной писательницы-сатирика.

Не ментором, не «почетным академиком Российской императорской академии наук», «общепризнанным великим писателем», как в шутку подписывается под письмами Бунин, но – еще одна подпись – «старым собратом по перу» предстает он в своих обращениях к другу. «Пишете вы по-русски все лучше и лучше, только в последнем письме есть маленькая чепуха – французская. Впрочем, и сам Толстой ошибался в подобных случаях (благодаря тому же французскому языку)».

А в следующем письме, среди прочего, опять о литературе. «... Все еще чувствую полынь в душе – от того, как слабо оценили вы мои рассказы – восхитились одной «старухой», да и только в силу гуманитарно-социальных соображений (на которых в искусстве далеко не уедешь)». И еще через день вновь возвращается к взволновавшему его: «Боюсь, дорогая моя, что то, что я написал вам вчера на счет моих рассказов, вы истолкуете неверно – подумаете, что я огорчился за ваше равнодушие к художественной стороне нашего ремесла». Этим-то, а не уязвленным авторским самолюбием, продиктован ответ писателя на отзыв Банин о его рассказе «Лика», героянью которой сам Бунин считает «вовсе не меланхолической, а довольно напористой».

В одном из писем Иван Алексеевич даже «позволил себе» посоветовать Банин, как завершить ее маленький рассказ, и привел концовку – письмо «его к ней». И столь же заинтересован он сам

Банин

во мнении Банин о собственном творчестве. «Эту книгу, – пишет он о сборнике своих произведений, – хотят переиздать в Немецкой Швейцарии – пожалуйста, посмотрите в ней хоть что-нибудь – хорошо ли звучит перевод, не надо ли сделать новый?»

Автор «Темных аллей», одной из лучших книг рассказов, написавшихся, когда ему перевалило за семьдесят, в переписке с Банин не касался своих новых работ. Лишь только в одном из писем проскользнуло: «Больше писать не могу – рука отказывается, нынче писал без отды-ху целых пять часов».

Так и не принявший революции, Бунин в эмиграции все равно оставался русским человеком, чем дальше, тем больше страдал от чувства одиночества, оторванности от родины.

Это подтверждает и Умм-Эль-Бану в своих воспоминаниях об И.А. Бунине, которыми она поделилась с нашим земляком Р.А. Абу-

Друзья Банин у нас дома на авеню дю Сюфрен, 56: Великий князь Владимир Кириллович с супругой Леонидой Георгиевной Багратиони, князь Константин Андроникофф с супругой Джаннет, Тамилла, моя дочка Севиль и внучка Фатима

тальбовым, ныне директором одного из отделов секретариата ЮНЕСКО в Париже. При содействии этого энтузиаста, немало делающего для пропаганды азербайджанской культуры за рубежом и возвращения на родину принадлежащих нашей стране культурных ценностей, состоялась передача ксерокопий бунинских писем. Не раз, навещая Банин в ее небольшой комнате в доме на улице Лористон, где она живет уже полвека, он с интересом слушал ее рассказы – на чисто русском, без малейшего акцента языке – о выдающемся писателе.

На единственной книжной полке, говорят Абуталыбов, где хранятся и собственные сочинения Банин, в том числе написанная о годах революции в Азербайджане книга «Кавказские дни», стоят два томика произведений И.А. Бунина. На одном из них авторское посвящение: «Дорогая г-жа Банин! Черная роза небесных садов аллаха, учитесь писать по-русски». Бунин всегда возмущался, вспоминала владелица этой

Джейхун и Паскаль Гаджибейли, Банин, Джанет Андроникофф

книги, что я пишу по-французски вместо того, чтобы пользоваться родным языком. А лучшим учителем российской словесности Иван Алексеевич считал Л.Н. Толстого, любовь к которому нас с ним объединяла.

И не случайно свою фотографию, где Бунин, по его шутливому замечанию, похож на какого-то знаменитого итальянского баритона с могучей грудной клеткой, он подписывает дорогими ему толстовскими словами. Текст, приведенный по памяти, воспроизведен не совсем точно. Но куда важнее буквы вложенный в него вещий смысл: «Позвольте, джаным, сказать словами Карла Ивановича из "Детства" Л.Н. Толстого: "Помните близко, помните далеко, помните еще и навсегда, как верно я любить умею».

Л. Гольдштейн, «Вышка»,
19 сентября 1996 года

ЭРНСТ ЮНГЕР И УММ-ЭЛЬ-БАНУ

Маленький рассказ о большой дружбе

С творчеством французской писательницы, нашей соотечественницы Умм-Эль-Бану (литературный псевдоним – Банин) читатели в Азербайджане знакомы по двум ее произведениям, изданным в Баку: «Последний поединок Ивана Бунина» (журналы «Азербайджан», декабрь 1987 г., «Литературный Азербайджан», сентябрь 1988 г.) и «Гафгаз гюнляри» («Язычи», 1992 г.). Всего же Банин опубликовала одиннадцать художественных произведений. Но следует оговориться, что вся ее проза, по сути, строго документальна, поскольку все, ею написанное, тесно переплетено с ее собственной судьбой.

А судьба этой выдающейся женщины поистине необычна. Вместе с мужем Бала Годжаевым она покинула Родину в 1924 году, когда ей было всего девятнадцать лет. Прямая наследница бакинских миллионеров Асадуллаева и Нагиева, расставшись с мужем в Стамбуле, она начала свою самостоятельную жизнь в Париже практически с нуля. Чем только поначалу ей не приходилось зарабатывать на жизнь! Перепробовав профессии секретарши, манекенщицы, переводчицы, журналиста, она по совету своих французских друзей решила наконец испытать себя в литературе. Первый же ее роман «Нами» (1943 г.) привлек вни-

Банин, Эрнст Юнгер, Джаннет и Леон Шварценберг

мание таких мастеров пера и мыслителей, как Сартр и Юрсенар, Бунин и Арагон, Элюар и Триоле, Казандзакис и Юнгер...

Из этого созвездия лишь Эрнст Юнгер – знаменитый немецкий писатель, ученый-энтомолог и философ – пережил ее. Их дружба длилась почти 50 лет и была прервана смертью Банин 23 октября 1992 г. Через пять лет после нее на 102 году жизни ушел и Эрнст Юнгер.

«Видимо, какая-то внутренняя духовная и интеллектуальная сила, которой обладала эта удивительная женщина, притягивала к себе весь цвет французской культуры, – пишут Горхмаз Кулиев и Нигяр Абуталыбова в «Литературном Азербайджане».

Участник двух мировых войн, Эрнст Юнгер был, тем не менее, пацифистом. После Первой мировой он написал свою знаменитую книгу «Стальные бури», в которой осудил всякие войны. В 30-е годы в другом своем известном произведении – «На мраморных скалах» – в аллегори-

Банин и Гарун Тазиэфф

ческой форме выступил с критикой нацизма. Эрнст Юнгер симпатизировал участникам покушения на Гитлера. Только благодаря счастливому случаю его миновал гнев фюрера.

После Второй мировой войны в своей книге «Мир» Эрнст Юнгер одним из первых выдвинул идею объединения Европы. Этой же идеей в те годы проникся и друг Эрнста Юнгера, будущий президент Франции Франсуа Миттеран.

Банин и Эрнст Юнгер познакомились 2 апреля 1943 г. после выхода в свет ее первой книги «Нами». Вот как это произошло. Из дневника Эрнста Юнгера: «Париж, 2 апреля 1943 г.

После полудня, улица Лористон, иду выпить чашку турецкого кофе у Банин, мусульманки из Южного Кавказа, роман которой «Нами» недавно прочитал...»

Из книги Банин «Портрет Эрнста Юнгера» (Париж, 1971 г.): «1 ап-

Друг Банин, уроженец Баку протопресвитер Алексей Князев

реля 1943 г. вдруг зазвенел телефон. Я услышала незнакомый голос: «Здравствуйте, мадам, говорит Эрнст Юнгер...». На другой день он зашел ко мне в форме офицера германской армии».

По признанию друзей, – Банин была своего рода послом Эрнста Юнгера во Франции. Она занималась его литературными делами, перевела на французский его письма и статьи, посвятила ему три книги «Встречи с Эрнстом Юнгером», «Портрет Эрнста Юнгера», «Разномыслий Эрнст Юнгер».

В свою очередь Эрнст Юнгер посвятил Банин немало страниц в своих произведениях «Гелиополис» и «Парижский дневник»...

Уроженец старинного немецкого города Гейдельберг, Эрнст Юнгер похоронен у себя на родине. А Банин навсегда осталась на своей второй родине – в прекрасной и свободной Франции, давшей последнее пристанище многим выдающимся деятелям науки, литературы и искусства из различных стран мира.

«Панорама»,
29 марта 1996 года

«НУРИ-ДИДЕИ ДЖЕЙХУН!..»

Этими словами, что в переводе означает «Свет очей моих, Джейхун», начинал великий Узеир бек Гаджибеков все свои письма любимому брату Джейхун беку.

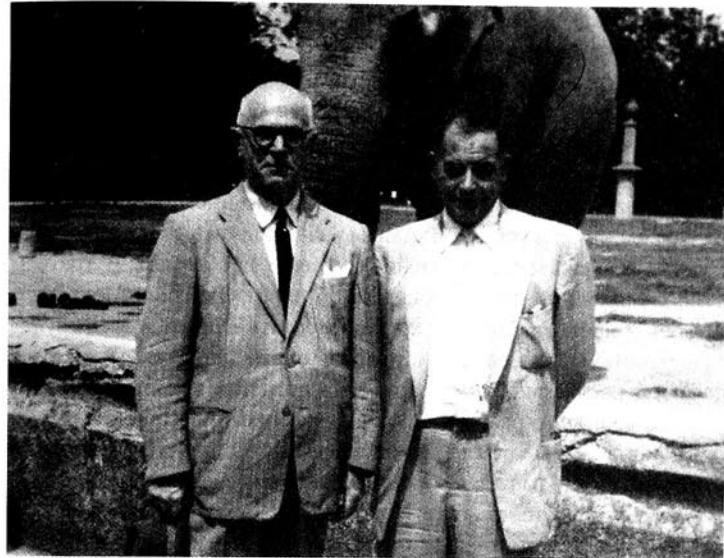
Передо мною новые, еще никем не исследованные письма из этого ряда. Они написаны в 1919 – 1927 годах. В них Узеир бек, в присущей только ему манере, рассказывает Джейхун беку о событиях, происходящих в Баку, о семейных делах... Читая их, невозможно не ощутить огромную любовь и нежность, с которыми наш всемирно известный композитор, «отец азербайджанской музыки» (А.Шариф) относился к своей семье, родственникам, к своему родному Азербайджану. Он был первым азербайджанским композитором, оставил вечный след в мировой музыкальной культуре. Но помимо неповторимого музыкального таланта, наш классик обладал точным умом и ясным литературным стилем. Это чувствуется и в его эпистоляриях. Вот и в письмах брату композитор излагает свои мысли о прожитой жизни, делится творческими планами красивым, образным языком. Он говорит о том, что хочет оставить для грядущих поколений новые произведения, он размышляет о былом и грядущем. И вдруг в письме от 19 марта

La *Kaitane* du Medjoun.

La tribu ~~qui habite le désert~~ El-Amiri habitait
vers la fin du 1er siècle d'Hexagone fortifiée
le désert et la plaine située entre Bagdad et Bassorah.
Elle était composée de Guerriers et arrivée par le Tigre.
Les autres tribus nomades qui venaient de l'Ouest,
les Guerriers plus riches et la plus grande au pays, Ses brigades,
les tribus nomades qui venaient de l'Est, étaient composées
des hommes qui étaient des guerriers et des chasseurs.
Elle comptait environ 100000 hommes, dont 100000 chevaux,
mous et des milliers de chevaux, Guerriers
Indiens et Guerriers fidèles envers les ~~guerriers~~ avec
eux et fidèles envers eux, hospitaliers envers tout
et bons et bons de la tribu qui étaient de l'est
Bassorah, et de l'Ouest, et de l'Est.
et du respect de leurs voisines et des chasseurs
qui visitaient le pays.

Le chef de cette tribu s'appelait Melouch (en Malakalme) et effectivement le nom des chefs de la tribu (nommé par les siens et respectés par les autres). C'étaient les plus riches et parmi les plus riches et le plus riche homme très riches. Ce que manquait à cet homme que n'ayant aucun autre souci - c'était un héritier. Bien qu'il n'ait pas d'enfant marié depuis 15 ans et n'ayant personne atteint l'âge de mariage, l'enfant a été adopté dans la tribu à l'âge de 30 ans. La femme de ce chef est stérile et n'a pas d'enfant. Son enfant devenait également son fils. Il n'y aura personne qui gèrera ses biens. Il n'y aura personne

Фрагмент перевода Джейхун Гаджибейли оперы «Лейли и Меджнун» на французский язык

Джейхун бек с руководителем азербайджанского отдела радио «Свобода» Исмаилом Акпером

та 1919 года пробивается очень человеческая, щемящая нотка: «...во всяком случае не надо портить себе настроение. Только были бы все здоровы. Даст бог, после возвращения заработаете еще больше, чем раньше. Главное здоровье...»

И вот эти простые житейские слова дают толчок моему воображению. Мысли уводят меня в невообразимые дали. Я не претендую на детальный анализ писем Узеир бека, я о другом. Я читаю и восхищаюсь его верой в будущее. Правда, Джейхун бек возвратился на Родину через семьдесят пять лет – своими книгами, трудами по разным наукам. Погребен же он в Париже. Сейчас его слава, известность в Азербайджане растут день ото дня. Наследство его исследуют, изучают.

Письма Узеир бека поражают своей прозорливостью. В одном из них, в частности, выражается надежда, что когда-нибудь издающаяся с 1919 года газета будет носить гордое название «Азербайджан».

В письмах спокойно, скучными, точными штрихами обрисовываются события тех лет, общественная жизнь. С присущей ему полнотой и доходчивостью он пишет о бытовых неурядицах, политических проблемах. В одном из первых писем (написанном в 1919 году) Джейхун беку мы можем встретить имена Насиб бека Юсифбейли, Мамед Эмина Рагиуллаев, Шефи бека. Далее, он информирует брата об изменениях в правительственные кругах. А в письме, написанном в 1921 году, он пишет о редакторе журнала «Тамаша», издающегося в Истамбуле, далее снова возвращается к семейно-бытовым проблемам. В третьем письме очень интересное сообщение об опере «Лейли и Меджнун». Узеир бек пишет: «...Сейчас я хочу обработать «Лейли и Меджнун» и превратить ее в новую системную оперу, так как у нас уже появляются профессиональные артисты и артистки, которые получают образование в консерватории...». Так, из описания событий значительных и, на первый взгляд, не «эпохальных», по прочтении этих писем исподволь складывается объемная панорама времени, его исканий и надежд, его радостей и утрат.

Из этих писем достаточно много можно узнать и об окружении Узеира бека, жизни бакинского общества.

Эти письма до сих пор в Азербайджане никому не были известны. И когда в Париже у меня состоялся разговор с сыном Джейхун бека, Тимурином, на эту тему, он, не задумываясь, сказал: «Пусть письма Узеира бека хранятся на его Родине». Его слова и обрадовали меня и, одновременно, заставили задуматься: куда сдать на хранение эти бесценные для каждого азербайджанца документы? Решил, что самым подходящим и надежным хранилищем для них является Государственный архив литературы и искусства Азербайджанской Республики. Именно здесь как раз хранится фонд Джейхун Гаджибейли. Думаю, в ближайшее время письма Узеира бека передать на хранение государственному архиву. В связи со 110-летием Узеира бека три написанных им в 1919 году письма, содержание которых несомненно представляет интерес для читателей, я передал газете «Азербайджан» для публикации. Стистика писем не изменена. Содержание писем переведено мною на кириллицу. Хочу отметить, что если все эти новые письма Узеира бека будут опубликованы, то они предоставят исследователям многие интереснейшие сведения о жизни и творчестве нашего великого композитора.

Узеир бек писал: «Не умрем, будем живы, все займет свое место...». После семидесяти пяти лет хранения на чужбине его письма вернулись на Родину.

«Азербайджан»,
30 августа 1995 года

НА ЧУЖИХ БЕРЕГАХ

В многочисленных статьях о первой волне эмиграции из России пишется в основном о людях, покинувших Родину по политическим мотивам. Но среди уехавших были не только политики и военные. Покидали отчий край не принявшие октябрьский переворот учёные, инженеры, писатели, музыканты... «Дрожит пароход. Стелет черный дым. Глазами, раскрытыми от холода, смотрю и долго видеть буду, как тихо, тихо отходит моя земля» – так описывала отъезд многих десятков тысяч человек писательница Н.Тэффи.

Российскую империю покинуло более миллиона людей, из которых около 300 тысяч избрали своим пристанищем Францию. Русская эмиграция (в это понятие за рубежом включают всех эмигрантов из Российской империи), проживавшая во Франции в период между мировыми войнами, называла ее «Россией малой», а ее столицу – «российским блистательным Парижем» по аналогии с «блестящим Петербургом».

«Мы не в изгнании, а в послании», – говорил поэт Георгий Иванов. За короткое время в Париже возникли «русские» кварталы, гимназии, театральные и музыкальные труппы, журналы, газеты, магазины, рес-

Национальная Лотерея

Продажа 6, 7, 8 и 9-го выпусковъ

Цѣлыми билетами, половинами
четвертями и десятыми частями

ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ

Всѣ порученія въ Россію

A. GODOVANNIKOFF 30, Quai de Passy, PARIS-16^e
Télép.: JASMIN 01-50 Métro: PASSY
КОНТОРА ОТКРЫТА

отъ 9 час. до 9 час. вечера безъ перерыва,
но покинута суббота и воскресеній

ТОЛЬКО НАША ФИРМА

AGENCE GENERALE « LUTETIA »
24, Rue Caumartin. Tél.: Opéra 82-73.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ВАМЪ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕѢ
ПО ЦІНЬ 1/10 ЧІСЛА БІЛЕТА ЛЮБОГО ВЫПУСКА ПО 11 x 14 frs.
ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЖА БІЛЕТОВЪ ЦІЛЫМИ, ПОЛОВИНАМИ И ЧЕТВЕРТЬМИ.
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 9-ти ЧАС. УТРА ДО 8-и ВЕНЕРА БЕЗЪ
ПЕРЕРВЫ, ВОСКР. И ПРАЗД. ОТЪ 2 ДО 7 ВЕНЕРА.
ИНОГДАНИЕ ПЛАТИТЬ НА 2 ф. ДОРОЖЕ.
ПРИ ПИСЬМЕННЫХЪ ЗАПРОСАХЪ, ПРИГЛАСТЬ МАРКУ НА ОТВѢТЪ.

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многочисленныхъ
клиентовъ оказать ему внимание посещениемъ его ресторана,
гдѣ нѣкогда раздухній прѣмъ и изысканный столь.

CAVEAU CAUCASIEN

Самое старое и уютное завѣрь Парижа.
54 RUE PIGALLE. Tél.: TRINITE 38-97
НАТАША КУЗНЕЦОВА, РУФАТ БАХАИЛОВЪ, МАКСИМОВЪ, В. МИХАЙЛОВЪ, РАРИН, ШАВАСС ОРКЕСТРЪ
ЛАЗАРЪ ПОПЕСКО.

А. Н. ВЕРТИНСКІЙ
НЮРА МАСАЛЬСКАЯ

Баръ. Шампанское не обязательно. Откр. съ 11 час. вечера.
Дирекція ИРАКЛИ ГУРУЛИ.

Реклама из журнала «Иллюстрированная Россия» от 3 февраля 1934 г.
об участии Руфатбэя Халилова в концертной программе ресторана
«Кавказский подвал»

Banque Industrielle du Centre

85, rue Richelieu, 85, Paris (2^e)
Tel.: Lettre 09-11 et Cent. 35-67

Вѣт банкнотъ операций

Сортиментъ банкнотъ французскихъ поручений въ
РОССІЮ. Переводы и чеки на «Торговыи Продукты» бывш. АГІАТІАУІ
СОЮЗІІ НАЦІОНАЛЬНОЇ ЛОТЕРЕѢ. Иѣ
изъ билета 100 фр. и 5 фр. почтовыхъ рас-
ходовъ. Розыгрышъ до мая 1934 г.
Продажа 1/10 части билета 15 фр.
1/100 билета 10 франковъ 12 фр.
Ночлежные расходы ..... 5 фр.
ДЛЯ ПАРІІІ СВІРЖЕНІЯ, покупка га-
рантированнія французскими прави-
тельствомъ билетовъ Су-дѣлъ
«Caisse Nationale d'Epargne». Піс-
тица «Ville de Paris» и др. Выигры-
ши 1.000.000 франк., ежедневно. Рус-
скіе проспекты безплатно. Корреспон-
денція по-руссіи

S. A. P. E. C.

Société Auxiliaire de Financement
Pour l'Expansion Commerciale
44, rue de la Boëtie, Paris (8e).
Tel.: Elyées 89-40.

КРЕДИТЪ подъ бриллианты, золото и др.
цінности, а также подъ коммерческие
векселя.

Помогаетъ выкупъ помѣрзаннія кин-
така, покупаетъ и платить дороже
всѣхъ.

Премъ отъ 9 до 12 час. и отъ 2 до 7 час.

Противъ Кашля
КАТАРРОВЪ
и противъ
БРОНХІТОВЪ
Капсюли

GOUTTES
LIVONIENNES
TROUETTE-PERRET
Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ

Оптово-розн. колб. и гастрон. магазинъ
И. РОСТОВЦЕВЪ

28, r. de la Reine-Blanche, Paris (13^e).
M-r Gobelin. Tel.: Gobelin 23-05.

Вода, изысканн. рабіновая, хрустальная
шампань, ширпотреб и др. Продажа запасовъ
безъ посредниковъ. Магазинъ открытъ
съ 12 час. Магазинъ открытъ
съ 15 час. въ бочкахъ отъ 200
литр., а также и поштучно.
Отправка въ провинцію и заграницу.

Покуп. шамп. и фуршамъ у Вольте
и Петрограда
«CHAPEAU MUSSO»

Ницца, 4, av. Malmaison, Cannes; 12 rue
de Chateaudun. Монако, Ментон.

тораны... Но выходцы из России тяжело входили в непривычную для себя атмосферу. Ностальгия тянула к своим, к знакомой обстановке.

И русские рестораны стали самым популярным местом, где можно было вспомнить о прошлом; на короткий миг вернуться к «своим берегам», просто забыться. Чаще всего эмигрантов тянуло в рестораны, где исполнялись старинные русские и цыганские романсы, зажигательные кавказские танцы. Все здесь было знакомо: пели любимцы московской и петербургской публики – Настя Полякова, Надежда Плевицкая, Юрий Морфесси, Александр Вергинский, играли знаменитые румынские и молдавские цыгане – Жан Гулеско, братья Колдобан, блюда готовил шеф-повар последнего царя Федор Корнилов. По мнению старых эмигрантов, в начале 20-х годов самым популярным местом встреч выходцев из России был ресторан-кабаре «Кавказский подвал», открывшийся в Париже 22 октября 1922 г. по адресу: улица Пигаль, дом 54.

Гвоздем музыкальной программы в этом кабаре была джигитовка в исполнении Руфат бея Халилова, Шоты Гедеванишили, Николая Джапаридзе, Луки Казайшвили. Болгарский гитарист и певец Константин Казанский, автор книги «Русское кабаре» на французском языке, пишет: «Богатые американкисыпали деньгами своих принцев. Миф о красивых грузинах обошел весь Париж. Богатые незамужние женщины, а особенности американки, мечтали выйти замуж за них...»

Далее он описывает случай с любимицами парижской публики: «Однажды Нитца Колдобан с двумя танцорами-грузинами зашел в кафе-мороженое «Сан-Суси» выпить бокал вина. Вдруг у бара на него набросился корсиканец по имени Андре, ранил его и других иностранцев, оккупировавших, по его мнению, «родную Пигаль». На следующий день Андре уже не один, а со своими друзьями вновь попытался напасть на Нитцу. Но кавказцы, обнажив свои кинжалы, устроили Андре и его друзьям кровавую баню. После этого французская полиция приказала им носить кинжалы запаянными в ножны...»

К.Казанский вспоминает и других кавказцев: Хас-Полада, Мурад бея Туаева. А грузинский князь Сергей Мдивани женился на знаменитой актрисе Поле Негри, когда ей было 67, ему – 27. Затем он развелся с ней и женился на певице Мак-Кормик, его брат Давид – на кинозвез-

де Мэй Маррей, третий брат – на Барбаре Хаттон, наследнице владельца сети магазинов «Вулвортс», Арчи Гуриели – на Елене Рубинштейн.

Вот как описывает Александр Вергинский танец Руфат бея Халилова, с которым он выступал вместе в кабаре «Кавказский подвал»: «Смуглый и стройный Руфат Халилов танцевал лезгинку с кинжалами во рту. Каждую крупную ассигнацию, которые летели на пол, он прокалывал кинжалом. Легко плыл в танце, чуть раскачиваясь, то бешено вскрикивая, то замирая на месте, он, стоя на пуантах, вдруг прыгал, как тигр, и, подлетев к столу, где сидели женщины пошиканее и побогаче, втыкал неожиданно кинжал между бокалами и бутылками вина, француженки и англичанки взвизгивали от ужаса и сразу влюблялись в Халилова. Уходя, они совали ему в руки тысячи франков и назначали свидания.

В каждом кабачке был свой танцор лезгинки. Но, конечно, не такой, как Халилов. Он действительно танцевал изумительно. Какая-то американка возила его даже в Америку, откуда он, впрочем, скоро вернулся, не сделав карьеры».

Как же сложилась на чужбине жизнь Руфата Халилова после ухода из «Кавказского подвала»? К сожалению, у нас сведений об этом нет.

Может быть, брат Руфата, глубокоуважаемый Рамазан бей Халилов, прочитав эту статью, расскажет читателям «Панорамы» о дальнейшей его судьбе...

«Панorama»,
6 июня 1996 года

P.S. В «Панораме» от 25 июня Рамазан бей подробно рассказал о жизненном пути своего брата. Приведем из этой очень интересной статьи некоторые даты.

Руфат бей родился в Тифлисе в 1894 г. Был принят в студию МХАТ в 1913 г. Но Первая мировая война не позволила ему учиться. Руфат бей ушел добровольцем на фронт в рядах знаменитой Дикой дивизии, в состав которой входили мусульмане Кавказа.

В 1920 г. Руфат бей навсегда покинул Родину, умер во Франции, похоронен в г. Канны.

ТРИ ТОВАРИЩА

Наверное, нет в мире художника, который бы не мечтал пожить и поработать в Париже. К сожалению, в течение долгого времени Париж был закрыт для большинства художников из СССР.

Только избранные из числа наиболее законопослушных советских «мастеров кисти и резца», притом за очень редким исключением, рьяные представители социалистического реализма имели возможность не надолго посещать такие центры мирового искусства, как Париж и Рим...

Слава Богу, сегодня многие художники из бывших республик СССР могут свободно выезжать за границу. В том числе и из Азербайджана. Но наш рассказ не о них, а о трех художниках-азербайджанцах, живших и работавших в Париже в годы, когда столица мирового искусства была доступна только эмигрантам.

Селим Туран (1915 – 1994 гг.)

Сын Алибека Гусейнзаде, Селим получил блестящее образование. После окончания престижного франкоязычного Галатасарайского лицея в Стамбуле и Академии изящных искусств он вскоре, а именно в 1941г., становится непрекаемым авторитетом среди коллег.

В те годы в Турции существовали различные направления в изобразительном искусстве. С одной стороны – продолжатели традиций итальянской и французской классики, а также импрессионизма, с другой – модернизма и его различных тенденций.

Селим выбирает второй путь и становится первым тюрком, работающим в области нефигуративной живописи. Несмотря на первый приз самого известного биеннале в Анкаре, он подвергался резким нападкам со стороны официальных критиков, находящихся на служении режима.

И в результате, вместе с другими известными турецкими художниками – Абидином Дино и Авни Арбашем – эмигрирует в 1947 году во Францию. Правительство лишает всех троих права возвращения в Турцию.

В Париже Селим полностью отходит от реализма. На его творчество оказывают влияние знакомство и дружба с такими известными художниками, как Леопольд Леви, Анри Матисс, Серж Полякофф, Пьер Сулаж, Ханс Артунг и Жан Базен.

Первые свои абстрактные полотна Селим выставляет в 1950 году в галерее Брето. Но и в Париже его работы вызывают многочисленные споры, в особенности, картина «Нарастающие ритмы».

В первые годы эмиграции он увлекается темными красками. Позднее на его полотнах появляются красные и голубые цвета. Картина «Богазичи», подаренная мне Селимом, написана в 1975 году. На этом панно нежно-розовые, серые и голубые цвета дают изумительное изображение Босфора в тумане.

В Париже Селим занимается и педагогической деятельностью. Он преподает живопись в Академии Рансон, школе искусств Фонтенбло и в Академии Готц.

Селим уехал из Турции живописцем, а во Франции увлекся также скульптурой. С 1975 года он начал создавать движущиеся скульптуры. Самую крупную из них он установил в 1993 году в парке Гуртулуш

Селим Туран (слева)

в Анкаре: после долгих лет жизни на чужбине ему было позволено вернуться на родину.

Увлекался Селим также каллиграфией, миниатюрой. В его абстрактных композициях заметно влияние исламской каллиграфии.

С некоторыми его работами можно познакомиться и в Баку – в Музее литературы, Фонде культуры, Музее изобразительного искусства, в Азербайджанском обществе дружбы...

Человек твердых демократических взглядов, Селим долгое время не ездил в Турцию и не выставлялся там. И только с начала 80-х годов он стал регулярно навещать страну, где родился.

Неоспоримый мэтр турецкого авангардизма, Селим был очень скромным, душевным и мудрым человеком. Он никогда не искал материального благополучия, не занимался «проталкиванием» своих работ

на рынок искусства, не озадачивал своих друзей, близких и знакомых просьбами найти богатых покупателей...

Никого не беспокоил он и в последний день своей жизни. Вот что рассказала верная спутница его жизни Шаика ханум: «Друзья ушли от нас после полуночи. А Селим начал работать над неоконченным полотном. В три часа утра он отложил кисть, лег на кровать около мольберта, потушил свет и заснул. И больше не проснулся...»

Селим ушел, не осуществив многоного из своих замыслов. Но созданные им произведения уже заняли прочное место в истории современного искусства.

Ибрагим Сафи (1898 – 1983 гг.)

Ибрагим Рахман оглу Сафиев родился в селении Баш Норашен. Учился в Иреванской гимназии и Московской академии художеств.

В возрасте 20 лет Ибрагим Сафи переехал в Турцию и завершил свое образование в Академии изящных искусств в Стамбуле.

В качестве стипендиата турецкого правительства он провел более десяти лет в Западной Европе, в том числе во Франции. Персональные выставки в Париже, Риме, Вене и Берлине принесли талантливому азербайджанскому живописцу заслуженный успех.

Благодаря Селиму Турану мне удалось познакомиться в Париже с некоторыми работами Ибрагима Сафи, в частности, у его родственницы Лейлы ханум Векилли, турецкого антиквара Ахмеда Бенли и полковника французской армии в отставке, русского по происхождению, Михаила Васильевича Гардера.

4 января 1983 г. в Стамбуле, в галерее Одагулу Бейоглу открылась персональная выставка Ибрагима Сафи, посвященная 70-летию его творческой деятельности.

Но художнику не было суждено присутствовать на ней – он скончался за день до ее открытия, 3 января...

Через два года (3 – 18 мая 1985 г.), благодаря усилиям профессора, доктора Энвер бея Тали Четин, в Центре культуры имени Ататюрка прошла большая выставка Ибрагима Сафи.

Иногда в Париже им удавалось собраться вместе. Семья Асадуллаевых – на переднем плане слева Кюбра, справа Банин, за столом их брат Шамси и родственники

Кюбра Асадуллаева (1901 – 1985 гг.)

Она была третьей из четырех дочерей Мирзы Асадуллаева и Умм-Эль-Бану Нагиевой. Кюбра ханум с детства увлекалась рисованием, но серьезно начала заниматься живописью после эмиграции из Баку в Париж. Брала уроки у известных парижских мастеров кисти, одно время входила в «группу российских художников». Затем под влиянием известного художника Лотта увлеклась кубизмом и наибольших успехов добилась в этом направлении.

Похоронена в Париже на кладбище Батиньоль, недалеко от могилы выдающегося русского певца Федора Шаляпина.

«Панорама»,
20 июня 1996 года

НА СТЕНДАХ – ИСТОРИЯ

В Институте рукописей открылась именная выставка частной коллекции азербайджанского дипломата Рамиза Абуталыбова

Экспозиция под названием «Азербайджанская эмиграция во Франции» организована Международным обществом азербайджано-французской дружбы и посольством Франции в Баку.

В коллекции посла по особым поручениям МИД Азербайджана Р.Абуталыбова, ныне являющегося генеральным секретарем Азербайджанской Комиссии по делам ЮНЕСКО, ответственным секретарем общества «Азербайджан–Франция», 110 документов – фотографии, письма, брошюры, буклеты, книги, изданные в Париже в 20 – 30-е годы представителями первой азербайджанской эмиграции. Причем больше половины этих документов выставлены впервые.

Среди экспонатов такие исторические фотографии, как место захоронения Александра Макинского в предместье Сен-Женевьев-де-Буа, книги «Карабах: между прошлым и будущим» и «Карабах: четыре года спустя», датированные 1992 годом, и многое другое.

Особое место в коллекции занимают Документы Лозаннской конференции об образовании 24 июня 1919 года Азербайджанского банка,

Министры иностранных дел Азербайджана и Франции Гасан Гасанов и Эрве де Шаретт и посол Франции в Азербайджане Жан-Пьер Гинют на выставке

фотографии могилы видного деятеля АДР Алимардан бека Топчибашева в предместье Сен-Клу.

В 30-е годы в Париже выходил журнал «Прометей». Его основные направления были связаны с национальными проблемами стран Европейского Востока и Центральной Азии. В ноябре 1934 года на одной из страниц этого журнала был помещен некролог по случаю кончины А.Топчибашева.

И все же больше всего посетителей задерживалось у документов о принятии 24 ноября 1920 года Азербайджана в Лигу Наций и у рукописей Джейхун Гаджибейли «Лейли и Меджнун» в переводе на французский язык.

Многие видные деятели азербайджанской интеллигенции, зарубежные дипломаты пришли поздравить Рамиза Абуталыбова. В частности, избранный на днях президентом Академии наук Азербайджа-

на, член миллимежлиса, профессор Фарамаз Максудов подчеркнул, что эта выставка призвана еще более раскрыть давние дружественные связи Азербайджана и Франции, укрепить авторитет нашей страны в международных организациях.

В эксклюзивном интервью корреспонденту «Панорамы» председатель общества «Азербайджан – Франция», кинорежиссер, лауреат премии американской киноакадемии «Оскар» Рустам Ибрагимбеков отметил важное общественно-политическое значение выставки Р. Абуталыбова.

«Положительный фактор этой выставки, – сказал он, – я вижу в том, что с ее помощью мы раскрываем белые пятна нашей истории, сохранившиеся в тайне на протяжении многих лет. Раньше старались, чтобы никто об этом не знал, но теперь это становится достоянием общественности, восстанавливается историческая справедливость по отношению к этим людям, ко всему нашему народу. А самое главное – становится ясно, что между Азербайджаном и Францией существовали вот такие, пусть и тайные, но очень давние и прочные отношения».

Член Фонда культуры Азербайджана, заслуженный артист, профессор Бакинской музыкальной академии Рафик Кулиев выразил удовлетворение пронизанной патриотизмом деятельностью Р.Абуталыбова в период его многолетней работы в Париже. Он подчеркнул, что открывшуюся в Баку выставку следует расценивать как заметный вклад в развитие азербайджанской культуры, укрепление ее международных связей.

«Панорама»,
15 февраля 1997 года

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПАРИЖЕ

«Ху ис ху» – так по-английски звучит всегда вызывающий жгучий интерес вопрос «кто есть кто?».

И так называется энциклопедический словарь, имеющий устойчивую репутацию и повсеместное распространение в западном мире.

Привлекает прежде всего он тем, что в каждом его выпуске называются имена выдающихся государственных и общественных деятелей десятков стран, крупных ученых, специалистов в различных областях культуры, экономики, приводятся их краткие биографические данные, оцениваются публичные реноме...

В конце минувшего – начале нынешнего года лондонское издательство «Европа» выпустило в свет очередной том энциклопедии «Кто есть кто в мире в сфере международных отношений». В книгу включены фамилии семи тысяч известных на нашей планете политиков, дипломатов, иных специалистов из Европы и Азии, Америки, Африки, Австралии, широко зарекомендовавших себя в области внешнеэкономических связей, науки, культуры.

Нашу страну в этом выпуске энциклопедии представляют 209 человек – начиная с Президента СССР Михаила Горбачева, патриарха Московского и всяя Руси Алексия II и кончая экс-министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе и послом в Турции Альбертом Чернышевым. В основном тут высшее политическое и государственное, военное и духовное руководство, дипломаты, социологи, эксперты-международники в различных областях знаний.

Приятно констатировать, что в «Ху ис ху» на сей раз вошел и представитель Азербайджанской Республики Рамиз Абуталыбов. Он – выпускник Бакинского государственного университета имени Мамед Эмина Расул-заде, несколько лет был на ответственной партийной работе, трудился в правительственный аппарате республики.

На протяжении многих лет Рамиз Абуталыбов, окончивший также Академию внешней торговли СССР, работает в Секретариате Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже. Ныне он занимает крупный пост директора одного из ключевых департаментов ЮНЕСКО.

Как об этом неоднократно сообщалось в республиканской прессе, Рамиз Абуталыбов значительное внимание в своей повседневной работе во Франции посвящает созданию достойного имиджа родной республики, азербайджанского народа, давая тем самым должную отповедь проискам армянского лобби и проармянски настроенной части европейской общественности.

И еще. Много внимания уделяет он благородному делу возвращения нашему народу его истории, к сожалению, долгое время предававшейся забвению, его культурного наследия. Так, с помощью Р.Абуталыбова были возвращены в Баку представляющие большую ценность архивы Дж.Гаджибейли, ряда руководителей АДР, мусаватской партии, благодаря ему нынешнее поколение сумело познакомиться со многими из разбросанных по белу свету патриотически настроенных сынов и дочерей азербайджанского народа.

А.КЯЗИМЗАДЕ,
«Бакинский рабочий»,
15 февраля 1991 года

ПУСТЬ ВДАЛИ ОТЧИЙ КРОВ...

В азербайджанские архивы передаются ценнейшие исторические документы, сохраненные эмигрантами

Эмиграция и соотечественники за рубежом в годы существования СССР относились к числу если и не «запретных», то уж во всяком случае «деликатных» тем. Вопрос о наличии «родственников за границей» содержался даже в «личных листках по учету кадров», и утвердительный ответ мог, мягко говоря, сильно испортить карьеру. И несмотря на то, что уже в годы брежневского «застоя» в Москве появилось общество по связям с соотечественниками за рубежом «Родина», с одноименными филиалами в союзных республиках, в реальной жизни «контактировать» со своей зарубежной диаспорой позволялось только Армении. Первые попытки установить контакты с соотечественниками за рубежом в Азербайджане предпринимались еще в начале девяностых. Устанавливать связи и контакты «по-настоящему» стало возможно только после восстановления независимости. А вот потенциал диаспоры мы, похоже, постигаем только теперь. В том числе и в таких вопросах, как сохранение для истории ценнейших документов, каса-

ющихся прежде всего периода существования Азербайджанской Демократической Республики – первой демократической республики на мусульманском Востоке, заявившей о себе за два года до кемалистской Турции. Сегодня эти исторические документы занимают достойное место в азербайджанских архивах. И немалая заслуга в этом принадлежит не только азербайджанской общине Франции, где они были сохранены. Огромную роль в их судьбе сыграл и крупнейший азербайджанский дипломат Рамиз Абуталыбов, работавший в те годы в парижской штаб-квартире ЮНЕСКО. Представлял он там не Азербайджан, а СССР – несмотря на то, что МИД Азербайджана был создан еще в сороковые годы, устанавливать собственные связи с международными организациями, и тем более иностранными государствами, нашей стране не позволялось. Тем не менее, как заявил корреспонденту АзертАдж начальник Национального архивного управления Атакан Паشاев, именно Рамизу Абуталыбову удалось разыскать и вернуть на родину множество документов, относящихся к периоду АДР.

Так, уже в 1989 году он передал в Государственный архив литературы и искусства документы, касающиеся Джейхуна Гаджибейли. Брат великого азербайджанского композитора, известный азербайджанский журналист и писатель, был одним из делегатов Парижской мирной конференции. Среди документов, переданных в архив, Атакан Пашаев особо отметил статьи Дж.Гаджибейли, посвященные литературе и искусству, истории эмиграции, на общественно-политические темы, его воспоминания, более ста писем, фотографии, книги и другие документы, переводы на французский и английский языки произведений отдельных писателей и даже информация о постановке на французском языке музыкальной комедии «Аршин мал алан» в театре «Фемина» в Париже 4 июля 1925 года. Черед документов об истории эмиграции, о А.Топчибашеве, возглавившем азербайджанскую делегацию на Парижской мирной конференции, других ее членах, наконец, комплекта издаваемой в 1931–1934 годах в Мюнхене газеты «Истиглал» настал только после обретения независимости. Эти документы и их копии Рамиз Абуталыбов собирал у наших соотечественников за рубежом, в архивах, библиотеках...

В последнее время, по словам Атакана Пашиева, Рамиз Абуталыбов передал в Национальное архивное управление личные архивы, каса-

Нотная запись гимна Азербайджана из коллекции Джейхун Гаджибейли

ющиеся Алимардан бека Топчибашева, Джейхун Гаджибейли и его сына Тимучина Гаджибейли. Среди документов, предоставленных внучкой Алимардан бека Топчибашева Зарифой ханум Кюрдамир, – рукописи ее деда, воспоминания на 42 страницах о Гасан беке Зардаби, заметки, письма и др. Среди этих документов, охватывающих 1903 – 1934 годы, 250 писем, направленных члену Российской государственной думы А.Топчибашеву из Санкт-Петербурга, Самары, Харькова, Уфы, Тифлиса, Бахчисарая и других городов, а также от известных личностей, обращения Зарифы ханум Кюрдамир к нашему общенациональному лидеру Гейдару Алиеву о принятии подлинников ряда редких исторических документов и письма благодарности за это.

Среди переданных документов – статьи М.Расул-заде, А.Агаева, С.Турна и других, касающиеся истории нашей республики и эмиграции, письма, информационные бюллетени азербайджанской делегации, принимавшей участие в Парижской мирной конференции (1919 – 1920), изданные на французском языке и распространенные в Париже материалы «Экономическое и финансовое положение Азербайджанской Кавказской республики» (1919), «Антропологический и этнический состав кавказско-азербайджанского населения» (1919), опубликованный вариант документа о принятии Азербайджана в Лигу Наций и др.

Немало документов было передано Рамизу Абуталыбову сыном Джейхуна Гаджибейли – Тимучином Гаджибейли. Среди них – адресованные Дж.Гаджибейли 135 писем А.Топчибашева, А.Гусейнзаде, М.Расул-заде, Ю.Чеменземенли и других, охватывающие 1920 – 1932 годы, исследования Дж.Гаджибейли проблем азербайджанской этнографии, тюркологии и этногенеза тюрksких народов, участия женщин в общественно-политической жизни.

Однако немало документов, переданных Рамизом Абуталыбовым в азербайджанские архивы, позволяет взглянуть на исторические события первой четверти XX века и глазами людей, не облеченных чрезвычайной властью. Так, к редким документам можно отнести и переписку Джейхуна Гаджибейли со студентами, направленными решением парламента Азербайджанской Демократической Республики на учебу за рубеж в 1919 году. Из писем студентов Теймура Аслanova, Аждара Ахундова, Исмаила Алиева, Абдулгусейна Дадашова, молодого

Карта Азербайджанской Республики, представленная на Парижскую мирную конференцию в 1919 году

поэта Али Юсифа, первого азербайджанского скульптора Зейнала Алиева и других, направленных Дж.Гаджибейли, становится очевидно, что в течение первых шести месяцев стипендии студентам отправлялись регулярно, однако после советизации Азербайджана их положение осложнилось, а после отъезда Наримана Нариманова в Москву еще более усугубилось.

Переписка же Тимучина Гаджибейли с народным поэтом Наби Хазри, супругой маэстро Ниязи Хаджар ханум, народным писателем Эльчином, рядом учреждений и организаций нашей страны – это уже документы иного рода. Которые позволяют проследить, как Азербайджан устанавливал контакты со своими соотечественниками за рубежом, как шло преодоление тех самых, не нами установленных, «рубежей холодной войны» и «железного занавеса». Атакан Пашаев выразил уверенность, что азербайджанские исследователи, работающие в самых разных сферах науки, без сомнения, смогут широко пользоваться все-

ми этими документами и материалами, и выразил надежду, что азербайджанские дипломаты, работающие за рубежом, при содействии соотечественников, проживающих в различных странах мира, продолжат работу по поиску в архивах, музеях и библиотеках этих стран документов или их копий и доставят их в Азербайджан.

Д.Тальская, «Эхо»,
4 августа 2004 года

ПИСЬМА М.Э.РАСУЛ-ЗАДЕ ВЕРНУЛИСЬ НА РОДИНУ

Мало кто из современников-азербайджанцев дал столько пищи для ума и работы историкам, исследователям азербайджанского зарубежья, как это сделал Рамиз Абуталыбов. Только за последние годы им привезены из Парижа и сданы в Госархив, общество «Ветен», Институт рукописей письма наших зарубежных соотечественников: Алибека Гусейнзаде, Меджида Мусазаде, Али Гасанзаде, Гадира Сулейманоглу и других, проливающие свет на многие исторические события. Будучи в очередной служебной командировке в Баку, Р.Абуталыбов привез переписку лидера АДР Мамед Эмина Расул-заде и Джейхун Гаджибейли, родного брата Узеира Гаджибекова. 85 страниц, исписанных плотной арабской вязью, переданы лично Президенту Абульфазу Эльчибею.

– Рамиз бей, как же случилось, что эти бесценные для нашей истории документы попали на родину только сейчас?

– Такова была воля сына Джейхунбека, Тимучина Гаджибейли. Первые документы из архива отца он начал передавать мне давно, но только недавно, после нашего 16-летнего знакомства, распорядился отдать переписку Джейхун бека с Мамед Эмином. Все это время он

ждал, когда в Баку впервые состоятся выборы на демократической основе и у власти встанет некоммунист. Так, дословно, сказал сам Тимучин, добавив, что это – переписка двух антикоммунистов. Точное содержание писем ему неизвестно – старым алфавитом он не владеет, а посторонний глаз этих писем до сих пор не касался.

– Есть ли в этой семье документы, ожидающие своего возвращения на родину?

– Есть ряд других писем, дневник матери – жены Джейхун бека Захры ханум Гаджикасумовой, одной из первых женщин-азербайджанок, получивших образование в Петербурге. Тимучин читал мне отрывки – эти лирические строки достойны опубликования, но сын пока не готов расстаться с семейной реликвией. Есть еще одна вещь, отпечатанная на машинке Джейхун беком – «Мои сны и мечты», но она сугубо личного характера, и Тимучин, я думаю, еще долго не согласится ее обнародовать.

Я считаю, что мы все в большом долгу перед этой семьей: доброе имя Джейхун Гаджибейли, одного из образованнейших людей своего времени, должно быть полностью восстановлено, вплоть до афиши оперы «Лейли и Меджнун», либретто которой написано им в соавторстве с Узеирбеком.

– Расскажите, пожалуйста, насколько сейчас активна азербайджанская диаспора в Париже?

– Во Франции наших соотечественников объединяют шесть азербайджанских обществ. Я вхожу в ассоциацию «Азербайджан эви» – кстати, ее и возглавляет Тимучин Гаджибейли, первым выступивший во французской печати с правдой об Азербайджане, о карабахском конфликте. Мы стараемся в меру своих сил информировать жителей Франции о последних событиях в Азербайджане. Выпустили 4 книги и 4 брошюры (по книге и брошюре за год) о событиях в Карабахе. Это своеобразный дайджест азербайджанской, русской и зарубежной прессы, издаваемый нами на французском языке.

Какова ситуация в самой прессе? Пожалуй, страсти улеглись, когда стало известно, что ООН и СБСЕ поддерживает Азербайджан, на чьей стороне правда. Годовщине АДР мы посвятили научный семинар 27 мая. С большим успехом здесь выступила Лейла Юнусова, участвовали посол Франции в Азербайджане Жан Перрен, ведущий специ-

Ankara 6.XII.934.

Aziz ve muhterem
Ceyhan Bey.

Münih'ten alınan kara haber bıradanı vatanse-
verin derin teşekkürlerini manşır olsun. Merhum Abdurrahman
Fatəlibeyli'nin ugradığı fəsi akibet her keste siyasi də-
mənə karşın neqət və adəcəti dəhada kubətəndənmişdir.
Azerbaycanlı işkənalı yetərlərin duyundakorə ayağı tır-
cınan olaraq, merhumun en yaxın mesai arkadaşıdır. Hər-
buçun grubunun bir təsisi olğası həsənləyle Size
en zəminə təcəssümlərinizi bildirir cənab təşrifatçıdım.
Təqribən cətin yüksəkdeledə təxili de, mənə karşı
ayık olman şəxsi. Mücadət nüvəsi yoxdur kəndən adəcətişir.
Saygılarımla

M. E. Resulzadə

Письмо М.Э.Расул-заде Джейхуну Гаджибейли

алист по вопросам Закавказья Шарль Уржевич, представители русской, литовской, грузинской и армянской общин. Кстати, последних мы стараемся приглашать почти на каждое мероприятие как оппонентов, и рады, что выпадов становится все меньше.

Много сил члены ассоциации уделяют издательской деятельности, учитывая большой спрос на азербайджанскую литературу среди выходцев из Южного Азербайджана. Скоро выйдет отпечатанная арабской графикой книга М.С.Ордубади «Ганлы иллер» («Кровавые годы»), отыскиваем редкие книги и посылаем их на родину в виде копий. Так, в 1741 году был издан первый перевод поэмы Низами «Семь красавиц», сделанный Пьером Карамболем. Интересно записанное польским вос- токоведом Александром Ходзько издание на староазербайджанском языке эпоса «Кероглу».

Я привез с собой посылку с медикаментами – она небольшая, но ценна тем, что приобретена вскладчину небогатыми азербайджанцами – выходцами из Северного Азербайджана, ныне пенсионерами, из рабочих, и предназначена для раненых в Карабахе. Гадир Сулейманоглу, Юсиф Мамед, Гудрат Бакирзаде и другие – люди, которые искренне переживают за судьбу родины и готовы вносить свой посильный вклад в дело победы. И еще: Г.Сулейманоглу, узнав о создании фонда Президента Азербайджанской Республики, на днях перечислил в новый фонд одну тысячу долларов.

Это – представители первой волны азербайджанской эмиграции. Представители второй волны, люди моложе и энергичнее, занимаются сбором документов о жизни и деятельности Абдурахмана Фаталибейли, который вместе с Джейхун Гаджибейли и Акпер Агой Шейхульисламовым в свое время создал первую азербайджанскую редакцию на радио «Свобода». Фаталибейли – личность неординарная, мнения о нем различны, и, конечно, изучение нашими историками жизненного пути этого человека поможет нам многое прояснить в нашей истории.

– Большое спасибо за интересную беседу. И ждем ваших новых находок для истории азербайджанской культуры.

– Они непременно скоро будут.

Беседовала
Дж. КУЛИЕВА,
«Бакинский рабочий»,
4 августа 1992 г.

БАКИНСКАЯ НЕФТЬ

ценилась во все времена

Рамиз Абутальбов долгие годы ведет в архивах Франции поиск неизвестных документов, связанных с Азербайджаном. Недавно он вернулся из очередной командировки в Париж.

— «Бакинский рабочий» несколько лет тому назад рассказывал о ваших парижских находках, имеющих отношение к периоду первой Азербайджанской Республики. Мы знаем, что вы продолжаете свои поиски. Хотелось бы узнать, есть ли новые находки?

— Естественно, я продолжаю искать, поверьте, это очень захватывающее занятие, хотя времени, как всегда, не хватает. Но вот в конце прошлого года мне повезло: целый месяц работал в парижских архивах и через вашу газету хочу поблагодарить правительство Франции и ее посольство в Азербайджане за предоставленную возможность.

— И все же о находках, ведь целый месяц — это не так уж мало?

— Но и не очень много. Документов масса, поэтому возникали определенные трудности. Так, например, есть папки, конкретно посвященные Азербайджану. Я снял с них микрофильмы и передал в наше Главное архивное управление. Но есть документы, из которых можно только выписать интересующие места. Я лично вряд ли смогу в обозримом будущем ознакомиться со всеми парижскими архивами, но есть обнадеживающий факт: сейчас в Париже живут два молодых исследователя, братья Керимовы, которые работают над докторской диссертацией:

цией: один — по экономике, другой — по истории. Мы договорились, что они подготовят обзор «Документы по истории Азербайджана в архивах Франции», а я помогу издать его у нас.

Первое, о чём мне хотелось бы сказать, это то, что, знакомясь с архивными материалами, я убедился, как важно было Азербайджану сегодня вступить в Совет Европы. Потому что исторические документы свидетельствуют о той информационной блокаде, в которой оказался Азербайджан в годы первой республики. Так, из трех стран Закавказья после распада Российской и Отоманской империй больше всего документов посвящено судьбе турецких армян, затем — российских армян, а потом только — Грузии и Азербайджану. При этом наблюдается интересная тенденция — поощрять сепаратизм турецких армян, но сдерживать его у российских армян. Вывод тут простой — Отомансскую империю раздробить, а Российской — оставить неделимой.

Потому-то, исходя из этих фактов, можно сделать вывод, как необходимо и важно Азербайджану активно участвовать во всех международных организациях.

— Читателям было бы интересно узнать о каких-то фактах, документах, которые еще не публиковались в нашей прессе.

— Такие факты, конечно, есть, они требуют еще своего осмысления и изучения, так что у меня пока идет процесс усвоения собранного материала. Однако кое-чем могу поделиться.

Любопытна жалоба сотрудника военной миссии Франции на Кавказе лейтенанта Бrossара Ойлю на своего шефа, полковника Шардиньи. В ноябре 1919 года в секретном донесении из Тифлиса в Париж он пишет о необъективности своего шефа по отношению к азербайджанцам, грузинам и другим народам Кавказа. Лейтенант докладывает, что полковник Шардиньи снимает квартиру в доме у тифлисского армянина и дружит только с богатыми армянами.

В другой же папке я обнаружил небольшую характеристику на почетного консула Франции в Баку Емельянова. После его фамилии в скобках указывается — подданный России, армянин по национальности.

Казалось бы, два незначительных факта, но по ним можно представить, в чью пользу шла информация в Париж из Тифлиса и Баку.

Историки и специалисты, изучающие период первой трети XX века,

хорошо знают имя Александра Хатисова. В свое время он был мэром Тифлиса, а после провозглашения независимости Армении в 1918 году стал ее премьер-министром. Находясь в эмиграции, он якобы дружил с азербайджанскими эмигрантами. Я даже читал его речь на похоронах Алимардан бека Топчибашева в 1934 году в Париже. А вот сейчас в архивных документах я нашел его донос на руководителей азербайджанской эмиграции.

– А как развивались франко-азербайджанские связи в то время?

– Как и сейчас, основным объектом, интересующим западные страны, была нефтяная промышленность Азербайджана. В архиве хранится много аналитических справок по добыче, переработке и транспортировке нефти, составленных французскими инженерами Марком Лесуром и Полем Альдебертом. Есть, например, документ о желании Франции помочь молодой Азербайджанской Республике в укреплении ее военно-морского флота. Датирован он 15 марта 1920 года. Но этот проект не был осуществлен, так как через 43 дня Красная армия уже вошла в Баку. И еще один любопытный документ оставили представители французской индустрии в Азербайджане Лесур и Альдеберт. Так, они пишут об отличном качестве бакинской нефти, о том, что одна тонна стоит 50 рублей, но при этом замечают, что при перевозке нефти из Баку в Батуми бывают еще непредвиденные расходы, которые надо иметь в виду, и предупреждают потенциальных покупателей, что приходится несколько раз платить «бакшиш».

Возможно, специалистов по составлению генеалогии знатных семей Азербайджана заинтересует такой факт. В 1923 году в Marsеле проживал Бахман Мирза Каджар. В одной из папок указывается, что он родился в 1894 году в Тебризе и женат на внучке Гаджи Зейналабдина Тагиева. К сожалению, имя ее не указывается.

В целом интересного очень много, боюсь, что газетной площади будет недостаточно для описания всего увиденного и прочитанного. Может, сделаем это в следующий раз?..

– Спасибо вам за ваш рассказ.

Интервью вела Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА,
«Бакинский рабочий», 1 февраля 2001 г.

«Я – РЕАЛИСТ И ДОБИВАЮСЬ СВОЕЙ ЦЕЛИ»

Такая добрая мудрость

– Рамиз муаллим, бытует мнение, что никто не может до конца понять другого человека и что суть каждого нагло заперта в нем самом. Согласны ли вы с этим? Приходилось ли испытывать дискомфорт из-за непонимания со стороны других?

– Русская народная пословица гласит: «Чужая душа – потемки». А в потемках можно и заплутать, и ушибиться. А если серьезно, то для меня важно взаимопонимание в семье и в кругу близких людей. Неплохо складываются у меня отношения и с молодыми как на работе, так и вне ее. Иногда можно услышать такие слова: «Я хочу сделать то-то, но меня не понимают». Часто жалуются на непонимание со стороны родителей. По-моему, если человек чувствует свою правоту, то он способен убедить оппонента и добиться взаимопонимания.

– То есть полагаете, что мудрый человек должен не только уметь понять, но и обладать даром убеждения?

– Да, конечно. Мудрость – это не монолог, а диалог. Чем лучше ты услышишь другого, тем больше шансов быть услышанным самому.

– Говорят, что ум может быть и злым, а мудрость – всегда добрая. Согласны?

– Согласен. Какая же это мудрость, если злая? На Востоке, например, как вы знаете, всегда обращались к мудрецам за добрым советом, чтобы прекратить распри и вражду. А вообще у меня есть собственная формула на этот счет: мудрость есть понимание того, что «я» – это отраженное «ты», и твоя боль может быть моей болью.

– *А скажите, Рамиз муаллим, бывают ли у вас сомнения, как часто и по какому поводу?*

– Бывают и сомнения. Но это очень личное, суверенная зона. Я не хотел бы об этом говорить. А вообще, по-моему, ни в чем не сомневаются, извините, только глупцы. «Быть или не быть» – этот вопрос возник в человеческой культуре задолго до Гамлета.

– *Как вы относитесь к понятию Время, к острой его нехватке? Когда оно для вас мчится галопом, а когда ползет еле-еле?*

– Время – это отпущененный нам Всевышним отрезок земного пути. А наполняют его смыслом только действия человека. Наверняка, многие помнят строки, написанные бунтарем и «скандалистом» Сергеем Есениным в возрасте 27 лет:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Но вряд ли кто-либо вспомнит сегодня хоть какие-то строки из Демьяна Бедного, поэта, обласканный властями и прожившего гораздо дольше Есенина. Для меня время всегда мчится галопом. Не все удалось сделать, что хотелось. Но я старался не проводить время праздно, и придерживался принципа «Делу время, потехе – час!»

– *Что значит для вас вчера, сегодня, завтра?*

– Вчера – оккупация азербайджанских земель. Сегодня – изнурительная борьба за их возвращение. Завтра – азербайджанский флаг на самой высокой точке Ханкенди.

У нас все-таки есть шанс

– У нашего народа, похоже, иллюзии по поводу справедливого решения проблем сменились на отчаяние. Вообще нынче, как кажется, на смену массовому романтическому увлечению политикой пришла глухая аполитическая апатия. Какие из негативных явлений сегодняшней

нашей жизни, а их предостаточно, вам особенно неприятны?

– Вопрос настолько безбрежен, что требует конкретики. Все негативное, само собой понятно, мне неприятно. Если рассуждать, отталкиваясь от исторических реалий, то давайте посмотрим, откуда что идет. По указанию большевиков, начиная с 20-х годов нынешнего века разрушались мечети и церкви, жглись книги с арабской вязью, грабились кладбища, изгонялись со своих земель народы. Такого санкционированного со стороны государства кощунства не знала ни одна страна в мире. А после крушения тоталитаризма мы получили такую свободу, которой также нет ни в одной стране мира. Знаете, сорваться с цепи – еще не значит стать свободным. Свобода – это выбор. Порой мучительно трудный. Но у нас все равно есть шанс встать в один ряд с цивилизованными государствами. Для этого людям необходимо осмыслить прошлое и научиться управлять свободой во благо общества. Это не рецепт; давать рецепты – вещь самонадеянная. Просто я оптимист и верю, что мы справимся с нашими бедами. Но сколько времени на это уйдет – не знаю.

– *Горький утверждал: «Человек – это звучит гордо!» По-вашему, применима ли эта звонкая формула к действительности?*

– Знаете, именно в этом я не стал бы опираться на слова и авторитет Максима Горького, поскольку за этим безусловно крупным писателем числится и такие дела, за которые никак нельзя испытать чувство гордости. Например, его участие в подлайшей книге «Канал имени И.Сталина», когда рабский труд в людоедских условиях строительства заключенными Беломорканала подавался им и группой других известных писателей как великий пример социалистического энтузиазма. Нам трудно, конечно, сегодня ощутить животный страх, который толкал людей на компромиссы с совестью, с собственной душой. И вообще: там, где много страха, там мало стыда. Так что Бог с ним, с Горьким. Поговорим о вещах более нам близких и внятных. Вот, например, бывает так, что неумышленно мы совершаем действия, противоречащие элементарным моральным нормам. Приведу пример. Для французов, немцев, американцев, турков, представителей других национальностей государственный флаг – это святыня. У нас же не для всех это так. Бывая за рубежом, я обратил внимание на то, что в некоторых странах, где размещаются наши посольства, на фасаде зданий не развевается

азербайджанский флаг. Не хотелось бы обижать наших дипломатов, но вынужден отметить, что это удивительное неуважение к нашей символике приводит к унижению нашего национального достоинства. Приходится констатировать, казалось бы, самоочевидное: гордость, достоинство следует тоже воспитывать с младых ногтей. Тогда как подхалимство, лицемerie, чинопочтание, смиренность, стукачество воспитывать не надо, сами произрастают.

– Какой совет вы могли бы дать молодым, как им жить? Ведь в нашей жизни сплошь и рядом практикуется глумление над личностью, в результате чего появился тип людей ущемленных и помыкаемых.

– Этот тип появился не сейчас. Мы привыкли к помыканию и ущемлению наших прав, еще будучи в составе СССР. По капле выдавливать из себя раба – долгий процесс, но никогда не поздно его начать. Совет молодым – не роптать на судьбу, не искать виновных, а играть активную роль в жизни республики, учиться и приобретать знания, выполнять свой гражданский долг, долг избирателя – иначе перемен к лучшему не дождаться.

Человек, которому грех жаловаться на жизнь

– Бывают дни, которые уходят незаметно, и их никогда не вспомнишь, а бывают и такие, которые остаются в памяти навечно. Много ли сохранилось в вашей памяти таких дней? Не могли бы вы рассказать о наиболее ярких эпизодах вашей жизни?

– Больше всего в жизни запомнились встречи с трехцветным азербайджанским флагом. Это было трижды. В первый раз была заочная встреча. Отец как-то в 60-е годы рассказал мне, что поэта Ахмеда Джавада арестовали за одну лишь строку: «Я плачу о трехцветном флаге, с которым расстался давно...» (в переводе). Во второй раз встреча состоялась в 1973 году в Париже у азербайджанского эмигранта Александра Топчибаши. И, наконец, в третий раз это произошло в августе 1989 г. – я увидел наш флаг на площади Азадлыг, будучи в отпуске в Баку. Никогда в жизни не волновался так, как в тот день.

– Встречи с какими людьми были вам особенно приятны?

– С умными. Интересными. Душевными. Таких встреч было очень много. Например, с эмигрантами и представителями «западного ми-

ра», с теми, с которыми ЦК КПСС нам категорически запрещал общаться. Благодаря им, я узнал о «белых пятнах» в азербайджанской истории, полюбил Францию, ее жителей.

– В жизни каждого человека есть место для тревоги и для счастья. В данный момент у вас больше причин для печали или для радости?

– К сожалению, грустного больше. Особенно тяжело моим ровесникам. Им очень трудно приспособливаться к рыночной экономике. Грустно еще оттого, что наше общество слишком политизировано. По количеству политиков на душу населения мы, по-моему, превосходим всех. Но порой кажется, что проводимая ими политика не для всех, не отражает общих интересов. В этом смысле, вы правы, мы сегодня, скорее, наблюдаем аполитичность. И кажется еще, что политика нынче и многим сильным мира сего интересна лишь в преломлении узколичностных интересов и страстей.

– Некоторые люди, к сожалению, не могут жить, не переживая вчерашних неприятностей, – мысленно возвращаются к ним вновь и вновь. А как у вас обстоят дела с этим?

– Думаю, что я тоже отношусь к их числу.

– В чем заключается работа общества дружбы «Азербайджан–Франция»?

– Председателем общества является Рустам Ибрагимбеков. Основной целью является ознакомление общественности Азербайджана с Францией и наоборот, общественности Франции с Азербайджаном. В связи с этим мы организовываем всевозможные художественные выставки, концерты, просмотры кинофильмов. Основной задачей на данный момент является выявление мест захоронения азербайджанских воинов, погибших во время французского Сопротивления, с целью увековечивания их памяти.

– Вы считаете себя востребованным в жизни? Наблюдая ваш жизненный путь довольно длительное время, мне кажется – вы могли бы дать сегодня больше, чем от вас требуют?

– Я не хочу отвечать на этот вопрос. Он не ко мне.

– Вы уже ответили. Вы не в обиде на власть?

– Мне грех жаловаться на жизнь. Она у меня была очень насыщенной и интересной. Я думаю, такой она будет и дальше.

– Писатель Анар назвал Г.Алиева «режиссером, который ставит гениальный спектакль даже с плохими актерами». Вы с этим согласны?

– Да, согласен.

– Живя много лет во Франции, испытывали ли вы nostальгию по Родине и не развеивалось ли это чувство тут же по приезде, столкнувшись с безобразиями, невежеством, безразличием и нежеланием многих людей превратить Азербайджан в край профессионалов, патриотов и морально здоровых людей?

– Я, конечно же, тосковал по родителям, друзьям. А что касается nostальгии, я ведь не был эмигрантом. Я знал, что работаю, и каждый год приезжал на родину. Я не был отрезан от нее.

– Любите ли вы мечтать о несбыточном, или вы твердо уверены в том, что все ваши мечты непременно сбудутся, надо только подождать?

– Люблю помечтать, но не о несбыточном. Я – реалист. Всегда ставлю себе конкретную цель и добиваюсь ее.

Беседу вела
Джамиля Оджагова,
«Неделя»,
27 августа 1999 года

АЗЕРБАЙДЖАН И ЮНЕСКО

В седьмом округе, одном из красивейших уголков Парижа, недалеко от Эйфелевой башни, Марсового поля и Музея Инвалидов, на площади Фонтэнена находится штаб-квартира ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры).

Дом ЮНЕСКО, как его часто называют, имеет форму треугольника, стороны которого – выгнутые полусфера. У входа колышутся флаги более чем 180 государств-членов ЮНЕСКО.

ЮНЕСКО – одно из важнейших специализированных учреждений ООН. Эта организация – межправительственная, и членами ее могут быть только суверенные государства.

В ноябре нынешнего года ЮНЕСКО отмечает две исторические даты. 16 ноября 1945 г. был утвержден Устав ЮНЕСКО, а 4 ноября 1946 г. он вступил в силу, и организация в составе 20 государств-членов начала свою официальную деятельность.

«Организация ставит перед собой задачи, – говорится в статье 1 Устава ЮНЕСКО, – содействовать укреплению мира и безопасности, способствовать сотрудничеству народов путем образования, науки и культуры...»

Выступление Генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара М' Бу на открытии Международного симпозиума по искусству азербайджанских ковров в Баку в сентябре 1983 г.

ЮНЕСКО уделяет все больше внимания реалиям мира и потребностям народов планеты, учитывая масштабы и неотложность задач, которые предстоит решать.

Практически невозможно дать полный перечень того, что было сделано за 50 лет борьбы, работы и достижений во имя мира и справедливости, уважения прав человека, во имя развития.

Но несколько примеров приведем.

В области образования – это восстановление школ, разрушенных во время мировой войны, создание педагогических институтов, ликвидация неграмотности в слаборазвитых странах.

В области науки – изучение Мирового океана, проблемы «Человек и биосфера», «Защита окружающей среды», «Права человека, мир и демократия».

Дар Азербайджана ЮНЕСКО: ковер Лятифа Керимова, посвященный 850-летию Аджемии Нахчывани

В области культуры – сохранение храмов в египетской и суданской Нубии, издание памятников литературы и музыки народов мира.

Большую работу проводит ЮНЕСКО и в области информации и коммуникации, обеспечивая таким образом распространение идей согласно своей уставной обязанности.

Участие Азербайджана как одной из советских республик в деятельности ЮНЕСКО началось в 60-е годы. Действительный член Академии педагогических наук бывшего СССР профессор М.М.Мехтизаде был привлечен тогда к разработке плана развития образования в развивающихся странах.

В 1984 г. Международный институт планирования образования при ЮНЕСКО издал монографию «Опыт Советского Азербайджана в развитии народного образования» на английском и французском языках. В серии «Литература народов Кавказа» ЮНЕСКО выпустила в 1967 г. на французском языке комедии М.Ф.Ахундова, а в серии «Музыка народов мира» – две пластинки и два компакт-диска азербайджанских мугамов.

В штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже прошли выставки «Азербайджанские ковры» (1981 г.), «Рукописи Азербайджана» (1985 г.), а в Лондоне под эгидой ЮНЕСКО – «Архитектура Баку» (1985 г.). В ноябре 1984 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО состоялось выступление Государственного ансамбля танца Азербайджана.

ЮНЕСКО дважды оказывала финансовую помощь Азербайджану в проведении международных конференций в Баку – «Язык и город» (1981 г.) и «Искусство восточных ковров» (1983 г.).

Два специалиста из Азербайджана – певец Л.Иманов и искусствовед Э.Салманов прошли стажировку (соответственно 4 месяца и 3 месяца) в зарубежных странах за счет ЮНЕСКО.

ЮНЕСКО отмечала юбилеи Насими, Уз.Гаджибекова, Низами. В престижных изданиях этой организации публиковались статьи азербайджанских ученых Исы Селимханова, Вагифа Аслanova, Иzzет Оруджевой и других.

В 1983 г. правительство Азербайджана передало в дар ЮНЕСКО ковер с изображением зодчего Аджеми Нахичевани работы мэтра азербайджанского ковроделия Лятифа Керимова. Этот ковер пополнил художественную коллекцию ЮНЕСКО, в которой хранятся творения та-

ких выдающихся мастеров XX века, как П.Пикассо, Г.Мур, А.Калдер, Х.Миро.

После обретения независимости Азербайджан 3 июня 1992 г. был принят в ЮНЕСКО. В октябре 1993 г. азербайджанская делегация, возглавляемая министром иностранных дел республики Г.Гасановым, впервые приняла участие в работе 27-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО во Франции. В ходе ее работы была принята резолюция о включении в календарь празднования знаменательных дат на 1994 – 1995 гг. 500-летний юбилей великого азербайджанского поэта и мыслителя М.Физули. С целью празднования этого события со стороны ЮНЕСКО Азербайджану была выделена субсидия в размере 14 тысяч долларов США. Торжества по случаю юбилея прошли как в самом Азербайджане, так и в Иране, Ираке, Турции, России и Франции (1996 г.).

Мощным импульсом развитию сотрудничества с ЮНЕСКО послужила встреча в декабре 1993 г. Президента Азербайджана Гейдара Алиева с Генеральным директором ЮНЕСКО Ф.Майором в штаб-квартире организации в Париже, были обсуждены вопросы расширения двустороннего сотрудничества, а также перспективные планы его дальнейшего развития. Об этом же шел разговор между ними при их встречах в Алма-Аты и Бишкеке.

Практическим шагом на пути укрепления связей Азербайджана с ЮНЕСКО явилось распоряжение Президента Азербайджана о создании Национальной комиссии Азербайджанской Республики по делам ЮНЕСКО. Комиссия представляет собой межведомственный орган, в который входят руководители министерств и ведомств, научных, творческих и общественных организаций, видные представители азербайджанской интеллигенции. Комиссия призвана разрабатывать планы и предложения, координировать мероприятия, связанные с участием республики в деятельности ЮНЕСКО и контролем за их претворением в жизнь, осуществлять связи со штаб-квартирой ЮНЕСКО, а также поддерживать контакты с аналогичными национальными комиссиями других стран.

Следует подчеркнуть, что ЮНЕСКО – единственная организация системы ООН, которая предусматривает непосредственное участие в ее работе представителей интеллектуального сообщества своих госу-

дарств-членов.

Важным событием в деле расширения сотрудничества явился визит в апреле 1994 г. представителя ЮНЕСКО в составе межведомственной комиссии ООН, посетившего Азербайджан с целью изучения масштабов нанесенного ущерба системе образования республики в результате агрессии Армении. В ходе встреч в министерствах иностранных дел, образования и культуры, а также в Академии наук в ЮНЕСКО была передана полная информация об объеме нанесенного ущерба.

Весьма полезную работу провела миссия ЮНЕСКО в составе шести человек, посетившая Азербайджан в ноябре 1994 г. По итогам этого визита был составлен меморандум о сотрудничестве между Азербайджаном и ЮНЕСКО в области образования, науки, культуры и социальных наук.

За истекший период Азербайджан также принимал активное участие в программе ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь», предусматривающей определение туристических маршрутов этого пути, а также восстановление и реставрацию культурных и исторических памятников на всем протяжении Шелкового пути.

Независимый Азербайджан находится в начале пути сотрудничества с ЮНЕСКО. И со всей определенностью можно утверждать, что Азербайджан станет одним из активных членов этой международной организации, внесет свой вклад в претворение в жизнь благородных принципов и идеалов, на которых основывается ее деятельность, во имя мира, сотрудничества и взаимопонимания между народами.

«Панорама»,
7 ноября 1996 года

НАШ ЧЕЛОВЕК В ЮНЕСКО

Мог ли тридцать лет назад инженер СМУ Бактоннельстроя предположить, что пройдет десять лет, и он окажется не где-нибудь, а в Париже, и не по турпутевке, а командированный на работу, и не куда-нибудь, а в ЮНЕСКО. А там, во Франции, у него зародится дружба с цветом азербайджанской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции, соберется уникальный архив, там он станет Кавалером ордена Почетного легиона и сопредседателем Ассоциации «Азербайджан Эви», будет заниматься научными трудами, издавать книги, устраивать выставки, возвращать на родину картины известных живописцев...

Знакомьтесь: Рамиз Абуталыбович Абуталыбов. Он просил меня, чтобы я представила его земляком азербайджанцев, пенсионером, живущим в Москве, человеком, у которого две дочери и внук с внучкой. И все!

— Чересчур скромно, Рамиз Абуталыбович. Не знаешь, с чего начать — настолько Ваша жизнь богата и насыщена, а Вы храните в себе столько тайн, столько знаний, и хочется порасспросить Вас о многом и о многом. Может быть, начнем с того времени, когда Вы отправи-

лись во Францию, раз уж мы заговорили о ней...

— До того, как поехать в Париж, я успел закончить Бакинский университет, поработать в Бактюнельстрое, побывать ученым секретарем, главным специалистом Госкомитета по науке и технике, старшим референтом отдела науки и техники Совмина Азербайджана.

— Наверное, этого явно было недостаточно, чтобы вот так взять и оказаться в крупнейшей международной организации, какой является ЮНЕСКО.

— Вначале я закончил в Москве в 1971 году Всесоюзную Академию внешней торговли, факультет экономистов-международников. Затем меня взяли на работу в МИД СССР, и там я подал документы для участия в конкурсе на замещение вакантных должностей в Секретariate ЮНЕСКО в Париже. Нас было 27 кандидатов из разных стран на одно вакантное место в Секторе образования. После первого отсева остались четыре человека, включая и меня. Затем был вызван на интервью в Париж, после чего руководство ЮНЕСКО остановило свой выбор на мне. Отработав восемь лет, я вернулся в Баку в январе 1980 года. А в начале 1985 года я вновь подал свои документы в ЮНЕСКО, на этот раз на должность директора отдела развития людских ресурсов. Вновь удача мне улыбнулась, и я проработал еще восемь лет в Секретariate ЮНЕСКО.

— Удавалось ли Вам, работая в ЮНЕСКО, в чем-то способствовать родному Азербайджану?

— Вы знаете, в ЮНЕСКО существует правило: ни одному сотруднику не дозволялось в чем-либо поддерживать свою страну. Мы даже клятву давали. Но жизнь есть жизнь, и вы сами понимаете, что каждый старался хоть чем-то быть полезным для своих соотечественников. Так и я. Вот вам пример. Дело было в 1977 году. Горела четырехмесячная стипендия, выделенная СССР. Москвич, который должен был ехать на стажировку, по каким-то причинам не смог воспользоваться ею. Что было делать? Кому отдать путевку? Я-то знал прекрасно, кому — кандидатуру не раз подсказывал министр культуры Азербайджана Закир Нариманович Багиров. Он просил отправить на стажировку известного оперного певца Лютвияра Иманова. Но вот незадача: 40-летний Иманов не вписывался в программу двусторонних молодежных связей, а мне так хотелось ему помочь. Сумел! Счастливый Лютвияр стажиро-

На приеме у Генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора, 25 мая 1999г:
Никита Михалков, Коста Гаврас, Рустам Ибрагимбеков

вался в знаменитом театре «Ла Скала».

Или вот был такой случай. Моя дочь Нигяр как-то написала мне, что есть очень талантливая девушка Лала Мустафа-заде, и она получила приглашение в Париж участвовать в конкурсе пианистов. Нужно ей помочь. Она, приехав в Париж, жила у нас, и я договорился с нашим посольством, чтобы ей была дана возможность репетировать там. И она получила Гран-при. К сожалению, я не был знаком с ее отцом Вагифом Мустафа-заде.

— Я догадываюсь, что Вы не раз нарушили клятву и могли бы привести еще примеры. Поговорим о другом. Вернувшись домой, в Баку, Вы исполняли миссию ответственного секретаря Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО и, как никто другой, способствовали тому, чтобы ЮНЕСКО уделяла внимание Азербайджану. Каковы отношения между Азербайджаном и ЮНЕСКО?

– Азербайджан более десяти лет является самостоятельным членом ЮНЕСКО. Он присоединился к десяти конвенциям Организации. По линии ЮНЕСКО широко в мире отмечались такие события, как 500-летие Мухаммеда Физули, 1300-летие эпоса "Китаби-Деде-Горкуд". При содействии ЮНЕСКО в Бакинском университете был создан студенческий телекентр, а в двух вузах появились кафедры по вопросам прав человека, демократии и мира и проблемам устного и письменного перевода в Азербайджане. Также ЮНЕСКО передала библиотеке имени Ахундова и Главному архивному управлению дорогостоящую программу, которая позволила дублировать на цифровых носителях необходимые документы и книги. Замечу, что эта программа нам была предоставлена бесплатно.

А в 1999 году ЮНЕСКО и Международный Совет Музыки признали нашего певца Алима Гасымова лучшим исполнителем года и поставили в один ряд с такими корифеями, как Святослав Рихтер, Бенни Гудман, Иегуди Менухин и другие.

– ЮНЕСКО создает прекрасный Реестр под названием «Всемирное наследие». В Азербайджане есть уникальные памятники истории, культуры, достойные войти в этот список...

– А в Реестр уже включен историко-архитектурный комплекс «Ичери Шехер», вместе с Девичьей Башней и Дворцом Ширваншахов. Соответствующий сертификат об этом был передан в свое время Гейдару Алиеву заместителем Генерального директора ЮНЕСКО Муниром Бушенаки, который по этому поводу приезжал в Баку.

– Как Вы считаете, какие еще памятники достойны быть включенными в список «Всемирного наследия»?

– Гобустанский исторический заповедник, Мавзолей Момина Хатун в Нахчivanе, Храм «Атешгях».

ЮНЕСКО в 2003 году включила азербайджанский мугам в Список шедевров устного и нематериального наследия.

– А осуществляет ли финансовую подпитку ЮНЕСКО? И вообще, на какие средства существует эта Организация?

– Что касается конкретно Азербайджана, то в последние годы ЮНЕСКО передала двенадцать с половиной тысяч долларов на реставрацию мавзолея средневекового философа Сейид Яхъя Бакуви в Баку, что было весьма и весьма кстати, а также 15 тысяч долларов на состав-

ление карты Ичери Шехер. А откуда ЮНЕСКО берет деньги? Одним из источников финансирования являются взносы стран-членов Организации, которые идут на ее содержание и осуществление некоторых проектов, другим – внебюджетные средства, составляемые за счет донорских или спонсорских финансов.

– Азербайджан участвует в проектах ЮНЕСКО?

– Да, участвует. В таких программах, как биоэтика и возобновляемые источники энергии, нефтяная и газовая химия, реформа в сфере подготовки учителей, охрана памятников культурного наследия, применение информационно-коммуникационных технологий, и других.

– Вернемся из Азербайджана в Париж, Рамиз Абуталыбович. К тому, что навсегда захватило Вашу жизнь и не даст Вам покоя никогда, – к вопросу об азербайджанской эмиграции. Об этом можно судить по Вашим публикациям в «Азерросе» – «Генофонд. Как легко мы его теряем», «Париж–улица Декамп, 37», «Три брошиоры, 12 бюллетеней» и другим. Итак...

– Итак, я выехал в Париж 15 декабря 1971 года. Сразу же по приезде туда стал знакомиться с семьями наших соотечественников. Во многом мне помогли маэстро Ниязи и профессор Аббас Заманов. В столице Франции жили сын председателя первого Азербайджанского парламента Алимардан бека Топчибашева – Алекспер Топчибашы и племянник Узеир бека – Тимучин Гаджибейли. Первый раз Ниязи приехал в Париж за десять лет до меня, в 1961 году. Он гастролировал вместе с труппой Мариинского театра оперы и балета. Так вот, именно в этот год известный танцовщик Рудольф Нуриев совершил свой «прыжок в свободу». Ниязи поостерегся тогда повидаться со своим дядей – Джейхун беком, жившим в Париже. Больше его он не видел, но в 1968 году встретился с Тимучин беком. В 1971 году Ниязи гастролировал уже с Азербайджанским балетом. Уезжая в конце года в свою первую рабочую поездку в Париж, я тайком от всех получил от него адрес Тимучина и услышал просьбу разузнать, как живут эти люди. Просьбу Ниязи я выполнил.

– А знакомство переросло в дружбу...

– И не только в дружбу. Тогда, во времена СССР, мы ничего не знали о первом Азербайджанском правительстве, о мусаватистах. А интерес к тем историческим событиям нарастал, и, слава Богу, были живы лю-

ди, которые могли рассказать об этом. И этот интерес был сильнее страха. Так еще три года я продолжал встречаться с азербайджанскими эмигрантами. Однажды Алекпер бека спросил, почему он не приезжает в Баку, на что получил вполне резонный ответ: «А меня никто не приглашал. Вот Вы пригласите – приеду».

Когда я приехал в отпуск, мой отец посоветовал мне пойти к первому зампреду Совмина Исмаилу Алиевичу Ибрагимову и рассказать, что это за люди – мои парижские друзья. Ибрагимов выслушал меня и посоветовал написать об этом справку на имя Гейдара Алиева. Через два дня меня вызвал Гейдар Алиевич и обо всем подробно расспросил. А уже через полгода Закир Багиров, приехав в Париж, доставил официальное приглашение Алекперу Топчибашы.

Из Франции я привез и сдал в Госархив 200 килограммов документов, полученных от азербайджанцев-эмигрантов. К слову, Джехун бек, о котором я сегодня упоминал, был одним из создателей Радио «Свобода». Его сын передал мне все его выступления, статьи, рассказы.

Дружил я и с дочерью министра труда первого Азербайджанского правительства и внучкой мецената Шамси Асадуллаева – писательницей Банин – Умм-Эль-Бану Асадуллаевой. Она была другом русского писателя Ивана Бунина, сохранила переписку с ним. Банин познакомила меня с женой президента Франции Жака Ширака. Уже после смерти Банин мне достался ее рукописный дневник, где она упоминала и мое имя. Собранные уникальные документы позволили мне подготовить публикации для французских и азербайджанских изданий. И для вашей газеты тоже.

– Спасибо за это. И надеюсь, что Вы станете нашим постоянным автором. Поговорим о большой для всех азербайджанцев теме – карабахской проблеме.

– Я бываю на многих симпозиумах, конференциях и вижу: не прилюдно, но многие признают агрессию Армении против Азербайджана. О чем это говорит? О том, что мы проигрываем информационную войну. Если на политической арене есть продвижения, то на информационном фронте их недостаточно. Национальная Академия наук выпустила недавно книгу об армянском терроризме и монографию «Карабах», но, к сожалению, небольшим тиражом. Будучи во Франции, я тоже попытался донести миру правду об агрессии на территории

Генеральный директор ЮНЕСКО Коширо Мацуура в гостях у Рустама Ибрагимбекова, 10 апреля 2000 года

Азербайджанской Республики. Я стал составителем и издателем книг «Нагорный Карабах – в свете исторических документов», «Кавбюро, Нагорный Карабах, Сталин», «Карабах – между прошлым и будущим», «Карабах – четыре года спустя», выпущенных на французском и английском языках. В Сенате Франции выступил с докладом «Пути решения конфликта в Нагорном Карабахе», говорил о нагорно-карабахском конфликте со страниц журнала «Обзор мусульманского мира» и других изданий.

Я по натуре оптимист. Но нередко чувствую досаду, сожаление, что многое мы делаем как-то не так, как надо. Не можем вовремя и к месту постоять за себя или хорошо подать материал, в нужный момент выпустить книгу или выступить в печати или на телевидении. Не хватает нам напористости, что ли...

– Рамиз Абуталыбович! Если на информационном поле, как

Вы считаете, республика уступает, то во всем великолепии демонстрирует свои достижения в области культуры. Начавшийся Год Азербайджана в России еще раз докажет это, не так ли?

— Это, безусловно, очень большое и нужное мероприятие, благодаря которому мы можем показать России, какая у нас страна, какой народ, чего мы добились, к чему стремимся. Очень хочется, чтобы Дни культуры Азербайджана растянулись на целый год, а произведения наших живописцев, выступление писателей, прославленных музыкантов, артистов театра, кино, поэтов, танцоров, народных коллективов могли увидеть не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во всех регионах России. Надо умело и как можно полезнее воспользоваться данной Азербайджану возможностью показать себя россиянам, а затем достойно принять их у себя на родине. Ведь 2006-й год объявлен Годом России в Азербайджане.

— Благодарю Вас, Рамиз Абуталыбович. Уверена, что и Вы сыграете в этом далеко не последнюю роль.

Валерия ЕРМОЛАЕВА,
«Азеррос», №3(55),
февраль 2005 года

ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ: ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Рамиза Абуталыбова знают благодаря его деятельности в области международных отношений. С 1993 г. он является Послом по особым поручениям при Министерстве иностранных дел Азербайджана и генеральным секретарем Азербайджанской комиссии по делам ЮНЕСКО. В советский период он руководил отделом международных связей Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана, был избран членом Парламента и руководителем Комиссии по зарубежным связям Верховного совета Азербайджана.

Абуталыбов возглавлял делегации Азербайджана на Всемирном конгрессе по правам человека (1993 г.), на Генеральной конференции ЮНЕСКО и Конференции по стабильности в Европе. С 1997 года он также Генеральный секретарь Общества азербайджано-французской дружбы.

— Скажите, какие увлечения и интересы в детстве сформировали ваши взгляды на жизнь и карьеру?

— Ярослав в период Второй мировой войны и был, как говорили раньше, типичным продуктом того времени. Например, фильмы, которые я смотрел в детстве, сыграли важную роль в моей жизни, особенно

но в формировании моих взглядов и принципов. Обычно я смотрел полюбившиеся фильмы по 10 – 15 раз. На самом деле тогда не было особо большого выбора, в год производилось только семь или восемь лент. Почти все они были на историческую или военную тему. Больше всего мне нравились фильмы о советских разведчиках, проникавших в немецкие тылы, а еще я любил картину о Зигмунде Колосовском, храбром польском офицере.

В школе я интересовался гуманитарными предметами, возможно, потому что у меня был хороший преподаватель истории. Учительница математики была строга, я не любил ее, и, как следствие, плохие отметки по математике. Но я всегда был отличником по истории. В нашей семье никто, кроме меня, не интересовался гуманитарными науками. Отец был агрономом, мама – преподавателем биологии. На самом деле родители не одобряли мой интерес к истории, они хотели, чтобы я стал доктором, так как считали, что люди нуждаются в врачах больше, чем в гуманитариях-болтунах. Родители говорили, что изучение истории – это пустая трата времени, так как в ней нет правды.

В то время, когда я рос, жизнь была полна противоречий и лжи. Например, мой ни в чем не повинный дядя был сослан коммунистами в Сибирь. Но на мой простой вопрос – почему, правдивого ответа я не получал. Позже я узнал, что он упомянул о достижениях известного австрийского генетика Менделя на лекции в университете, за что и пострадал, как «пропагандист буржуазной науки».

Из-за этих противоречий я рос очень впечатлительным. В обществе слышал одно, но осознавал, что услышанное не соответствует действительности. В школе нам говорили, что Сталин наш великий вождь. Но дома, когда мама и бабушка говорили об аресте дяди, они никогда не называли имя Сталина, всего лишь делали едва заметный жест, скручивая концы воображаемых усов.

– Как, по-вашему, детство вашего поколения отличается от детства нынешнего?

– Мы росли в атмосфере двойных стандартов. Говорили на улице одно и совершенно противоположные вещи – дома. Сегодняшняя молодежь свободна от таких догм, она должна быть счастлива, что имеет право выбора собственной идеологии, право выражать собственное

С маэстро Ниязи на встрече азербайджанских и французских парламентеров, 1982 год

мнение! Я счастлив, что дожил до этих времен.

Старшее поколение всегда будет ворчать и жаловаться, что они были намного лучше, чем сегодняшняя молодежь. Но я бы так не сказал. Времена меняются, и каждая эпоха в истории ставит свои требования. Мы росли в период Второй мировой войны, и, конечно, наши интересы отличались от интересов сегодняшней молодежи. Мы мечтали стать дипломатами, инженерами, докторами и пилотами. А сегодняшние дети хотят стать бизнесменами, адвокатами. Изменились времена – изменились требования. Я убежден, что в нашем детстве и национальные и моральные ценности были намного сильнее, чем сегодня.

– Какой совет вы могли бы дать молодым людям, вступающим в 21-е столетие?

– История нынешнего века не была благосклонна к нам. Граждан-

ские войны, политические перевороты, резня невинных людей, массовые ссылки. Завершается очень трудное столетие. Мы сделали значительные успехи в науке и технике, но мы не можем забыть, какие ужасные последствия принесли человечеству такие изобретения, как атомные и водородные бомбы.

Единственное утешение – то, что с 1960-х мое поколение пробовало изменить облик СССР, надеясь придать социализму гуманное лицо. Возможно, будущие поколения скажут несколько теплых слов о нас и наших усилиях, хотя мы и не преуспели в реализации своих глобальных надежд.

Прежний СССР был единственной страной в мире, который воевал со своим народом – гражданская война, высылка и депортации своих же собственных граждан. Надеюсь, что будущие поколения не забудут все эти факты, которые являются частью нашей истории. Это никогда не должно повториться. Сегодняшняя молодежь должна критиковать старшее поколение за такие поступки, но не повторять их.

В нашей юности мы действовали согласно интересам правящей партии, в противовес нашим собственным желаниям и мыслям. Конечно же, мы пробовали, прилагали усилия для создания лучших условий для будущих поколений. Я надеюсь, что сегодняшняя молодежь не позволит никому навязывать им свою идеологию и силой присоединять к единственной партии, как это делали коммунисты. Нужно дать им возможность жить независимо, позволить им быть настоящими патриотами и достойными того, чтобы называться гражданами Азербайджана.

Но независимость не означает хаос. Нельзя позволять молодому поколению создавать анархию, им необходимо быть строителями гражданского общества. Сегодняшняя молодежь имеет право выбора; я надеюсь, что они сделают правильный выбор, с тем, чтобы затем не сожалеть о своих действиях. Они несут ответственность за будущее Азербайджана.

– *Каково ваше самое большое достижение в жизни? Благодаря чему вы хотели бы запомниться будущему поколению?*

– С моей стороны нескромно говорить, что я сделал то или другое и люди должны помнить мои заслуги. Но в начале 1970-х, как только

я начал выезжать за рубеж, я стал изучать зарубежные архивы, чтобы найти хоть какую-либо информацию об Азербайджане. В результате мне удалось устраниТЬ, некоторые «белые пятна» нашей истории, которые были переписаны Советами и представлены как другая правда. Например, я был первым в Баку, кто упомянул имя Алимардан бека Топчибашы (президента Парламента и позже Посла во Франции) и Джейхун Гаджибейли (главного редактора газеты «Азербайджан», первой официальной правительственной газеты в Демократической Республике, 1918 – 1920). Я написал статьи о них и привез оригиналы документов из Франции и передал их в Государственный архив Азербайджана.

Есть такое понятие, как долг перед прошлым. Я исполнил свой долг как мог. Счастье, если меня будут за это помнить. Я думаю, что было бы справедливо сказать, что мы заложили одни из первых кирпичей в фундамент здания по имени Независимость.

«Azerbaijan
International»,
Los Angeles, № 7.4, 1999

А ЕЩЕ БЫЛ СЛУЧАЙ...

Годы моей парижской жизни – это не только напряженная работа в ЮНЕСКО, изыскания в архивах и политические акции, о которых много и подробно говорится в этой книжке. Был еще калейдоскоп встреч и случаев, не, так сказать, «глобального» значения, но, как мне кажется, стоящих рассказа. Два таких случая запомнились особенно отчетливо.

Первый связан с Борисом Ивановичем Равенских, бывшим тогда, в середине 70-х годов прошлого века, главным режиссером Малого театра. Старые московские театралы хорошо помнят и работы этого не-заурядного мастера, и его чудацства. В том числе и «фирменный» жест, каким Борис Иванович «изгонял чертей», стряхивая их с рукавов пиджака.

Обладал постановщик нашумевших «Свадьбы с приданым» и «Власти тьмы» и замечательным чувством юмора.

В один из его приездов в Париж я пригласил Бориса Ивановича к себе домой на ужин. Как говорится, хорошо посидели, что не мешало моему гостю время от времени этих самых «чертей» стряхивать. Тогда и поведал он о случае, который хочу сейчас рассказать.

Было время, когда Равенских довольно долго не давали ставить спектакли – то ли из-за «левакских закидонов», как он сам выражался, то ли еще почему-то. В Москве в ту пору первым секретарем одного из райкомов партии работала Екатерина Фурцева, прославившаяся потом уже в качестве министра культуры необъятного СССР.

Борису Ивановичу она благоволила. Однажды звонит и говорит: «Борис, срочно лети в гостиницу «Москва», там тебя ждет известный азербайджанский поэт и драматург Самед Вургун. У него пьеса. Возьми. Прочти. Поставь. Ты все понял?»

Дважды такое Равенских повторять не надо было. Это был реальный шанс вырваться из опалы. И даже не поинтересовавшись, что это за пьеса, о чем, в каком жанре, он примчался в «Москву», где в те времена, после войны, останавливались такие товарищи, которых сегодня звали бы вип-персонами.

В номере у Самеда Вургуна уже был накрыт стол обильный и изысканный одновременно. Самед, как известно, в этом деле знал толк. Опять-таки, хорошо посидели, а в finale вечеринки «тепельский» Равенских получил переведенную на русский язык пьесу. Называлась она «Ханлар» и посвящена была известному, скажем так, активисту установления советской власти в Азербайджане.

Прочитав произведение, как рассказывал сам Борис Иванович, он понял, что «попал». Пьеса ни темой своей, ни драматургией никак, мягко говоря, не вписывалась в русло его творческих поисков. При этом Равенских хорошо знал, кто такой Самед Вургун, слышал от знатоков поэзии о его огромном лирическом даровании. Словом, при повторной встрече – в тех же «декорациях» и с тем же, что в прошлый раз, содержанием – Равенских долго пьесу хвалил, одновременно сокрушаясь, что поскольку она «очень национальная по характерам», он не может взять на себя большую ответственность ставить ее на сцене. И вернул пьесу.

Самед, ни слова не возразив, небрежно отложил ее в сторону и продолжил застолье. А на прощанье подарил Равенских книгу своих стихов, в которой сделал подпись: «Хорошему режиссеру Борису Равенским от плохого драматурга Самеда Вургана».

Свидетелем второго случая я был лично. В те же самые годы в Париж в служебные командировки нередко приезжал Таир Салахов, в ту

пору первый секретарь Союза художников СССР. Как-то мы пошли с ним погулять по городу. Было лето, стояла чудесная погода, мы поднялись на Монмартр. Кто был в Париже, знает, какой великолепный вид на город открывается оттуда. Прогуливались мы по пляс дю Тертр, перед известным рестораном «Богема», где всегда много уличных художников, предлагающих портретировать туристов, поскольку, горячо убеждают иные из них, побывать на Монмартре и уйти отсюда неувеченным – грех немыслимый. Художественные услуги, естественно, не бесплатные; кстати, надо признать, что случаются среди этих уличных художников таланты самые настоящие.

Нам не довелось узнать, одарена была или нет красавая художница, буквально атаковавшая нас с настоятельными требованиями немедленно ей отпозировать. Весьма энергичная оказалась дамочка, утверждавшая, что наши лица, оказывается, невероятно выразительны, просто просятся на лист, который она держала наготове в руке.

Мне удалось оторваться, уйти вперед; Салахов замешкался. Теперь она донимала его одного. Дошло до того, что предложила нарисовать Таир совершенно бесплатно, поскольку, «упустив такую фактуру», она этого себе никогда не простит.

Словом, достала. Тогда Салахов и говорит ей: «Давайте я вас нарисую. Бесплатно». Она: «Мсье, это несерьезно, я – художник, а вы, проштите, кто?» Стала собираться любопытствующая толпа зевак. «Ну, дайте», – говорит Таир и берется за конец листа плотной бумаги, который она держала в руке. Она уступает.

И я увидел, как работает мастер. Взяв лист и рисовальный уголек, Таир Салахов, застыв и прищурившись, секунды три – четыре изучал ее лицо. Потом, медленно, начав откуда-то снизу листа, потом все убираясь, не отрывая углем от поверхности бумаги, единым движением сделал очень точный превосходный рисунок. В котором был схвачен даже процесс растиущего изумления в лице художницы.

Таир с легким поклоном вручил ей рисунок. Дама стояла, словно потеряв дар речи. И тут присутствующие взорвались аплодисментами. Крики «Брависсимо, маэстро» еще долго раздавались нам вслед.

НИЧТО НА ЗЕМЛЕ НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО

За окном ранняя, еще очень снежная московская весна, а мы с Рамизом Абуталыбовым вспоминаем летний Париж, по которому нам доводилось вместе гулять давным-давно, в прошлом веке. Он прожил в этом городе шестнадцать лет, работал в ЮНЕСКО. Стоит отметить, что до него азербайджанцы в этой авторитетнейшей международной организации не работали.

Но оставил Рамиз Абуталыбов в Париже заметный след не только на ниве образования и культуры. Он практически в одиночку проделал огромную работу в архивах Франции, искал и находил уникальные документы о выдающихся представителях азербайджанской эмиграции. Эти материалы давно в Баку, о них там немало написано. Но существуют и другие сюжеты, связанные с подвижнической деятельностью Рамиза Абуталыбова во Франции...

— Рамиз, помнится, весьма плачевным было состояние могилы Акпер Аги Шейхульисламова, одного из пятерки азербайджанской делегации Азербайджанской Демократической Республики на Версальской мирной конференции в 1920 году. На мусульманском кладбище в Бобиньи близ Парижа, где мы с тобой были в 1991 году, от могилы этого

крупного деятеля первой Азербайджанской республики оставался едва приметный холмик. Об этой постыдной ситуации я еще писал тогда в «Панораме Азербайджана». Сегодня, я знаю, там все выглядит достойно и знаю, что это твоя заслуга...

— Да, сегодня, когда приходишь поклониться могиле А.Шейхульисламова, чувства стыда не испытываешь. Все действительно выглядят достойно. Но я хотел бы здесь обязательно и с большой благодарностью сказать вот о чем. Во всем, что связано с этой могилой, мне оказали неоценимую помощь Мамедали Таджахмади и Гадир Сулейманоглу, наши соотечественники в Париже. Мы пошли в фирму по ритуальным услугам и попросили посчитать, во что обошлось бы возведение нового надгробья. Нам составили смету, где в итоге была выведена цифра, эквивалентная 3000-м долларов США. Не астрономическая, вроде бы, сумма, да где ее было взять? В таких случаях испытанный способ — пойти с шапкой по кругу, то есть, обратиться к диаспоре с просьбой собрать нужные деньги. Да вот только «круг» был чрезвычайно узок: азербайджанской диаспоры в Париже в начале 90-х годов прошлого века практически не было. А пару десятков азербайджанцев-интеллигентов, в основном из Южного Азербайджана, бежавших на Запад от хомейнистского режима и живших в Париже, богачами называть было невозможно.

Словом, я написал о бедственном положении могилы докладную тогдашнему министру иностранных дел Азербайджана Тофику Зульфигарову, в которой указал и сумму, необходимую для восстановления могилы. Однако шло время, а движений по данному вопросу не наблюдалось. И вот однажды, где-то через год, было совещание у президента Азербайджана Гейдара Алиева по поводу подготовки проведения 1300-летия «Китаби Деде Горкуд». В конце заседания Гейдар Алиевич спросил, есть ли у кого вопросы. Я попросил слова и обрисовал ситуацию с могилой А.Шейхульисламова. Скажу тебе, момент был непростой. Совещание-то созывалось по совсем иному поводу, и мелькнула мысль: не выйдет ли хуже? Но одновременно я понимал, что другого случая в обозримом будущем может и не представиться, а вопрос, что называется, «горел». Президент, как известно, нужные решения принимал мгновенно. Ответ его был коротким, в стиле приказа: «Займись!»

Дальше проволочек уже не было. Сегодня над могилой возвышает-

ся строгое красивое надгробие со стелой из серого гранита, на котором золотом выбиты все надлежащие сообщения о А.Шейхульисламове. Кстати, на том же совещании удалось, по-старому выражаясь, протолкнуть и другой вопрос, связанный с захоронениями наших соотечественников во Франции...

— А это что за история?

— Рано утром 17 августа 1944 года в городке Родез немцы расстреляли около 30 азербайджанцев – участников французского Сопротивления. Я знал об этом трагическом факте, трижды ездил в Родез, искал место захоронения. Подолгу расспрашивал стариков, живших во время войны в тех местах. Их версии расходились, иногда кардинально. Одни говорили об общей могиле, куда закопали расстрелянных азербайджанцев. Другие утверждали, что трупы немцы якобы куда-то вывезли. Была даже жуткая версия, что их сожгли из огнеметов.

Надо опять же с признательностью отметить, что никто из стариков-французов не остался безучастным к моим просьбам помочь с поисками захоронения. Наиболее же успешным из них в этих поисках оказался Рене Шамбар. Он и сейчас живет в Родезе. Очень старый человек, он потратил на эти поиски уйму своего времени и усилий. Совершенно бескорыстно – сам был в маки, воевал вместе с нашим прославленным земляком Ахмадией Джабраиловым. Так вот, Рене Шамбар отыскал могилу, на которой написано «Камарад Мишель Гусейнов». Старик пошел дальше, и нашел запись в канцелярии кладбища о человеке, похороненном в этой могиле: «умер от ран».

Таким образом, поиски обрели конкретику и, если так можно сказать, методологию. Постепенно накапливались новые данные и свидетельства о том расстреле. Однажды мы собрались со стариками в мэрии Родеза, мне вручили кипу разных бумаг военной поры и среди них – документ с полным и точным описанием казни. В другом документе я нашел имена 12 наших казненных соотечественников...

Можно еще долго рассказывать о порой почти детективных перипетиях тех поисков. Но важен результат: память о наших земляках, сложивших головы вдали от родины, не заастает травой забвения. Скоро рядом с могилой Мишеля Гусейнова появится памятник с надписью: «Азербайджанским бойцам, погибшим за свободу Франции». Меня греет мысль о том, что во Франции теперь будет еще одно место, куда мож-

но прийти, склонить голову перед памятью о подвиге азербайджанских воинов, отдавших в борьбе с фашизмом самое ценное, что у них было – жизнь. От человека, от его дел должен оставаться след на земле, пусть даже скорбный...

— Это бесспорно и справедливо. Как справедливо и то, что общественности должны быть известны и имена тех, кто, не жалея собственных усилий и времени, не дает таким «следам» кануть в лету, в небытие. В наше сильно зараженное коммерцией время ощущимо не хватает подвигничества, того, что в старой русской традиции называлось высоким словом «служение». Я знаю, Рамиз, что ты много времени потратил на сбор и систематизацию сведений о захоронениях во Франции и многих других наших земляков. Расскажи, пожалуйста, и о них, если даже список не маленький...

— Да, достаточно внушительный. Из шести членов азербайджанской делегации, выехавшей во Францию в 1919 г. для участия в работе Версальской мирной конференции, четверо – Алимардан бек Топчибашев, Акпер Ага Шейхуль-Исламов, Джейхун Гаджибейли и Мамед Магеррамов скончались в Париже. Первым ушел из жизни в ноябре 1934 г. А.М.Топчибашев. В последние годы он жил в предместье Парижа – Сен-Клу и похоронен там же на местном кладбище. В семейном склепе покоятся его супруга – Пери ханум, дочь Гасан бека Зардаби и сыновья Али Акбербек и Рашид бек. Я присутствовал на траурной церемонии погребения Али Акбер бека в 1977 г.

Недалеко от них – могилы Джейхун Гаджибейли, его супруги Захры ханум Гаджикасимовой, сыновей Джейхун бека и Тимучин бека.

О могиле в Бобинье Акпер Ага Шейхульисламова мы подробно говорили в начале нашей беседы.

Последним из членов той делегации ушел из жизни в 1982 г. Мамед Магеррамов. Он похоронен на кладбище «Монпарнас» в Париже.

В октябре 1994 г. в Париже, в возрасте 79 лет, скончался прекрасный художник Селим Турэн, сын Алибека Гусейнзаде. Сегодня его настенную живопись, скульптуры, парковые ансамбли можно увидеть в 20 городах Франции.

На различных кладбищах во Франции покоятся члены семей Асадуллаевых и Зюльгадаровых. Глава семьи парижских Асадуллаевых – Мирза Шамси оглу тоже захоронен на мусульманском кладбище

У могилы А.Шейхульисламова слева направо: Гадир Сулейманоглу, Гусейн Азармахд, Мамедали Таджахмади

в Бобиньи. Рядом с ним – его двадцатилетний племянник Надир – сын Али Асадуллаева и Лейлы ханум Тагиевой, дочери Гаджи Зейналабдини Тагиева.

Там же предположительно захоронена и старшая дочь Мирзы – Говсар ханум, но, к сожалению, могилу не удалось найти. У нее были два сына – Исмаил Гасанов от первого мужа, которого не взяли во Францию, и он умер в Баку, и второй – известный французский востоковед Асадулла Меликиан-Ширвани, сейчас он живет в Париже. Вторая его дочь – Сурая ханум, могила, увы, тоже не найдена, также скончалась в Париже. Ее муж Мурад Везиров, племянник Зюльгадаровых, умер в Иране. Во Франции сейчас живет их дочь. Третья дочь Мирзы Асадуллаева – Кюбра ханум похоронена в Париже на кладбище Батиньоль. Четвертая – Умм-Эль-Бану, известная французская писательница, издававшая свои произведения, как известно, под псевдонимом Банин,

скончалась в Париже 23 октября 1992 г.

Сын Мирзы от второго брака – Шамси тоже умер в Париже.

В начале XX века в Азербайджане одним из крупных землевладельцев был Аллахъяр бек Зюльгадаров. Кое-кто из его потомков после 1920 г. переехал во Францию. На двух кладбищах удалось найти могилы некоторых из них. На кладбище в Бобиньи захоронены Нушу бек, Махрух ханум и Хавер ханум Зюльгадаровы. На православном русском кладбище покоятся Зоря Тукаева, урожденная Зюльгадар, и Юлия Зюльгадар, урожденная Брандт. Одна из Зюльгадаровых – Суджаат ханум долгое время жила в Париже в семье Джейхун бека Гаджибейли. В 60-е годы она вместе с детьми переехала в США.

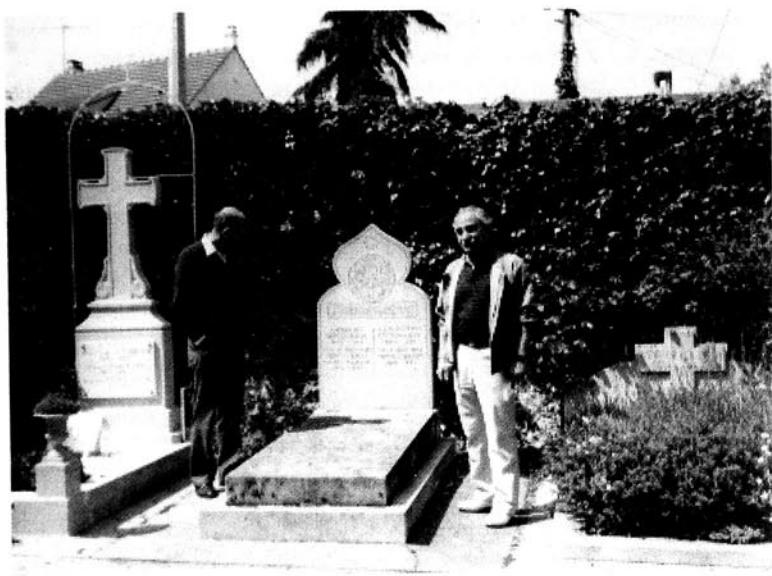
Хотелось бы сказать и о парижском русском кладбище. Расположено оно в небольшом городке Сен-Женевьев-де-Буа в 30 км от Парижа. Здесь более 20 000 могил известных русских писателей, ученых, политиков, художников, артистов, военных, представителей духовенства.

Документы свидетельствуют о том, что молодая англичанка Доротея Пейджет, воспитанная русской няней, купила особняк в Сен-Женевьев-де-Буа и вместе с княгиней Верой Мещерской создала здесь «Русский дом» для престарелых. В 1927 г. недалеко от этого особняка и возникло русское кладбище. Здесь покоятся цвет русской культуры – Иван Бунин, Константин Коровин, Иван Мозжухин, Сергей Лифарь, князь Феликс Юсупов, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Александр Галич...

Есть на этом кладбище и могилы представителей других национальностей, некогда населявших Российскую империю. Кто-то из них принял православие, кто-то, не меняя веры предков, уходя в мир иной, хотел остаться навеки рядом с друзьями и соседями. На русском кладбище можно увидеть надгробия в мусульманском стиле – со звездой и полумесяцем.

Вот могила Лейлы ханум Мюфти-заде и ее сына Рустам бека Тайгансского. А вот другие имена – Искендер Меликов, отец известного профессора-турколога Ирэн ханум Меликовой, Мирза Джабраил, Айваз-оглу, Идрисов, Искендер Макинский, штабс-капитан В.Рагимов, Татьяна Гусейновна Мартынова, урожденная княгиня Нахичеванская, дочь генерала Гусейн хана Нахичеванского...

В моем архиве имеется фотокопия объявления из русского журнала

У могилы Алимардан бека Топчибашева: Ахмед Хейрипур и Фархад Агамалиев

«Иллюстрированная Россия», выходившего в Париже. В номере 6 (456) от 3 февраля 1934 г. читателей приглашают в ресторан «Каво Коказийен» (Кавказский подвал). Это, согласно объявлению, «самое старое и уютное» кабаре находилось по адресу: рю Пигаль, 54. На сцене этого заведения вместе с известными певцами Александром Вертиным и Нюрой Масальской выступал знаменитый в те годы танцор Руфат бей Халилов. Бывший офицер Дикой дивизии, прекрасный музыкант и танцор, в начале 20-х годов он выехал во Францию, где и закончил свой жизненный путь.

... Эту часть нашего разговора мне хочется закончить четверостишием русского поэта Роберта Рождественского, посвященным россиянам, покоящимся во французской земле.

Слят они, бедные, примиренные с вечностью.
Вспомнивши, может, завет о прощеньи, любви.
Жертвы Истории, внутренней черствости...
В чем-то неправые, в чем-то и правые.
Кто же не грешен на этой земле?..

Мне кажется, эти стихи с полным на то основанием можно отнести и к тем нашим землякам, чей прах покоятся в земле Франции.

— Да, земные пути многих азербайджанцев пролегали рядом с путями русских людей, я думаю, души их соседствуют и на небесах. Поговорим о русском. Я не понял, знаю и о твоих парижских встречах и привязанностях с представителями старой русской эмиграции. В том же 1991 году имел возможность, например, наблюдать твои теплые отношения с великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым. Благодаря твоему содействию я сделал тогда с ним обстоятельное интервью для «Панорамы Азербайджана», имевшее довольно большой резонанс. Что было в основе этих отношений — случай или...

— ... или. Ты знаешь, я всегда интересовался русской историей и культурой, представителями российской духовной элиты, многие из которых после революции оказались за пределами родины. Замечательно, что Париж подарил мне возможность познакомиться с иными из них. То есть ты ищешь счастливый случай — и он находит тебя. Другой момент. В первые же годы жизни в Париже я прочитал десятки книг русских писателей, о которых раньше только слышал, поскольку они были запрещены в СССР. Естественно, меня не могли не интересовать и связи азербайджанской и русской эмиграций. А они иногда весьма тесно переплетались, достаточно вспомнить, например, взаимоотношения нашей замечательной Банин, прожившей в Париже всю жизнь, с Нобелевским лауреатом Иваном Бунином. Или ее же дружбу с русской писательницей Тэффи. В связи с этим возникает вопрос: а встретились бы эти люди вообще, если бы не эмиграция, если бы не этот звонкий перекресток европейских культур — Париж, который свел их? Или вот, скажем, где еще азербайджанец Ибадулла Азим-заде мог бы купить оригинальную прижизненную портретную зарисовку Ленина работы известного русского художника Филиппа Малявина?

Артисты театра «Фемина», занятые в спектакле «Аршин мал алан»

Корни Ибадуллы – из Шуши. Но его предки, когда в XIX веке армян из Персии переселяли на азербайджанские земли в Карабах, были вынуждены, напротив, уехать в Иран. В Париже Ибадулла жил с 1927 года, работал портным и был единственным азербайджанцем – членом компартии Франции. Вот и купил он у коллекционера С.Белица выше-названный рисунок. А уже после долгого нашего с ним знакомства, переросшего в дружбу, однажды вручил мне этот рисунок, с просьбой передать его в Центральный музей В.И.Ленина в Москве. Я выполнил просьбу, и редкая работа Ф.Маяльина вернулась на родину.

– Сколько я знаю, схожая история связана и с картинами Айвазовского...

– Схожая только внешне. Ибо, так сказать, идеологические подоплеки у этих историй совершенно противоположные. Дело в том, что три марины Ивана Айвазовского были вывезены из музея в Севастополе, чтобы спасти их от большевистского разора. А вывозил их, вместе с богатой коллекцией собственных картин и книг, контр-адмирал Черноморского флота Павел Остелецкий. Он командовал флагманским кораблем, на мачте которого реял штандарт императора.

Он приехал во Францию вместе с семьей после революции, был председателем Русского морского собрания в Париже, где многое из той коллекции выставлял. Он никогда не скрывал, откуда у него те марины, и завещал сыну Николаю вернуть работы Айвазовского в Россию, когда она освободится от большевиков.

Меня с Николаем Павловичем в году 1987-м познакомил мой друг Вячеслав Костиков. В прошлом Н.Остелецкий был летчиком, летал и на военных самолетах, и на гражданских. К тому времени он уже вернулся на родину Андреевский военно-морской флаг с корабля отца, какие-то еще вещи. С картинами же не спешил. И вот как-то я спрашиваю его: «Николай Павлович, а картины когда вернете в Россию?» Он и говорит: «Забирайте!» Я опешил; придя в себя, спрашиваю: «Почему вдруг согласились?» Он: «Вы хитрый кавказец. Вы первый, кто в разговоре со мной сказал «Россия», а не «СССР». Вот тебе и цена одного слова...

– Думаю, «Россия» для него было не просто слово, а понятие куда более глубинное и важное...

– Ну, конечно. Николая Павловича ведь привезли во Францию, как говорится, в нежном возрасте, и Россия всю жизнь оставалась для него

вроде несбыточной мечты. Отметим, что в момент, когда он передал мне эти три картины, СССР номинально еще существовал, хотя по всему уже было ясно, что настают его последние времена.

Узнав о передаче картин, советский посол выдвинул инициативу организовать по поводу данного события фуршет и пригласить на него дарителя. Что я и передал Николаю Павловичу Остелецкому. Его ответ достоин цитирования. «Молодой человек, – сказал он, – я в семь лет был представлен отцом Его Императорскому Величеству. С тех пор я никому не представляюсь».

Картины я передал тогда в Советский фонд культуры, возглавлявшийся академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Туда же – и переписку Ум-Эль-Бану с Иваном Алексеевичем Буниным.

– Рамиз, зная твой неугомонный характер, не поверю, что во время недавней поездки в Париж ты не предпринял каких-нибудь новых поисков.

– Не то чтобы поисков в буквальном смысле, но кое-что интересное было. Как всегда по приезде туда, я заглянул в магазин русской книги «ИМКА-пресс» и увидел на полке роскошно изданный альбом «Российская эмиграция во Франции в фотографиях». Полистал, обнаружил фотографии многих выходцев из Российской империи – русских, грузин, осетин, армян, абхазов, калмыков… И ни одного азербайджанца. Тут же в магазине я отыскал телефон автора – составителя альбома Андрея Корлякова, связался с ним. Сказал, что без фотографий представителей азербайджанской эмиграции созданная им в альбоме общая картина выглядит неполной. Он согласился, ответил, что пробел получился только из-за отсутствия у него необходимых фотоматериалов. И был очень рад и благодарен, узнав, что я могу предоставить нужные материалы.

Сейчас я собираю для него бандероль с фотографиями и другими материалами. Конечно, в нем будут фотографии членов нашей делегации на Версальской конференции в 1920 году, студентов-азербайджанцев, обучавшихся во Франции в 20-х годах прошлого столетия… В эту же бандероль я вложу программу спектакля «Аршин мал алан». Он был поставлен Джейхун Гаджибейли, младшим братом автора бессмертной комедии Узеир бека, и показан 6 июля 1925 года в театре «Фемина» на Елисейских Полях. Ну и, конечно, займет свое место в этой посылке

и фотография последней любови Ивана Бунина, нашей чудесной соотечественницы Банин, которую писатель называл «газелью». Эти новые материалы Андрей Корляков включит во второе издание альбома. Стоит, наверное, отметить, что во время той поездки мне удалось познакомить двух интересных людей. Один из них – молодой азербайджанский ученый Вугар Имаңлы, автор монографии об Алимардан беке Топчибашы, вышедшей в Стамбуле. Другой – известнейший историк, профессор Коллеж де Франс Жиль Вайнстайн, у которого хранится часть парижского архива Алимардан бека. Я убежден, что в результате их знакомства и творческого сотрудничества обязательно рождаются новые интересные работы о нашем великом соотечественнике.

– Будем ждать. Спасибо за беседу.

Беседовал
Фархад АГАМАЛИЕВ,
«Азербайджанский
конгресс»,
№5(20), май 2005 года

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ФРАНЦИЮ

или история одного восстания

В конце 1941 года германское командование приняло решение о начале формирования из числа советских военнопленных национальных легионов для участия в военных операциях против СССР. Этим занимались министерство иностранных дел (г-н Шуленберг) и министерство по восточным делам (г-н Розенберг). Шуленберга консультировал тюроколог-востоковед профессор фон Менде и брат Энвера паши – Нуру паша. Именно тогда были созданы туркестанский, грузинский, армянский и кавказско-мусульманский легионы. Спустя какое-то время кавказско-мусульманский легион был разделен на азербайджанский (под командованием майора Советской Армии Абдурахмана Фаталибейли) и горский («Бергман»).

Изначально национальные легионы воевали на Кавказском фронте, но в 1943 году их перебросили на Западный фронт. Отдельные батальоны азербайджанского легиона дислоцировались в Италии и Франции. Очень скоро часть азербайджанских легионеров перешла на сторону французского Сопротивления и храбро сражалась в отрядах маки. Остальные же после войны перешли в зону, находящуюся под контролем американцев.

Здесь необходимо сделать важное объяснение. Советские историографы, описывая боевые заслуги тех советских солдат и офицеров, которые воевали в отрядах французского и итальянского Сопротивления, представляли их всех как военнослужащих, попавших в плен в Италии и Франции. На самом же деле это были военнопленные, перешедшие на сторону Германии и в составе вермахта участвовавшие в боях против итальянских и французских партизан. Выбирая между жизнью и смертью и помня о Приказе N 270 советского правительства, в котором говорилось: «Уничтожать пленных красноармейцев всеми наземными и воздушными средствами», часть военнопленных перешла на сторону противника. Нелегко складывалась их судьба и после войны. После 1945 года все военнопленные были осуждены как «враги народа» и предатели Родины, независимо от того, сдались они в плен добровольно или в результате тяжелого ранения и потери памяти.

Но вернемся к нашей теме.

Осенью 1943 года восточные национальные легионы, в том числе и несколько азербайджанских батальонов, прибыли во Францию. Основная их часть (около 1200 человек) была дислоцирована в городе Родез. Практически сразу группа азербайджанских легионеров из 30 человек создала подпольную антифашистскую организацию, которую возглавили бывшие капитаны Советской Армии Мирзахан Мамедов и Гусейн-Рза Мамедов. Они установили связь с двумя группами французского Сопротивления – FTPF (возглавлялась местными коммунистами) и FFI (во главе с генералом Де Голлем).

Командан Ришар (настоящая фамилия Бонафус), возглавлявший FFI в департаменте Аveyron, в своих воспоминаниях пишет о первой встрече с азербайджанцами: «Двое из них были бывшими офицерами Красной Армии, а третий – Мамедов, был политическим комиссаром». Кстати, г-н Бонафус в ноябре 2000 года был в Баку и встречался со своими азербайджанскими соратниками.

Руководитель другой партизанской группировки Марк Вени пишет: «В Родезе располагалось несколько подразделений азербайджанского легиона. В большинстве своем они хотели объединиться с нами. Они ждали только официального согласия руководства французского Сопротивления. Их командиры, бывшие офицеры Красной Армии с высшим образованием хотели организовать небольшие боевые

Могила Мишеля Гусейнова в городе Родез

группы, чтобы в нужный момент поднять весь гарнизон против немцев. Но задача была сверхсложной, во-первых, легионеры находились под неусыпным контролем немецких офицеров, во-вторых, среди самих легионеров были люди недовольные советским режимом, а также платные осведомители».

Безусловно, контакты азербайджанцев и французов попали в поле зрения немецкого командования. Началась слежка за легионерами. В начале октября 1943 года были арестованы врач Шахбазов и фельдшер Гулиев. При обыске у них нашли прокламации, полученные от французских партизан. Суд был коротким, 6 октября 1943 года их расстреляли, а 14 ноября 1943 года за связь с партизанами был расстрелян лейтенант Фугул Байрамов.

Но несмотря на жестокие репрессии борьба продолжалась. 18 азербайджанцев уничтожили в городе Шанак 32 и ранили 42 фашиста. 10

Создатель азербайджанского отдела радио «Свобода» Абдурахман Фаталибейли

июля 1944 года 15 наших земляков, захватив оружие, ушли в город Манд к французским партизанам. Через полмесяца к ним присоединилась другая группа из 50 человек во главе с лейтенантом Рзой Рзаевым. Вместе с французами азербайджанцы участвовали в освобождении от фашистов городов Северак-ле-Шато, Монастые, Марвенсоль и др.

Переход легионеров в маки учащался. Это приводило фашистов в бешенство. Франция готовилась к всенародному восстанию.

Готовились и азербайджанские легионеры, находящиеся в немецкой казарме Бурлуп. Восстание должно было начаться в час ночи 17 августа 1944 года. Через переводчика- поляка Григория Романюка, жившего в Родезе, переговоры с французами вели Мирзахан Мамедов и Гусейн-Рза Мамедов. Но случилось непредвиденное: 15 августа гестапо арестовало Романюка. От своих агентов в легионе немцы узнали о готовящемся восстании. Между девятью и десятью часами вечера

С командующим войсками Сопротивления в департаменте Аveyron Бернаром Бонафусом (псевдонимом командан Ришар)

16 августа несколько руководителей подполья были арестованы и назавтра же приговорены к расстрелу.

Среди них были: капитан Мирзахан Мамедов, военврач Фейзула Курбанов, лейтенант Вели Велиев, лейтенант Кули Кулиев, лейтенант Мамедгусейн Якубов, лейтенант Гамид Курбанов, лейтенант Али Гасанов, санитар Мирзали Мамедли, Исмаил Гейдаров, Паша Джадарханлы, Абдурахман Алиев, Абдуллаев... Всего 15 человек.

Французский исследователь и участник Сопротивления Раймон Фурнье (подпольная кличка командан Шарль) в книге «На полях сражений» пишет: «По словам очевидца Курбанова, осужденных сразу после приговора отвезли на кладбище. По пути заключенные бросились на конвоиров и в суматохе стали выпрыгивать из грузовика. В результате пятеро погибли, а остальным удалось бежать». Среди погибших был руководитель антифашистской организации Мирзахан

Обелиск в городе Родез в память воинов-азербайджанцев, погибших за освобождение Франции

Мамедов. Другому руководителю подполья Гусейн-Рзе Мамедову с группой азербайджанцев в 29 человек с оружием и боеприпасами удалось покинуть Родез и попасть в Д'Арвио, в район Кассан-Бегонес, где располагался отряд FFI под началом командана Пюже.

В ответ на побег смертники фашисты расстреляли около 60 азербайджанцев, по рассказам ветеранов Сопротивления, нескольких наших земляков сожгли заживо. Помимо этого в местечке Сан-Радегонд расстреляли 30 французских патриотов, среди которых был связной азербайджанцев с маки Григорий Романюк.

Ранним утром 18 августа фашисты начали покидать Родез, с ними уходили и некоторые сохранившие преданность нацистам легионеры.

В это время отряды Ришара и Пюже вместе с азербайджанцами во главе с Гусейн-Рзой Мамедовым в районе деревни Пон-де-Сэлар напали с тыла на один из отступавших немецких батальонов и полностью

уничтожили его.

После боев за Родез азербайджанцы участвовали в освобождении Кармо, Альби, Гайака и других городов департаментов Тарн и Аveyron. За боевые заслуги наши земляки были удостоены орденов Франции. А первый советский партизанский полк, в котором служило 170 солдат и офицеров азербайджанцев, был награжден правительством Франции Военным крестом и серебряной звездой.

В 1997 году в парижском Музее Национального Сопротивления прошла выставка «Участие иностранцев в боях за освобождение Франции». В экспозиции было представлено табло с указанием стран, участвовавших в совместной борьбе против нацистов на французской земле. Среди них была названа и наша страна – Азербайджан.

И в заключение хотелось бы добавить, что мне удалось дважды побывать на юго-западе Франции и встретиться с участниками французского сопротивления Рене Шамбаром и Бернаром Бонафус, собратьями по оружию наших земляков. Они помогли мне собрать много фактов участия азербайджанцев во французском Сопротивлении. Огромное содействие в поисках оказали бывший посол Франции в Азербайджане г-н Жан-Пьер Гинют и мэр города Родез г-н Марк Сенси.

«Аз-Медиа», №27,
октябрь – ноябрь 2001 г.

P.S. 9 мая 2005 г. во Франции я принял участие в церемонии открытия обелиска, на котором написано: «Азербайджанским воинам, погибшим за Францию». Я испытал радость, что давно начатое дело мне удалось довести до конца. Горд, что на французской земле, в Родезе, теперь есть памятник моим землякам.

Живая нить

За счастье парижан,
За счастье всей земли
Твои, Азербайджан,
Игиды полегли.
Сложили песнь свою,
Оружья не сложив,
И все они в строю,
И каждый вечно жив.
Сотрутся ли черты
Отчаянных ребят?
Поныне им цветы
Француженки дарят.
Им было тяжелей,
И все же берегли
Честь Родины своей
От Родины вдали,
Смогли Азербайджан
И Францию сроднить,
От их смертельных ран
Живая крепла нить.
Менялись времена
И люди, но она
По-прежнему прочна,
По-прежнему верна.

Владимир КАФАРОВ,
«Бакинский рабочий»,
14 июля 1999

НАМ ОСТАЕТСЯ ПАМЯТЬ

Удивительно точное определение Парижа – «праздник, который всегда с тобой», сделанное Хемингуэем, цитировалось столько, что сно-ва повторять его просто неприлично. Вспоминаю же я его сейчас только потому, что в годы моей парижской жизни, а их было немало, у меня там случались такие периоды, когда даже этот город, со всеми своими красотами, никак не способствовал праздничному настроению.

Депрессия – штука препаршивая. Как будто из тебя невидимым шприцем, каплю за каплей, вытягивают жизненные силы. А началось все в феврале 1988 года, когда стартовала давно и тщательно запланированная акция Армении против Азербайджана. Поток лжи лился отовсюду, нас распинали на глазах у равнодушного мира. Собственное бессилие угнетало больше всего. Душу изливал в письмах-жалобах друзьям детства в Баку и старым бакинцам, проживающим в близком и дальнем зарубежье. И первым, кто поддержал меня в ту нелегкую пору, был мой старый бакинский друг, однокашник и сосед Юрий Шаков, который в 1980 году переехал в США и жил в Нью-Йорке.

Однако не в моем характере долго плакаться и заламывать в отчаянии руки. Надо было что-то предпринимать. Потихоньку забрезжила идея.

В одном из писем я сообщил Юре о нашей соотечественнице, французской писательнице Банин, эмигрировавшей из Баку еще в далеком трагическом 1924 году. И у Юры возникла идея взять у нее, свидетельницы мартовских событий 1918 года в Баку, интервью. Он незамедлительно прилетел из Нью-Йорка в Париж. В начале октября 1988 года он впервые встретился с мадам Банин в ее квартире на рю Лористон, 40. Потом мы еще несколько раз навещали эту удивительную женщину.

Она усаживала Юру в кресло, в котором когда-то, бывая у нее в гостях, любил сидеть великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин, и рассказывала нам подробности кровавой резни, устроенной дашнаками и большевиками во главе с С.Шаумяном в Баку в марте 1918 года. В итоге этих встреч и бесед Юра Шаков опубликовал в Нью-Йорке 4 ноября 1988 года в ежедневной газете «Новое русское слово» статью «Визит к старой dame», из которой русскоязычное население США узнало об истинном положении вещей в карабахском конфликте. Это была первая в Америке статья, содержащая строгую правду о тех событиях, и я был очень благодарен Юре за то, что он изложил ее так, как она есть. Редакцию особо заинтересовала точка зрения азербайджанской стороны, и впоследствии газета регулярно публиковала материалы на эту тему. Юра Шаков был как бы ее консультантом в этих вопросах.

В моем личном архиве хранятся два номера «Нового русского слова».

В одном (18–19 февраля 1989) под названием «Самиздат в Азербайджане» рассказывается о подпольном издании в 1988 году в Баку сборника «Ветен», составленного неизвестным автором с инициалами О.Р. В другом номере (3 октября 1989) под рубрикой «Слово предоставлено не было» опубликован текст выступления народного депутата Рустама Ибрагимбекова на сессии Верховного Совета СССР. Наверное, этот факт памятен нашим читателям, когда руководство бывшего Союза не дало возможности Р.Ибрагимбекову выйти на трибуну сессии...

...В апреле 1989 года Юрий Шаков ушел из жизни, ушел совсем молодым: в июле нынешнего года ему исполнилось бы всего 59 лет...

Мне хочется сегодня рассказать о нем, чтобы те, кто не был с ним знаком, смогли хоть немного прочувствовать, какой это был замечательный друг. Он был человеком исключительно талантливым и порядочным, беспредельно, душой и телом преданным Баку и бакинцам. Мы жили рядом с детства, в районе знаменитой бани «Фантазия», вместе учились в школе № 29, гоняли мяч на пересечении улиц Видади и Азизбекова. И, конечно, почти ежедневно гуляли по вечерам на Торговой – на этом Бродвее моей и его юности.

Великий он был выдумщик, наш Юра Шаков, выдумщик и заводила. И не упомянуть сейчас, сколько занимательных дел он затеял, какие невероятные идеи выдвигал... Не забуду, как в подвале нашего дома мы, мальчишки военных лет, по инициативе Юры создали нечто вроде бункера на случай возникновения третьей мировой. Затем, опять же по его предложению, организовали клуб болельщиков «Нефти». А после перехода всеобщего любимца Алекпера Мамедова в московское «Динамо» стали собирать статьи из «Советского спорта», в которых упоминалось имя этого выдающегося азербайджанского футболиста. В конце 50-х годов Юра Шаков первым в СССР стал собирать гостиничные наклейки для чемоданов. Ему же принадлежит авторство в названии этого вида коллекционирования – «кофрокартия» (кофр – чемодан, картина – визитка отеля). Его коллекция, крупнейшая в Союзе, насчитывала свыше 10 тысяч оригинальных наклеек из почти 150 стран мира.

...Давно уже девчонки и мальчишки с нашей улицы – Солмаз Касумзаде, Люба Крайzman, Тома Магалтадзе, Бэла Шейн, Неля Вдовина, Мирсадых Садыхов, Ариф Агаев, Тамерлан Кенгерли, Вагиф Абдуллаев, Юра Грибов и другие разлетелись по белу свету. Многие стали бабушками и дедушками, все, слава Богу, живы-здоровы. Мы, оставшиеся в родном Баку, любим их по-прежнему, ценим за верность дружбе. И за то, что они бережно хранят память о городе своей юности и остаются бакинцами – в какой бы точке мира ни проживали.

А самым первым с нашей улицы уехал – сперва в Москву – Юра Шаков. К тому времени он уже был в Баку известным фотохудожником и спортивным журналистом. Его впечатляющие фотоснимки и мини-репортажи к этим снимкам охотно публиковали Ариф Садыхов в «Вышке» и Адиль Сеидбейли в «Молодежке», Мирпаша Мириев в «Физкультурнике Азербайджана» и Александр Кикнадзе в «Бакин-

The Madison Avenue Boutique

С Юрием Шаковым

ком рабочем». Под его, юриным, влиянием стал сотрудничать с газетами и я. Потом, правда, стал дипломатом, но если сегодня у меня получаются какие-то корреспонденции, то этим я обязан своему старому другу...

Переехав в Москву, Юра вскоре женился, Люда родила чудесную дочку Олесю. Сейчас они живут в Нью-Йорке.

В Москве Юра адаптировался очень быстро, его талант расцвел с особой силой. В скором времени он стал главным художником еженедельного журнала «Театральная Москва». Затем он увлекся искусством лаковой миниатюры и в считанные месяцы достиг успехов в этой области. С ним считались, его цитировали признанные авторитеты. За восемь с небольшим лет жизни в США Юра Шаков вырос в художника номер один из работавших в традициях палехской школы, восходящей корнями к классической русской иконописи. Вот только несколько

отзывов о его работах. «Ваши произведения говорят больше, чем мог бы сказать я». (Рональд Рейган); «Ваши миниатюры – восхитительны» (Борис Пиотровский); «Юрий Шаков – выдающийся российский художник, который продолжает традиции великих греческих иконописцев» (газета «Канзас сити таймс»)...

Уникальные произведения Юры Шакова хранятся сейчас в Музее Ватикана, в Эрмитаже, Белом доме, в Смитсониевском институте, в православных храмах Америки и многочисленных частных коллекциях. И я, как друг его, искренне горжусь этим. Увы, только горжусь. И всегда помню, ибо что, кроме памяти, остается нам.

...Я очень ждал приезда Юры в Москву и Баку с персональной выставкой. Так хотелось вместе пройтись по улицам нашего детства. Да будет пухом ему земля Нью-Йорка, где ярко расцвел его талант, но где нет того Бродвея, где вечерами долго-долго бродили мы вдвоем – бакинской Торговой...

«Панорама»,
6 сентября 1996 года

ЧЕТЫРЕ КНИГИ, ЧЕТЫРЕ ВЫСТРЕЛА ПРАВДЫ

Интервью экономиста А.Аганбекяна газете «Юманите» в ноябре 1987 г. положило начало мощной информационно-пропагандистской обработке общественного мнения в Западной Европе и США. Многочисленные и хорошо организованные армянские общины в этих странах не жалели сил и средств для распространения мифа о «справедливом и исторически обоснованном» желании армян Нагорного Карабаха объединиться с Армянской ССР.

Наибольших успехов армянские пропагандисты добились в США и Франции, где проживают соответственно 700 000 и 300 000 армян. По количеству армян, проживающих в одном городе, лидирует Лос-Анджелес, где армянская община насчитывает 250 000 человек, и этот город сами армяне «переименовали» в Лос-Арменос. Во Франции же самая крупная армянская община находится в Марселе. Зарубежные армяне стремятся сохранить свою национальную самобытность на основе принципа: одна религия, один язык, одна письменность, одна культура. Практически во всех странах рассеяния армяне имеют радиостанции, газеты и журналы. Функционируют три политические партии: «Дашнакцутюн», «Хнчак» и «Рамгавар». По признанию француз-

ского историка, армянки по происхождению, Анаид Тер-Минасян, именно дашнаки стали вдохновителями идеи карабахского движения в 1988 г. (журнал «Геродот», №53, 1989 г. Париж). В этой статье она откровенно заявляет, что конфликт имеет геополитический характер, а не межэтнический или межрелигиозный.

И вот этой мощной пропагандистской машине должны были противостоять разрозненные группы азербайджанцев, проживающих в зарубежных странах.

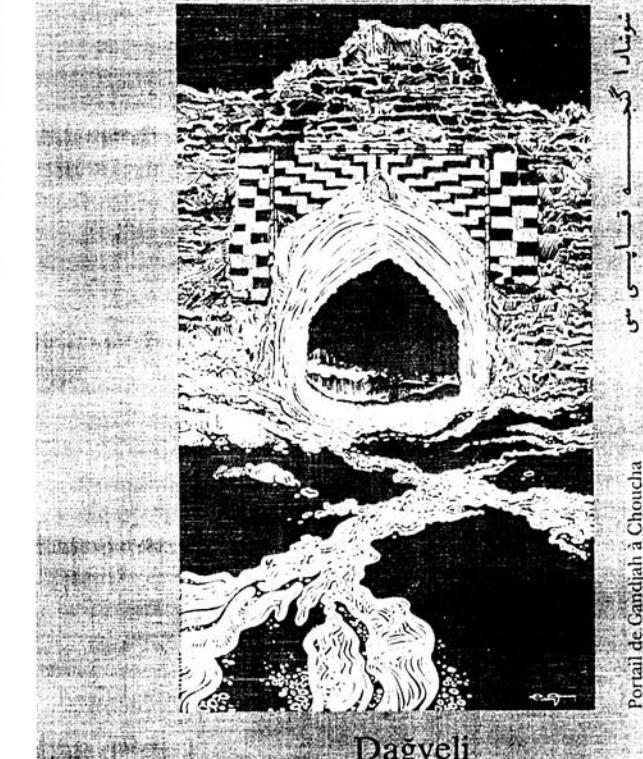
Главная проблема, с которой сразу же столкнулись азербайджанцы в 1988 году, – это отсутствие информации из Азербайджанской ССР. В большинстве своем выходцы из Ирана, покинувшие родину после 1979 г., они смогли опубликовать в иранских эмигрантских изданиях несколько статей общепроявленного характера на персидском языке. Выйти же на прессу страны проживания им не удавалось. Необходимо было найти и привлечь к этой работе выходцев из Северного Азербайджана – старых эмигрантов и их детей или же лиц из числа уехавших в 1970 – 80 гг.

Наконец, благодаря усилиям эмигрантов Гадира Сулейманоглу, Тофика Тагиева, Ирэн и Ширин Меликофф, Банин, Тимуцина Гаджибейли, Меджиды Муса-заде, Али Гасан-заде, Ибадуллы Азим-заде, Селима Турана, Мамедали Таджакхмади, Алекскера Шахтахтлы, Гусейна Азери, Мустафы Алынджа, Ибрагима Гайджи, Айтена Мурадовой, Эльхана Шамхорлу и Эмиля Салманова удалось создать небольшую контрпропагандистскую группу. Хочется особо отметить почетного доктора Страсбургского и Бакинского университетов, главного редактора французского тюркологического журнала «Туркия» Ирен ханум Меликофф и ее dochь Ширин ханум, с которыми в 1984 г. мы впервые во Франции провели международный коллоквиум «Азербайджан: прошлое и настоящее». Ширин ханум издала в Баку книгу «От эпической легенды до оперы: развитие темы Кероглу в Азербайджане», в Париже на французском языке – повесть Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», а также либретто опер Узеирбека Гаджибейли «Лейли и Меджнун» и «Кероглу». Эти женщины сделали очень много во имя нашего общего дела.

Автор этих строк, работавший в те годы во Франции и ежегодно посещавший родину, сумел собрать неплохую коллекцию книг, газет,

HISTOIRE DU DAGLIG (HAUT)-GARABAGH A LA LUMIERE DE DOCUMENTS HISTORIQUES

Ahmad Tabrizli

Обложка книги «Нагорный Карабах в свете исторических документов»

журналов, посвященных конфликту в Нагорном Карабахе. И первой задачей нашей группы был перевод на французский язык исторических документов, статей из азербайджанских газет и журналов. В Баку же мы отправляли книги и статьи по карабахской тематике, публикуемые в зарубежных странах. Группа была в тесном контакте с историками О.Альштадт, Т.Святоховским, К.Хитчином, К.Карпатом (США), М.Броксал, Т.Драгадзе (Великобритания), Ш.Уржевичем, С.Ванером (Франция) и др., которым своевременно направляла объективную информацию о текущих событиях в Азербайджане.

В начале октября 1988 г. в Париж приехал американский журналист, бывший бакинец Юрий Шаков. Ознакомившись с имеющимися у нас материалами и переговорив с Банин, живой свидетельницей резни азербайджанцев, устроенной в марте 1918 г., он 4 ноября 1988 г. опубликовал в Нью-Йорке целую страницу в газете «Новое русское слово». В парижской русской эмигрантской газете азербайджанскую точку зрения изложил журналист Владимир Котляров (после появления статьи его почтовый ящик был сожжен, а ругательное письмо, которое он получил, находится в моем архиве).

Но, как уже говорилось, необходимо было выйти на местную прессу. И Тимучин Гаджибекли предложил мне подготовить большую обзорную статью в объеме одного печатного листа об истории Карабаха и событиях в Нагорном Карабахе. Взял за основу публикацию Бахтияра Вагабзаде и Сулеймана Алиярова в журнале «Азербайджан» и две анонимные статьи сотрудников Азгосуниверситета, я подготовил требуемый материал. Ширин ханум перевела его на французский язык. Тимучин беку статья понравилась, и он включил в нее несколько фактов из своего личного архива. Оставалось найти издателя.

Как часто это бывает, помог случай. Из Баку в Париж на стажировку приехал молодой исследователь Айсу Касумзаде. В программе его пребывания предусматривалась встреча с главным редактором солидного научного журнала «Ревю дю монд мюзюльман де ля Медитерране» господином Бодуэллом. Накануне встречи я передал Айсу большой пакет документов, в том числе и статью Тимучин бека. Ждать пришлось несколько дней, и наконец телефонный звонок от Айсу – статья принята. Еще несколько недель ожидания, и пахнущий свежей типографской краской журнал (№48 – 49, 1988 год) у нас в руках. Радости на-

шей не было предела. Впервые статья азербайджанского автора по Нагорному Карабаху появилась на страницах французского исторического журнала.

Вслед за этим поступили хорошие новости из Великобритании. Мария Александровна Броксал, дочь всемирно известного советолога А.Бенингсена, начала публиковать на английском языке документы нашей группы в журнале «Стади он Сентрал Эйша энд Трансказия».

Благодаря этим публикациям нашу группу стали официально приглашать на пресс-конференции, семинары, коллоквиумы по карабахскому вопросу. Мы стали чувствовать себя уже увереннее и решили издать книгу на французском языке под названием «Нагорный Карабах в свете исторических документов». Материалов было достаточно, но не было денег на оплату типографских расходов. Ведь вся остальная работа проводилась на общественных началах. Что касается перевода на французский язык, то в этом палочкой-выручалочкой у нас была Ширин ханум. Подбор материалов и составление книги – за мной, издателем согласился быть господин Ильдырым Дагайели из Германии.

В те дни в Париже был в командировке Фархад Халилов, председатель Союза художников Азербайджана. Здесь же находился швейцарский бизнесмен, наш соотечественник Кямал Зейналзаде. Приезжая в Париж, Кямал бек всегда снимает апартаменты в одном из престижных отелей «Георг V», недалеко от Елисейских Полей. Вот уже несколько лет Фархад и я знакомы с ним через Таира Салахова. Кямал бек – интеллектуал, большой ценитель искусства и прекрасный знаток Парижа. Будучи очень занятым человеком, он тем не менее, как все парижане, любит неторопливую непринужденную беседу за обедом или ужином. Так было и на этот раз.

В 8 часов вечера мы с Фархадом зашли в «Георг V». Попив чаю втром, решили поужинать в русском кабаре «Распутин», где поют лучшие в Париже исполнители цыганских романсов. За ужином зашел разговор о книге, я показал Кямал беку предварительный макет и рассказал ему о нашей проблеме. Фархад поддержал меня, и Кямал бек, не мешкая, передал нам требуемую сумму.

На следующий день я позвонил издателю Ильдырыму Дагайели и еще через несколько дней поехал через Страсбург к нему во Франкфурт.

Но тут появилась еще одна проблема – как быть с выходными данными книги. Указывать в то время имена составителей и переводчиков было делом далеко небезопасным. В Страсбурге, побеседовав с живущими там иранскими азербайджанцами, мы решили от имени местного азербайджанского общества написать предисловие к книге, а составителем назвать анонимного Ахмеда Тебризли. Таким образом мы хотели в какой-то мере усыпить бдительность местных армян, которые внимательно следили за всеми публикациями и устраивали обструкцию редакторам и издателям, если что-то им не нравилось.

Вскоре книга вышла в свет. Мы разослали ее по всем странам. На нее стали ссылаться иностранные авторы, в том числе «Энциклопедия народов и национальных меньшинств бывшего СССР» (автор Роже Каратини, издательство «Лярусс», Париж, 1992 г.). А это уже было признанием нашего маленького успеха.

Была реакция и в Баку. Газета «Адабият вэ инджэсэнэт» (2 февраля 1990 г.) опубликовала благодарственное письмо писателя Гусейна Аббасзаде составителю книги Ахмеду Тебризли. Мне пришлось за подписью Ахмеда Тебризли направить ответ уважаемому Гусейну муаллиму («Адабият вэ инджэсэнэт», 27 апреля 1990 г.). Мы уже собирали материалы для второй книги, когда узнали о январских событиях 1990 г. в Баку.

И опять ситуация как в 1988 г. Нашей группе надо что-то делать, но из Баку мало информации.

Через радиостанцию «Свобода», родственников и друзей удалось узнать подробности, и Тимучин бек выступил в газете «Ле паризьен», а академик Эльдар Салаев – по телевизору. С просьбой выступить по пятому каналу Французского телевидения в прямом эфире ко мне обратился политобозреватель Кристиан Маллар. Но статус международного служащего не позволял мне этого сделать. Тем не менее я обещал ему дать ответ на другой день.

Весь день прошел в тяжелых раздумьях. С одной стороны, такой случай никак упускать нельзя, с другой – клятвопреступление (дело в том, что при поступлении на работу в ООН дают клятву служить только международной организации. – Прим.).

Вдруг телефонный звонок: «Здравствуй, Рамиз... Это Рустам. Только что прилетел, когда можем встретиться?» – «Да прямо сейчас», – кричу

в трубку вне себя от радости.

С четвертого этажа бегом вниз, в «Пежо» – и на огромной скорости к Рустаму Ибрагимбекову в гостиницу «Лютеция» на бульваре Распай, недалеко от знаменитого универмага «Бомарше». Наутро с видом победителя звоню Кристиану и говорю: «Мы готовы». В 12.30 мы, то есть Рустам, наш земляк Гадир Сулейманоглу и я, в студии.

А в 13.00 вся Франция видела теледуэль Ибрагимбеков – Папазян (пресс-атташе ЦК «Дашнакцутюн»), в которой Рустам взял верх с огромным преимуществом.

Среди армян Франции переполох. Звонят мне Кристиан Маллар и говорит, что «сам» Шарль Азnavур просит встречи с Рустамом в прямом эфире. Рустам мгновенно заявляет о своей готовности. Проходит час, опять звонок Кристиана: «Шарль Азnavур сейчас в Швейцарии, будет в Париже через десять дней. Может ли господин Ибрагимбеков подождать?» «Срок моей командировки истекает через два дня. И если Азnavур хочет встречи, пусть сейчас приезжает», – говорит Рустам Кристиану. Но Шарль Азnavур на встречу так и не решился. А Рустам за оставшиеся два дня дал два больших интервью, которые были опубликованы в газетах «Либерасьон» и «Ле Круа». Впоследствии Рустам рассказал об этих событиях в газете «Бакинский рабочий», 11 декабря 1992 г.

Вместе с Рустамом мы провели еще одну акцию, о которой до сих пор никто из нас не рассказывал. Французский тележурналист Ахмед Сель спросил нас, не могли бы мы помочь ему, Ширина ханум и фотокорреспонденту Реза Диггати поехать в Баку и сделать съемки. В то время Баку был закрыт для иностранцев. Потрясенные случившимся в Баку, не задумываясь о последствиях, мы взялись за это деликатное дело и роли распределили таким образом. Я помогаю быстро получить для них визы в Москву, а Рустам помогает им в Москве и Баку.

Задуманное удалось осуществить. Журналисты под видом граждан Азербайджана поездом из Москвы прибыли без виз в Баку, сняли огромное количество материала и вернулись в Париж 2 февраля 1990 г. в 20 часов 30 минут. И через два часа французы уже слушали Ахмеда Селя и видели танки на улицах Баку. Это был первый репортаж во Франции о январских событиях. Сегодня, рассказывая об этом, хотелось бы поблагодарить моего друга Гафура, мою dochь Нигяр и других

наших земляков, которые в опасной для их жизни ситуации помогали журналистам из Франции в те страшные, трагические для азербайджанского народа дни. Может быть, прочитав эти строки, они напишут о деталях, которые мне неизвестны...

Хочу рассказать еще об одном человеке, нашей соотечественнице Банин. Немало добрых слов и положительных рецензий о творчестве Банин написано в наших газетах и журналах. Но вряд ли кто подробно знает о ее активной деятельности в тяжелые для нашего народа дни в 1989 – 1991 гг. В свои 83 года она четырежды выступила по радио и опубликовала за короткое время три статьи, в которых сумела донести до французского слушателя и читателя правду о Нагорном Карабахе. Известно, что первой газетой Франции считается «Ле Монд». При мне Банин позвонила известному политобозрезателю этой газеты господину Мишелью Татю и потребовала права на ответ французским историкам А.Тер-Минасяну и К.Мурадяну, которые своими статьями искажали историческую действительность.

Она тихим голосом говорила ему: «Господин Татю, убегая от армянских погромщиков в 1905 г., моя мать скончалась при моих родах. В марте 1918 г. они снова вырезали азербайджанцев. Так почему же они не пишут о своих грехах? Я прошу вас предоставить мне слово, по французским законам я имею право на ответ».

20 января 1990 г. впервые газета «Ле Монд» опубликовала мнение азербайджанской стороны – статью Банин. Необходимо отдать должное газете «Ле Монд», которая предоставление права на ответ считает своим первейшим долгом.

Рассказывая о Банин, я не могу не высказать своего сожаления по поводу статьи доктора филологии И.Абилова в газете «Ахтарыш» от 8 июля 1994 г. Анализируя автобиографическую повесть Банин «Кавказские дни», он обвиняет автора в отсутствии патриотизма. Банин писала о Баку в начале века, и не ее вина, что вокруг было немало отрицательных персонажей. Кстати, некоторых субъектов, очень похожих на «героев» книги Банин, и сегодня можно увидеть среди нашего окружения. Это – жизнь с ее положительными и отрицательными явлениями. Разве мы можем осуждать Сабира или Мирзу Джалила? Настоящий писатель всегда пишет правду, а лакировкой может заниматься любой графоман!

Январские события заставили нас к готовой рукописи второго тома добавить новую главу «Красная Армия в Баку» и фотографии с мест событий. Проблемы наши были те же, что при подготовке первого тома. При частичной помощи ассоциации «Азербайджан» мы оплатили типографские услуги, и второй том вышел в свет в мае 1990 г. Книгу назвали «Сталин, Кавбюро, Нагорный Карабах» по статье политолога Эльдара Намазова, включенной во второй том. Местом издания указали Монреаль, составителем – Али Мухтара Ордубади, автором макета и карты Э.Мардакани (псевдоним Эмиля Салманова). От услуг общества азербайджанцев в Страсбурге мы отказались из-за неблаговидного поступка их председателя Ахмеда Мехрибани.

Третий том наша группа издала в 1991 г. под названием «Карабах! Прошлое и будущее». Составитель – Рамиз Орбакы (то есть Ордубад-Бакы), макет и фотографии – Эмиля Мардакани. Спонсор – А.Аббасов.

В 1992 г. мы издали IV том под названием «Карабах: четыре года спустя». К прежним составителям прибавились художник Дариуш Хагани, моя дочь – Нигяр и двое наших французских друзей – Мишель и Жильбер.

Итак, за четыре года – четыре книги на французском языке. Несколько слов о содержании этих сборников.

Мы старались восполнить существовавший на Западе дефицит объективности о, как тогда писали, «событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него». Статьи азербайджанских и зарубежных исследователей, выдержки из многочисленных публикаций в прессе, собранные в четырех темах воедино, по отзывам многочисленных читателей, воссоздают достоверную картину событий, четко разграничивая мифы и реальность.

Мы избегали каких-либо субъективных оценок и нажимного метода подачи материала. Строгость факта, скрупулезно выверенный событийный ряд – вот какие факторы и критерии диктовали методологию составления книг. Чтобы читатели четырехтомника имели возможность самим делать выводы на основе этих фактов и документов.

Еще одна деталь: тематические статьи азербайджанских и зарубежных авторов подбирались таким образом, чтобы франкоговорящие читатели могли познакомиться практически с любым аспектом карабахской проблемы. Наша группа стала создателем также книги Мамед

Саида Ордубади «Кровавые годы». Наши соотечественники из Ирана перевели книгу с кириллицы на арабскую графику.

Как я уже отмечал, одновременно с собственно издательской деятельностью мы регулярно направляли в Баку публикации, представляющие интерес для азербайджанских исследователей. Как-то на прилавках книжных магазинов Парижа появилась книга французского адвоката Жоржа де Мальвиля «Армянская трагедия 1915 года». Автор так описал причину, заставившую его взяться за перо: «Я написал это для того, чтобы остановить произвол армянской пропаганды, рискующей иметь для будущего Европы и Азии весьма тяжкие последствия».

Книгу мы отправили в Баку, где она была переведена на русский язык (перевод Айтен Кязимовой) и издана (ИПП «Турэн» – Элм, 1990 год).

Этой статьей мне хочется также впервые ознакомить наших читателей с именами тех, кто во Франции, в меру своих сил и возможностей, стремился, говоря словами Жоржа де Мальвиля, остановить произвол армянской пропаганды. Хочу поблагодарить всех участников нашей группы за вдохновенный, самоотверженный и бескорыстный труд при подготовке публикаций, в особенности Ширин и Алексера за переводы, Эмиля – за художественное оформление, Ольгу – за компьютерный набор, Тамиллу – за повседневную помощь, Вафу и Наргиз – за дружескую поддержку.

В начале 1995 года друзья спрашивали меня, не могли бы мы продолжить нашу издательскую деятельность. Я попытался, но не получилось. Как говорят, «иных уж нет, а те далече...». Ушли в иной мир и обрели вечный покой на своей второй родине Тимучин бек, Селим Турэн, Банин и Меджид Муса-заде. Перешагнул 90-летний рубеж Ибадулла Азим-заде. 80-летие будут через год отмечать Ирэн ханум, Гадир Сулейманоглу, Тофик Тагиев и Али Гасан-заде.

Мы работали в ситуации, когда Азербайджан входил в состав СССР и выход нашей республики на внешний мир был затруднен. Сейчас обстановка намного благоприятнее. Визиты во Францию Президента Гейдара Алиева, его многочисленные выступления и встречи на французской земле создают прекрасные условия для пропаганды достижений независимого Азербайджана.

Не сомневаюсь, что наши молодые коллеги подхватят эстафету и сделают больше и лучше нас.

«Панорама»,
17 апреля 1996 года

Как Ибрагимбеков Азnavura «погасил»

На следующий день после того, как в «Панораме» (N 57 от 17.04.96) был опубликован материал Рамиза Абуталыбова «Четыре книги...», в редакцию позвонил писатель и кинодраматург Рустам Ибрагимбеков и подчеркнул, что может подробнее сообщить об акциях, которые проводил за рубежом и в которых рассказывал правду об Азербайджане.

– Так вот, по приезде в Париж я сразу же позвонил Рамизу, а он мне говорит: «Хорошо что ты объявился, едем на телевидение». Я, честно говоря, небольшой любитель всего этого, но раз уж нет никакого другого азербайджанца, живущего в Париже, то пришлось выступить мне.

Этот Папазян, пресс-атташе партии «Дашнакцутюн», оказался очень бойким человеком и начал пересказывать со своими комментариями все то, что творилось здесь. А предварил нашу беседу ведущий, который заведомо неправильно расставил акценты, то есть был необъективен. Я держался осторожно, зная, что здесь надо ждать, когда у собеседника истощится последний запас слов и он начнет повторяться. И тут я ему говорю, что полчаса назад я связывался с Баку и мне передали, что обнаружены какие-то грузовики в районе действующей армии. На них написано: «Подарок Шарля Азnavura армянскому народу». И после этого возникло мнение о том, что он финансирует какие-то акции, связанные с военными действиями. Я с детства люблю Азnavura, очень уважаю его творчество, был убежден, что это – недоразумение, но факт есть факт.

Как я уже сказал, ведущий относился ко мне не очень объективно, в чем я его упрекнул, но тоже корректно. Тут он не выдержан, стал орать, что всегда объективен. Я, человек, который не занимается политикой, в итоге по всем статьям переиграл его, сказал в эфир то, что хотел и должен был сказать. После передачи позвонил на телеканал в бешенстве Азnavur и просил: «Кто этот человек?» Ему ответили, что тот, кем вы интересуетесь, – народный депутат Верховного Совета СССР. Он

захотел со мной встретиться, я ответил позитивно.

Два дня еще я должен был находиться в Париже, но Азнавур так и не появился.

За эти 48 часов я дал два больших интервью двум солидным газетам – «Либерасьон» и «Ле Круа», в которых рассказал о том, как из Армении нагло выселяли азербайджанцев и они, прошедшие через голод и холод, еле живые добирались до Родины. Сразу после этой передачи на меня стали выходить различные французские организации, в том числе «Врачи мира». В то время Баку был закрыт для иностранцев. Максимум, что можно было сделать, – это попасть в Москву. А они попросили меня помочь им выехать в Баку.

У меня было такое ощущение, что в делегации есть армяне. Показалось чисто физиономически. Я честно предупредил, чтобы в составе группы не было законспирированных армян. Некоторые были очень недовольны, но в конце концов подчинились мне.

Рамиз Абуталыбов быстро и эффективно сделал визы в Москву. Мы закупили железнодорожные билеты и нелегально провезли французскую делегацию, выдавая их за граждан Азербайджана. Они постоянно находились под нашей опекой, с них мы не спускали глаз.

Словом, эта акция нам удалась, и вскоре, когда делегация благополучно вернулась в Париж, весь мир наблюдал на экране за тем, что творилось в трагические для Баку дни.

Правда, могли быть тяжелые последствия. Адреса каждого, кто был в этой делегации, имелись в полиции, то есть в любой момент могли арестовать и их, и нас, организаторов этого мероприятия, за нарушение закона, со всеми вытекающими обстоятельствами. Но, с другой стороны, я горжусь, что нам удалось обвести вокруг пальца спецслужбы и что-то сделать на благо родного Азербайджана.

«Панорама»,
19 апреля 1996 года

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ КОНЬЮНКТУРЫ

Статья «Конъюнктурная фальсификации с политической подоплекой» (авторы А.Тер-Саркисянц, М.Мельтиухов и Г.Трапезников) вызывает удивление своим обвинительным тоном по отношению к азербайджанцам. Тон статьи – тон разжигающего вражду. Логика подсказывает, что не натравливать народы друг на друга надо, а искать разумный выход из сложившейся ситуации.

Но раз уважаемые оппоненты начали доказывать, кто в каком веке где жил, то приведу и я несколько примеров.

Известный французский ученый армянского происхождения пишет «...позднее армянские миссионеры начали христианизировать страну Албан, нынешний Азербайджан» (H.Pasdermadjian, Histoire de L'Armenie, Paris, 1986). У академика Орбели, бывшего директора «Эрмитажа», узнаем, что «нынешний Нагорный Карабах был среди захваченных армянскими феодалами южных областей Албании» (Избранные труды, Ереван, 1963). О многом написали в статье уважаемые авторы, но упомянуть о Кавказской Албании забыли. Зато албанский храм Гандзасар они превратили в армянский. Что касается 182 надписей на армянском языке, то уместно привести выдержку из книги Ильи

Чавчавадзе «Армянские ученые и волнившие камни» (Тифлис, 1902): «Мы имеем немало примеров, когда армяне силились стирать и уничтожать следы грузинского происхождения на грузинских храмах и монастырях, соскабливать или стирать с камней грузинские надписи, вынимать самые камни из построек и вставлять взамен их другие с армянскими надписями...»

О том, что Нагорный Карабах находится вне пределов исторической родины армян, пишут и другие ученые. «Армения – это географическое название области, в которой разбросаны армянские поселения» (К.Патканян. Ванские надписи и их значение для истории Передней Азии. Санкт-Петербург, 1875); «Действительная родина армян, в древнеисторическом смысле «Великая Армения», находится в Малой Азии, то есть вне пределов России» (Б.Ишханян. Народности Кавказа. Петроград, 1916).

Хочу упомянуть и о других фактах фальсификации со стороны ряда армянских и близких к ним историков.

Выдающийся азербайджанский композитор Узеирбек Гаджибеков является автором бессмертных музыкальных комедий «Мешади Ибад» и «Аршин мал алан». А автор книги «Нина Манучарян» (Ереван, 1960) Даниил Дзнуни пишет, что «...армянские и восточные оперетты «Мешади Ибад» и «Аршин мал алан» получили широкое признание во всем мире...».

Но кроме произвольной трактовки некоторых исторических фактов встречаются и случаи прямого подлога.

Так, в начале 80-х годов во Франции, Германии, Иране, Болгарии и других странах стал распространяться снимок с подписью: «Ужасающие следы варварского уничтожения армян в 1915 г.». На снимке была изображена гора черепов и парящие над ней стервятники. Такой снимок, например, был опубликован журналистом Софианом на страницах болгарской газеты «Нова светлина» от 23 апреля 1985 г. Но вскоре оригинал этого снимка был найден, но не в архивах армянской диаспоры а... в Москве, в Третьяковской галерее. Речь идет о картине известного русского художника-баталиста Василия Верещагина «Апофеоз войны», написанной им в 1871 г. Комментарии, как говорится, излишни.

Что же касается переселения армян в Закавказье, то идея его принадлежала армянским деятелям во главе с Х.Лазаревым в первой половине XIX в и заключалась в создании на восточных окраинах России армянского государства как буферного между Турцией и Ираном. Подобный метод использовался многими политиками на различных этапах истории. Но буферные зоны – это потенциальные мины, которые рано или поздно взрываются.

Тем же, кто всерьез интересуется историей происхождения азербайджанцев, было бы полезно ознакомиться с эпосом «Китаби Деде Горкуд» в переводе академика Бартольда.

К сожалению, я лишен возможности подробно ответить уважаемым оппонентам, это потребовало бы слишком много места. Хочу лишь призвать их уйти от предвзятости, не вовлекать в конфликт третью сторону. Необходимо попытаться сблизить позиции спорящих, благо этому могут способствовать решения Лиссабонского саммита, поддержанные Россией, США, Францией и другими европейскими странами.

Рамиз Орбаки
(Абутальбов),
«Независимая газета»,
12 марта 1999 г.

САНДРО ИЗ ВОЛЬНОГО АУЛА

– Рамиз, в вашей с Асимом Джалиловым беседе, опубликованной несколько лет тому назад в Баку, меня заинтриговал кусок, связанный с Александром Кусиковым. Дело в том, что в свое время я довольно основательно интересовался российской литературной ситуацией начала XX века – символистами, футуристами, имажинистами... Александр Борисович Кусиков, как известно, вместе с Сергеем Есениным, Вадимом Шершеневичем и Анатолием Мариенгофом были зачинателями имажинизма. Собственно говоря, эта яркая четверка и была «лицом» течения. В беседе с Асимом Джалиловым ты немного поведал о вашем знакомстве и общении. И пообещал более обстоятельно рассказать «при случае» об этом замечательном поэте и человеке. Может, сейчас – именно тот случай?

– Об Александре Борисовиче можно говорить долго. Он был легендой поэтической жизни своего времени. А память его хранила огромный пласт знаний о той эпохе, ее людях и борениях, поисках и скандалах. Они все: Кусиков, Есенин, Мариенгоф, Шершеневич – были еще очень молодыми людьми, когда победоносно ворвались в литературу и громко заявили о себе. А время было известно какое. Ре-

волюция, связанные с нею надежды и разочарования, собственное творчество, звонкий весенний разлив которого исподволь наливался, тяжелел свинцом времени. Конечно, в четверке имажинистов самой «знаковой», как сказали бы сейчас, фигурой был Сергей Есенин. Прежде всего его стихи, его буйные приключения были у всех на слуху. Но и Александр Кусиков в пору расцвета таланта, в пик творчества с 1918 по 1925 год был тоже необыкновенно популярен. Однажды в 1921 годы в Берлине, на поэтическом вечере, даже сорвал значительно больше aplодисментов, чем сам В.Маяковский, за что «удостоился» от последнего злобной эпиграммы, где рифмовались «вкусники – Кусиков». И о кутежах его в «Бродячей собаке» и «Стойле Пегаса», где вовсю буйствовал его знойный черкесский темперамент, пересудов хватало.

Вот, например, что писал Михаил Слонимский в своей «Книге воспоминаний», вышедшей в 1966 году. «Первым из советских прозаиков Пильняк отправился за границы – завоевывать Европу. На прощальном вечере, на проводах поэт Александр Кусиков, ходивший в экзотической форме «дикой дивизии», лихо сплясал на установленном посудой, полном яств столе лезгинку, не задев ни одной тарелки, ни одной рюмки, – это был его обычный номер на всех такого рода сбирающих...»

В его поэзии, в самой его личности своеобразно преломлялись культуры Востока и Запада. Это преломление в лучших образцах его поэзии рождало удивительно тонкие переливы настроений, нюансов, интонаций, рифм... Читая же другие стихи, ловишь себя на мысли, что, в общем-то, спор двух этих начал в его творчестве, в самой поэтике никогда не прекращался. Кавказец, рожденный в Вольном Ауле, он никогда не забывал о своих корнях, хотя русскую литературу знал и любил, как мало кто другой. Настоящее его имя было Искандер, или Сандро, как ласково звали его друзья.

– Ты рассказывал в том интервью, что вы довольно долго при встречах просто раскланивались, пока познакомились накоротке...

– Было так. Мы с Александром Борисовичем в Париже оказались соседями по лестничной площадке. А разговорились во дворе нашего дома: прогуливаясь с моей супругой Тамиллой, как это нередко бывает с бакинцами, мы общались на смеси азербайджанского языка с русским. Кусиков, прогуливавшийся неподалеку, услышал нашу речь с ха-

САНДРО ИЗ ВОЛЬНОГО АУЛА

— Рамиз, в вашей с Асимом Джалиловым беседе, опубликованной несколько лет тому назад в Баку, меня заинтриговал кусок, связанный с Александром Кусиковым. Дело в том, что в свое время я довольно основательно интересовался российской литературной ситуацией начала XX века — символистами, футуристами, имажинистами... Александр Борисович Кусиков, как известно, вместе с Сергеем Есениным, Вадимом Шершеневичем и Анатолием Мариенгофом были зачинателями имажинизма. Собственно говоря, эта яркая четверка и была «лицом» течения. В беседе с Асимом Джалиловым ты немного поведал о вашем знакомстве и общении. И побещал более обстоятельно рассказать «при случае» об этом замечательном поэте и человеке. Может, сейчас — именно тот случай?

— Об Александре Борисовиче можно говорить долго. Он был легендой поэтической жизни своего времени. А память его хранила огромный пласт знаний о той эпохе, ее людях и борениях, поисках и скандалах. Они все: Кусиков, Есенин, Мариенгоф, Шершеневич — были еще очень молодыми людьми, когда победоносно ворвались в литературу и громко заявили о себе. А время было известно какое. Ре-

волюция, связанные с нею надежды и разочарования, собственное творчество, звонкий весенний разлив которого исподволь наливался, тяжелел свинцом времени. Конечно, в четверке имажинистов самой «знаковой», как сказали бы сейчас, фигурой был Сергей Есенин. Прежде всего его стихи, его буйные приключения были у всех на слуху. Но и Александр Кусиков в пору расцвета таланта, в пик творчества с 1918 по 1925 год был тоже необыкновенно популярен. Однажды в 1921 годы в Берлине, на поэтическом вечере, даже сорвал значительно больше aplодисментов, чем сам В.Маяковский, за что «удостоился» от последнего злобной эпиграммы, где рифмовались «вкусики — Кусиков». И о кутежах его в «Бродячей собаке» и «Стойле Пегаса», где вовсю буйствовал его знаменитый черкесский темперамент, пересудов хватало.

Вот, например, что писал Михаил Слонимский в своей «Книге воспоминаний», вышедшей в 1966 году. «Первым из советских прозаиков Пильняк отправился за границы — завоевывать Европу. На прощальном вечере, на проводах поэт Александр Кусиков, ходивший в экзотической форме «дикой дивизии», лихо сплясал на установленном посудой, полном яств столе лезгинку, не задев ни одной тарелки, ни одной рюмки, — это был его обычный номер на всех такого рода сборищах...»

В его поэзии, в самой его личности своеобразно преломлялись культуры Востока и Запада. Это преломление в лучших образцах его поэзии рождало удивительно тонкие переливы настроений, нюансов, интонаций, рифм... Читая же другие стихи, ловишь себя на мысли, что, в общем-то, спор двух этих начал в его творчестве, в самой поэтике никогда не прекращался. Кавказец, рожденный в Вольном Ауле, он никогда не забывал о своих корнях, хотя русскую литературу знал и любил, как мало кто другой. Настоящее его имя было Искандер, или Сандро, как ласково звали его друзья.

— Ты рассказывал в том интервью, что вы довольно долго при встречах просто раскланивались, пока познакомились накоротке...

— Было так. Мы с Александром Борисовичем в Париже оказались соседями по лестничной площадке. А разговорились во дворе нашего дома: прогуливаясь с моей супругой Тамиллой, как это нередко бывает с бакинцами, мы общались на смеси азербайджанского языка с русским. Кусиков, прогуливавшийся неподалеку, услышал нашу речь с ха-

рактерным акцентом и поинтересовался, откуда мы. Я ответил: «Из Азербайджана». Он отреагировал мгновенно: «А-а, Балаханы-Сураханы...». Я тут же вспомнил есенинские строки «Но донесу как счастье до могилы /И волны Каспия, и балаханский май».

Услышав знакомые стихи, Кусиков растрогался. Сказал, что он, может быть, последний на земле, кто помнит не только хрестоматийный образ Сережи, а и правду о нем. И не только о нем. Пригласил заходить к нему в гости запросто, поболтать о жизни. «Ведь мы почти земляки».

В советском посольстве, когда я рассказал о «контакте с эмигрантом», меня успокоили, что Кусиков – человек лояльный и порядочный, словом, общения с ним благословили. И мы с Александром Борисовичем стали дружить. У меня остались очень теплые воспоминания о наших встречах, беседах, о его прекрасном юморе. У него был очень живой свежий ум...

– Вот как? А тот же Михаил Слонимский, которого мы здесь уже вспоминали, в той же «Книге воспоминаний», так описывает А.Кусикова, с которым встречался в Париже в 1927 году. «...Человек в шляпочке, в кургузом, черном, как траур, пиджачке и потрепанных брючках, маленький, тощенький, жалконький какой-то». Ты с Кусиковым встретился спустя 45 лет, ему было уже хорошо за 70, и ты говоришь сейчас о его «живом свежем уме».

– Я не знаю, что там привиделось М.Слонимскому. Я могу говорить лишь о том, чему сам был свидетелем, о своих ощущениях. Хлеб чужбину не сладок, Александр Борисович, конечно, в Париже не роскошествовал, но та картина, которую нарисовал автор цитаты – «тощенький, жалконький...» – плохое измышление. Очень похоже на то, что Кусикова зачем-то просто хотели унизить. Это не достойно. Ну и ладно, Александр Борисович меньше всего нуждается в том, чтобы кто-то за него адвокатствовал.

– Рамиз, а последний в мире имажинист интересовался азербайджанской литературой, что-то о ней знал?

– Не думаю, что до встречи со мной он очень уж сильно интересовался Азербайджаном и его культурой. Нет, что-то вообще он, конечно, знал, там, о бакинской нефти, об азербайджанских коврах, музыке. Уже потом, когда мы действительно подружились, затрагивали в разговорах серьезные литературные темы, он стал интересоваться совре-

менным литературным процессом в Азербайджане, именами. Однажды спросил, кто переводит азербайджанских поэтов. Я ответил, как и было тогда, в 70-х годах прошлого века, что переводят, в основном, москвичи, назвал Константина Симонова, Павла Антокольского, Адалину Адалис. При последнем имени он оживился. «Да-а? Этю я хорошо знаю. Мы все ее хорошо знали...» Я что-то сказал о ее творчестве, что ее стихи Валерий Брюсов, кажется, высоко ценил. Кусиков пренебрежительно махнул рукой: «...да я о другом». И процитировал:

- Вы давно в Москве, Адалис?
- Нет, в Москве я в первый раз.
- Вы впервые здесь отдались?
- Нет, в Одессе я е...сь.

Кусиков сказал, что это они с Сережей, то есть с Есениным на пару сочинили, когда после очередных возлияний в «Бродячей собаке» их посетило мощное поэтическое вдохновение. И собственноручно написали эти стишкы на стене этой самой «Бродячей собаки», где в ту пору ежедневно гуляла московская богема. Александр Борисович уверял, что веселее всех над этими виршами смеялась сама Адалис, говоря, что Пушкин без «Гавриилиады» тоже неполон.

– Так, это уже пошли литературные байки и апокрифы. Что в таком случае он о самом своем друге Сереже рассказывал?

– Ты знаешь, ничего «жареного», вроде того, что Анатолий Мариенгоф писал в «Романе без вранья» или позже Валентин Катаев, Кусиков о Есенине не рассказывал. Видимо, это было глубоко личное, заповедное, запрятанное. Однажды прочитал кусок из единственного сохранившегося в архиве А.Кусикова письма Сергея Есенина к нему. Письмо датировано 7 февраля 1923 г. Есенин с Дункан возвращались из Америки в Париж, пересекали Атлантику. «...Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется... Тошно мне законному сыну российскому в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это бледское снисходительное отношение власти имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей Богу не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу».

— Да, действительно, караул. А почему только одно письмо сохранилось?

— Остальные, а их, судя по всему, было много, выкрали московские «гастролерши», которые приходили к нему в январе 1968 г. и просили показать архив, особо интересуясь письмами Сергея Есенина и Андрея Белого. После такого рода визитов Александр Борисович недосчитался именно папок с этими письмами. Все официальные заявления Кусикова с требованиями расследовать, вернуть и пр. результатов не дали! Да, еще Кусиков рассказывал, что всегда после совместных кабацких подвигов с Есениным в конце концов забирали в околоток именно его, Кусикова, поскольку Есенин с Айседорой Дункан ухитрялись смотреться за 10 минут до того, как нагрянут «мундиры голубые».

— Я слышал, во времена именно этих гусарств Ася Тургенева ушла к Сандро от Андрея Белого?

— Да. А Белый писал ей «Вернишь! Что ты нашла в этом мнимом кавказце?».

— А что четвертый имажинист говорил о первом футуристе?

— Ты про Маяковского? Ну, после революции, как известно, Владимир Владимирович все дальше уходил от футуризма и все ближе склонялся к «суровой пролетарской стихии», что его «любовную лодку» тоже не спасло от столкновения с «бытом». Кусиков, как ни странно, за «вкусники» на него зла не держал. Но как-то рассказал пару случаев. В Томске за вход на их совместный литературный вечер цены билетов поначалу были объявлены по 1 рублю. В последний момент, по каким-то соображениям, администрация снизила цену билетов до 50 копеек. Так, Маяковский, не переставал удивляться Кусиков, прочитал ровно половину стихов из намеченной программы. Сказал: «Сколько денег, столько пива».

В другой раз Кусиков до гроша продулся Маяковскому в карты. На просьбу дать хоть какие-нибудь деньги на дорогу, Владимир Владимирович отказал. Между тем, как утверждал Александр Борисович, присутствовавшая на игре Эльза Триоле, пощипывая себе бровки, сек-секотила Маяковскому, какие у Кусикова карты.

— Да, как и тогда, так и сейчас, большое и маленькое, великое и сущестное уживаются вместе. Хотя, наверное, без этого «шума и сора» времени в картине о нем, о времени, недоставало бы жизни, воздуха. Но

Александр Кусиков

Портрет Александра Кусикова работы С.Залшупина

нам интересны в том времени, в его людях прежде всего не эти анекдоты, имевшие место или мнимые. Главное, что осталось от них – это большие мечты, стремления, надежды. Это то новое, что они принесли в литературу своего времени, вообще в культуру...

— Безусловно. Александр Борисович писал:

Когда умрут мои и недруги и други

И современники мои когда умрут,

Чья беспристрастная рука перелистает на досуге

Всей моей жизни полуправдный труд?

Я думаю, труд его жизни был вовсе не полуправдным и вообще был далек от праздности. Он был большой поэт и труженик. Любил и был любим. Никогда не предавал друзей и вообще замечательно умел дружить. Я это сполна ощутил на себе, когда мы соседствовали и дружили в Париже.

Беседу вел Фархад Агамалиев,
«Обозреватель», 7 – 13 октября 2005 года

ПИСЬМО НЕЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Где-то в конце 1980-х годов меня пригласили на творческий вечер Иосифа Бродского, организованный русскими эмигрантами в Париже. Он много читал. Некоторые стихи я знал раньше, но многое стало настоящим откровением, глубоко запало в душу.

Тем же летом, уже в Москве, я увидел в журнале «Новый мир» подборку его стихов. Это была первая публикация Иосифа Бродского в СССР после его отъезда на Запад. Подумалось тогда: это неправильно, что один из крупнейших поэтов современности практически не знаком азербайджанскому читателю, поскольку никогда на азербайджанский не переводился. С этими мыслями я и направился к главному редактору газеты «Адабият вэ инджэсэнэт» («Литература и искусство») Нариману Гасан-заде. Показав ему подборку в «Новом мире», сказал, что, раз Москва дала положительную «отмашку» на Бродского, может, и нам следует подумать о переводах и публикациях его произведений?

Нариман даже слегка обиделся. Сказал, что художественные пристрастия редактируемого им издания не зависят от разрешения Москвы, что о публикации И.Бродского он сам давно подумывал и что до сих пор все упиралось в проблему хорошего переводчика, который, ка-

жется, сейчас появился. Зовут Айдын Улуханлы.

И вскорости со страниц «Адабият вэ инджэсэнэт» Иосиф Бродский впервые «заговорил» по-азербайджански.

Этот номер газеты я передал поэту при новой встрече в Париже.

И этот же номер я послал уже после смерти Бродского живущему в Москве нашему земляку – бакинцу, моему другу и однокашнику по 29-й бакинской школе Давиду Фиксу, большому поклоннику поэзии Нобелевского лауреата Иосифа Бродского.

Давид ответил тотчас же.

Р.А.

Дорогой Рамиз, здравствуй!

Спешу поблагодарить тебя за подарок – азербайджанского Бродского.

Сразу же вспомнился твой рассказ о встрече с поэтом в Париже. Но тогда, похоже, я пропустил мимо ушей, что ты вручил ему переводы двух его стихотворений. Зато сейчас, когда я получил эту 7-летней давности (мистика?) газету, («Адабият вэ инджэсэнэт», 21 января 1989 г. – Р.А.), к тому же спустя семь месяцев (мистика!) после его смерти, эпизод со стихами и переводами вспыхнул в памяти особенно ярко...

Казалось бы, чем не повод, чтобы поговорить о мистике вообще и о мистической составляющей творчества Иосифа Бродского в частности?

Но о первой просто не стоит – она существует, и все. А вот о второй, выразившейся в пророчествах поэта, – сам Бог велел.

Разумеется, о пророчествах не сиюминутных, что сами, без спроса и приглашения, услужливо ложатся под перо, да и связаны не с темой смерти («На Васильевский остров я приду умирать...»), а с темой жизни («Мы будем жить с тобой на берегу...»), а потому глобальны и персистентны...

Но a propos: ты дал в газету стихи Бродского из легендарной сегодня подборки в «Новом мире», которая была воспринята многими как крушение второй Берлинской стены, но которой сам поэт (знаешь ли

ты это?) остался очень недоволен: в нарушение всех принятых норм ее составили и опубликовали без ведома автора. И его, конечно, можно понять.

Счел же необходимым Я.Гордин, составитель сборника И.Бродского «Холмы», предупредить читателя, что в этой книге «некоторые вещи «большого жанра» отсутствуют по воле автора» (я специально подчеркиваю, как ты понимаешь). Но, наверное, надо понять и публикаторов: стена действительно рухнула, и Бродского можно было читать беспрепятственно, открыто, не опасаясь, что начнут «шить» крамолу.

Но – так или иначе – в «новомировской» публикации Бродский увидел неуважение к себе как к частному лицу, как к частной личности, как к частному человеку со стороны «мастеровых перестройки» и высказался в том смысле, что ничего не меняется в стране, что они ведут ее к хаосу, а «хаос – это банально».

Банальность была для него синонимом пошлости. Он даже Блока называл пошлым поэтом. Пошлым не в наиболее употребительном смысле слова: непристойный, неприличный, а вот именно банальный, не оригинальный, повторяемый бессчетное число раз, да еще духовно и нравственно сомнительный...

Извини, я отвлекся в сторону от нашего разговора. Возвращаясь же к переводам Бродского, я должен заметить тебе, что, к сожалению, имя Айдына Улуханлы ничего не говорит мне, да и язык за 35 лет – без практики – основательно подзабылся. Почти такой же давности – и мои последние личные знакомства с азербайджанскими литераторами: тогда входили в литературу Фикрет Годжа и Сиявуш Мамедзаде, Эйваз Борчалы, Рустам Вилайет, Азер Мустафазаде и др. Ночные бдения со стихами за скромным студенческим застольем в общежитии Литинститута в сердце моем до сих пор...

А переводы Улуханлы дались мне, понятное дело, с большим трудом. Но я как будто почувствовал интонацию Бродского, эту мерную, уверенную, неотвратимую поступь его поэтических строк, сначала увлекающих, зовущих, манящих, а потом окончательно околовывающих, очаровывающих, завораживающих магией слов, образов, ритмов, погружающих в магнитическое звучание молитвы.

Не случайно именно молитвы были едва ли не самыми первыми стихами. Так, кажется, и сказал Иосиф Уткин в заметках о военной ли-

рике Сулеймана Рустама. Не знаю, к месту, ко времени ли пришла сейчас в голову мне эта мысль, но такова уж ассоциативная сила поэзии.

Во всяком случае бесспорно, что азербайджанский поэт и азербайджанская газета сделали доброе, если не сказать громче, дело – в отличие от своих не столь давних предшественников: когда пинали Бориса Пастернака, они заявляли, что он плохой поэт и именно поэтому его стихи никогда не переводились на азербайджанский язык. Ярчайший штрих эпохи автори – и тоталитаризма – перевод стихов Бродского и их публикация: знаменательный знак заката, упадка этой самой эпохи...

Извини, дорогой, может быть, я снова отвлекся, но мне представляется, что все эти пассажи не уводят меня, а приближают к тому, что я хотел сказать тебе в ответ на переводы Бродского. Слышал ли ты, что в Штатах вышел сборник статей и эссе Иосифа Бродского? Меня интересует, вошел ли туда «Взгляд с карусели», опубликованный в «Курьере ЮНЕСКО»? Номер назывался «Ветер свободы» и посвящался тем переменам, что произошли в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Замечательная компания: Иосиф Бродский, Вацлав Гавел (еще не президент), Десмонд Туту, Октавио Пас, Адонис и др. размышляли о будущем: 10 лет отделяло их от конца столетия, 10 лет оставалось до нового тысячелетия...

С какой легкостью рядятся люди в тогу пророков, с каким упорством взираются на котурыны – только бы выглядеть значительнее, чем они есть на самом деле. Не то, разумеется, авторы журнала, в том числе и Бродский.

Тебе, мой друг, как международнику достаточно высокого ранга, несомненно, было бы небесполезно познакомиться с этими размышлениеми поэта и эссеиста. Но если я начну писать о конкретных странах, да еще с комментарием прорицаний Бродского, я никогда не закончу это письмо.

Но чего я не могу не сказать, так это того, каков взгляд Бродского на будущее. Несколько цитат:

«Если будущее что-либо значит, то это в первую очередь наше в нем отсутствие. Первое, что мы обнаруживаем, в него заглядывая, – это наше небытие».

«...Лучше оставить будущее в покое, лучше попытаться распорядиться по возможности наиболее толковым образом настоящим... Те,

кто займет наше место, кто будет жить в наших городах, в наших квартирах, спать в наших спальнях и т.д. и т.п., не поблагодарят и не проклянут нас за то, в каком состоянии мы оставили им этот мир... Трудно предполагать за будущим значительные преимущества и достоинства. Не менее затруднительным представляется завидовать нашим преемникам... Вполне возможно, что это именно мы находимся в преимущественном положении, ибо, творя добро так же, как, впрочем, и зло, мы еще знали – кому».

Вот почему я благодарен тебе за то, что ты прислал мне Бродского на азербайджанском языке, за то, что ты выступил инициатором этого перевода, за то, что Айдын Улуханлы не побоялся взяться за переводы, а Нариман Гасанзаде – опубликовать их.

Давайте жить по Бродскому, ибо мы знаем, кому творим добро. "Лучше стремиться быть справедливым сейчас, чем рассчитывать на торжество справедливости и здравого смысла впоследствии".

Еще раз – огромное спасибо за доставленную радость, я читал стихи по-азербайджански...

Обнимаю тебя.

Твой ДАВИД

«Панорама»,
9 августа 1996 года

Пусть торжествует добро!

Уважаемая редакция! Меня радостно взволновал номер вашей газеты от 9 августа. Все написанное мною до сих пор, подобно черно-белому кино, прошло перед глазами.

Для меня огромное утешение, что в наше нелегкое время, когда многие не в состоянии провести грань между добром и злом даже в сердце своем, когда взяточничество считается доблестью, а честность – глупостью, в такое время встречаются еще, как луч света в темном царстве, люди, подобные Рамизу Абуталыбову.

Он проявил, я бы сказал, высокий поступок, когда еще семь лет назад, в самом начале национально-освободительной борьбы, стал инициатором публикации стихов одного из великих поэтов современнос-

ти – Иосифа Бродского. Именно по таким поступкам и судят о том или ином народе, о его характере и культуре.

Мне очень приятно, что сам И.Бродский успел узнать о переводах и публикации своих стихов в Азербайджане. Горд, что часть перевода его стихов досталась мне. К большому сожалению, успел опубликовать лишь два из его произведений...

Одновременно хочу выразить благодарность родившемуся в Азербайджане и живущему ныне в Москве публицисту Давиду Фиксу, который отозвался на публикацию этих переводов. Спасибо ему за внимание и уважение к Азербайджану.

Кто бы что ни думал и ни говорил, этот мир – мир добра!

Айдын УЛУХАНЛЫ,
«Панорама»,
14 сентября 1996 года

О МОЕМ ДРУГЕ РАМИЗЕ

Мои заметки, может быть, чуть-чуть выпадают из структуры книги, в которой факты, события, фигуры, персонажи высвечивают те или иные грани деятельности нашего земляка за годы его работы во Франции, о чем суммарно и с эмоциональным блеском поведано в предваряющей книгу статье Гасана Гасанова, в прошлом – партийного работника, а в суверенном Азербайджане – известного государственника и дипломата. Но мой рассказ, думается, может своеобразно замкнуть рукопись, свидетельствуя конкретно о великолепных качествах Рамиза Абуталыбова, о которых, собственно, вся книжка.

Поистине так: я познал его щедрую отзывчивость и доброту. Восхищен его естественным, не надуманным бескорыстием, хотя, казалось бы, в наше многоликое по цинизму время всерьез утверждать, как я хочу сделать, что вышеназванные достоинства в ком-то якобы воплотились, – поднимут в лучшем случае на смех, а то и сочтут, мягко говоря, «не от мира сего», а попросту – свихнувшимся.

Братцы мои, да вот же я, вот мои доказательства – пусть субъективные, – что есть на свете такой человек, мне повезло познакомиться с ним (тут бы выложил вышеперечисленные характеристики), во мно-

гом благодаря ему родился в нынешнем своем качестве мой двухтомный роман «Доктор N», состоялась моя – задолго перед тем – поездка в ноябре 1984-м году в Париж и Страсбург в составе азербайджанской делегации на Дни Азербайджана во Франции.

Долго рассказывать, как и почему я стал после поездки в 1970-м в Турцию «невыездным»... – надо ли объяснять современному, что это за слово такое? Очевидно, надо, хотя замечу, что многие из моего ностальгирующего поколения начисто «забыли», выветрилось у них из памяти, сколько всего унизительного испытывал в советские времена даже состоявшийся человек. Разве нет? Все не верили всем. Все во всех видели потенциальных врагов. Зачастую мы говорили не то, что думаем. Делали не то, что говорим. Сверху донизу царили в обществе фальш и лицемерие... Впрочем, многое из сказанного продолжается, увы, и ныне тоже, порой даже в более чудовищных, нелепых вариациях.

Итак: Дни Азербайджана во Франции, ноябрь 1984 г.

Накануне в Париже, в 1983, вышел в переводе на французский и обрел популярность нашумевший мой роман «Магомед, Мамед, Мамиш», и французы, приехавшие в Баку уточнять программу Дней, естественно, не могли не предложить азербайджанской стороне, чтобы и я непременно был включен в делегацию.

«Но Ч.Г. живет в Москве!» – возразили в Баку.

«Но он, – ответили французы, – азербайджанский писатель!»

Наши обещали «подумать».

А потом поехал во Францию уточнять детали программы уже наш представитель. И снова была услышана настоятельная просьба французов. Но снова – упорное сопротивление наших. А как же?! во Францию! за каждое место идет борьба! на вес золота! давление отовсюду! не разберешься со своими желающими, рвущимися в поездку, а тут!..

Пожалуй, в той сложившейся номенклатурной обстановке чуть ли не единственным человеком, который судил здраво, а главное – по справедливости, был Рамиз Абуталыбов. Он, как говорится, мне не сват, не брат, ни он мне ничем не обязан, ни я ему, но именно он, как один из ответственных организаторов Дней, добился не только того, чтобы меня включили в делегацию (о том множество моих дневниковых записей, относящихся к Дням), но и – вот что самое существен-

ное – с помощью соответствующих инстанций пробил кегебешную стену моей четырнадцатилетней «невыездности».

... Впервые о том, что есть такой человек – Рамиз Абуталыбов, «высокообразованный, интеллигентный», который, «редкий случай», уехал в Париж и «работает в ЮНЕСКО», я услышал в самом начале 70-х годов. Сообщил мне об этом всеми нами уважаемый профессор МГУ Азиз Алиевич Шариф, мой научный в 1952 – 55 гг. руководитель, я был у него первым аспирантом, и мы потом вплоть до его смерти дружили, семейно были близки, я даже называл его «Азиз-даи».

В то время я – кстати, непонятно, почему, но втайне от всех – интенсивно работал над историческим романом «Фатальный Фатали» и потому, помнится, придал новой для меня вести значение лишь в том смысле, что у нас есть земляк, которым можно гордиться.

Потом я узнал, что Азиз Шариф был дружен с ближайшими родичами, «предками» Рамиза, уроженцами Ордубада, в частности, с его «дедом» (оказалось, я спутал: не дед, а двоюродный дед, т.е. родной брат бабушки Рубабы-ханум Сеидовой – Мир-Фазил-ага Сеидов, кому Рамиз, таким образом, доводился внучатым племянником). Мир-Фазил-ага с семьей по просьбе Азиза Шарифа долго жил в его родительском доме в Нахчыване (туда, даже одряхлев и еле-еле двигаясь, Азиз Шариф каждый год с упорным постоянством ездил навещать могилы родителей).

Семейное древо Рамиза Абуталыбова довольно-таки разветвленное, он принадлежит к аристократическо-духовному сословию, чем мог бы гордиться, но о чем и поныне скромно умалчивает, что также является «родовой» его чертой. Среди самых близких родичей Рамиза был, к примеру, знаменитый в Азербайджане Мир-Идаят-бек Сеидов, выпускник юридического факультета Казанского университета, чья супруга Шовкат ханум Эриванская, как поведал мне Азиз Шариф, происходила из ханов Эриванских, которые, в свою очередь, были в близком родстве с ханами Нахчыванскими, и тот хорошо знал отца Азиз Шарифа, будучи в дореволюционные годы председателем Мусульманского совета Эриванской и Нахчыванской губерний.

Кстати, это уже из последующих постперестроечных моих знаний, подпись Мир-Идаят-бека Сеидова стоит на важнейшем документе, предтече Азербайджанской Демократической Республики 1918 –

Родители: Супра Алекскерова и Абуталыб Абуталыбов

1920 гг. – «Декларации независимости», или, как она сформулирована на азербайджанском языке и звучит для меня как песня, – «Истиглал агдамеси», принятой 28 мая 1918 г. (Мир-Идаят-бек вскоре умер).

Не могу не удержаться, чтобы не сказать, что на сей раз уже я лично хорошо знал сына Мир-Идаят-бека – Мир-Адила Сеидова, крупного ученого в области геологии, он был старше меня на десять с лишним лет, но мы с ним, я – в качестве студента-первокурсника филологического факультета, а он – доцента Азгосуниверситета, будучи оба заядлыми шахматистами, играли на первенство университета по шахматам (я занял тогда, в 1948-м, похвастаюсь, но имею в подтверждение Диплом, первое место, был объявлен чемпионом АГУ по шахматам; потом я переведусь в МГУ, где в 1951 г. поделю первые три места на первенстве МГУ по шахматам). Потом не раз мы встречались с ним за шахмат-

ной доской, и он, проигрывая, бурно переживал поражение, был порой резок, вспыльчив. Но – и справедлив. Но – и отходчив. И – полон человеческого обаяния. Достоинства.

Рассказывали о врожденно присущем ему чувство справедливости, в данном случае – «спортивной», что мешало в научной карьере: он просто выигрывал у не менее, очевидно, честолюбивых «начальников» по части науки, недоумевая, когда предлагали «проиграть», дабы умилостивить рассерженных, от кого зависели те или иные почести и звания. «Как же я могу проиграть, – искренне изумлялся он, – когда у меня выигрышная позиция?»

Но вернусь к Рамизу, чьи родичи генетически заложили в нем благородные качества.

В те же годы, а точнее – в 1981-м, я, только что выпустив роман «Фатальный Фатали», задумал архисложное повествование о Наримане Нариманове... Улавливаю недоумение читателей: что за в советские годы архисложности в сочинении, посвященном Нариману Нариманову? пламенному революционеру + писателю-демократу + председателю Ревкома Азербайджана, который и призвал Красную Армию в Баку, + председателю ЦИК СССР, к тому же похоронен в сердце СССР Москве, аж на самой Красной площади?

Все это так, да и не так: архисложность в данном случае заключалась в том, что высокопоставленный однокурсник показал мне по большому секрету, по блату, как говорится, кое-какие строгосекретные в те годы документы, в том числе уникальное и чудом сохранившееся большое письмо Наримана Нариманова, написанное за месяц с лишним до смерти (между прочим, при весьма загадочных обстоятельствах), имеющее характер завещания и адресованное пятилетнему сыну-несмышленышу. В письме, помимо всех иных откровений и пророчеств, были слова о том, что «сын мой, когда ты вырастешь, и большевизма, может, не будет...».

И я, критически настроенный ко всей системе, о чем можно судить по моим книгам, был настолько потрясен прочитанным, что загорелся идеей – в советские-то годы – найти такую форму, придумать такой повествовательный сюжет, а главное, такую избрать айсберговую стилистику, чтобы суметь обойти цензуру, написать роман о трагической судьбе человека, который, прозрев, понимает тупиковость пути, на ко-

торый обрек свой народ. Подобный опыт «подпольного сочинения», когда в запутанном хитросплетении скрыта запретная истина, у меня уже был в «Магомеде...», но, прежде всего, в «Фатальном Фатали».

Творческим моим мукам положила конец начавшаяся перестройка, стали открываться новые подробности кризисных явлений в СССР, события стремительно вели к кручу деспотической системы, так что постепенно отпадала необходимость в «эзоповых» приемах, языке (кусочек такого «приема» я все же сохранил в романе – вроде небольшой кирпичной кладки в стене реконструируемого старинного здания, «на память»).

Замысел потребовал включения в роман материалов, связанных с началом XX века, – формированием новых государств на обломках царской империи, в том числе, Азербайджанской Демократической Республики с ее взлетами и падениями, свершениями и ошибками, и постепенно произведение из однополюсной логики развития событий стало превращаться в двуполюсное, на авансцену вышел – помимо Нариманова – Мамед Эмин Расул-заде, другие исторические персонажи, возникли темы Версалья, парламента, 28 апреля 1920 года, эмиграции и т.д.

И вот здесь, когда расширился замысел произведения, мне повезло – вовремя подоспела неоценимая помощь «азербайджанского парижанина» Рамиза Абуталыбова («На ловца и зверь бежит!»), и он время от времени начал снабжать меня важными печатными и архивными материалами о Версальских переговорах, эмиграции, Мамед Эмине, карабахских баталиях тех и нынешних времун, мартовской бойне 1918 года азербайджанцев в Баку, которая явилась прологом Бакинской коммуны и предопределила в конечном итоге ее крах.

Я не стану объяснять проблематику «Доктора N», хотя роман, изданный в свое время неплохим тиражом, так и не сумел дойти до широкого читателя, но надеюсь, что в сокращенном виде, в форме дайджеста, роман о начале XX века, освещенный светом современности, в скором времени снова выйдет... И тут опять-таки не обошлось без поддержки, настойчивого усердия именно Рамиза Абуталыбова.

Вот где оказались заявленные в начале заметок качества его личности, нашедшие подтверждение или реализованные – тут уж

нет моей подсказки, все свершилось по воле судьбы – на страницах этой неординарной книги.

... Это – вкратце, но Бог даст, Иншалла, родится нечто более подробное и основательное об уникальном человеке Рамизе Абуталыбове

Чингиз Гусейнов

О РОЛИ АЗЕРБАЙ- ДЖАНЦЕВ В ИСТОРИИ ФУТБОЛА

История с фотографией

Один из лучших футболистов мира Бобби Чарльтон в финальном матче чемпионата мира, проходившего в 1966 году, как известно, на его родине Англии, играл в полузащите. В том, что к концу второго тайма сборная британцев выигрывала у сборной ФРГ со счетом 2 – 1, была огромная заслуга и этого выдающегося мастера. А вот его родной брат Джекки Чарльтон, в этой же игре участвовавший, оплошал. Из-за «организованного» им штрафного немцы на последней минуте основного времени сравняли счет. Пришлось играть овертайм.

...На 102-й минуте нападающий хозяев Джефф Херст бьет, мяч попадает в перекладину немецких ворот, отскакивает в землю и от ноги защитника улетает обратно в поле. И тут один из судей на линии, а именно бакинец Тофик Бахрамов, махнув флагом, решительно показывает на центр поля. Гол засчитан, счет становится 3 – 2 в пользу англичан. Через несколько минут Херст забивает четвертый мяч в ворота совершенно деморализованных немцев.

Пересказать, что тогда творилось на Уэмбли, не хватит слов. Да и нет необходимости. Этот эпизод стал хрестоматийным; его сотни раз потом показывали и описывали, споры о том, прав был Бахрамов или

Бобби Чарльтон

нет, продолжались долго. Хотя известно, что на прощальном банкете в отеле «Ройал Гарден» к Тофику подошел и извинился немецкий форвард Уве Зеелер, наиболее агрессивно изъявлявший на поле недовольство тем, что бакинец показал на центр: «Мы просмотрели видеоповторы, и, похоже, гол был».

Кстати, Тофик Бахрамов вошел в историю и как первый лайнсмен, награжденный «Золотым свистком» за обслуживание финала мирового первенства. До этого «Золотого свистка» удостаивались лишь главные арбитры. Кроме того, он получил из рук королевы Великобритании Елизаветы копию «Золотой богини». Надо ли говорить, что, кроме этих материальных символов, Тофик увез с берегов туманного Альбиона в Баку и вечную любовь англичан?

Этот сюжет широко известен. А тот момент, который запечатлен на этой фотографии, не известен никому. ЮНЕСКО, по давней тради-

ции, ежегодно вручает приз «За рыцарское поведение» выдающимся спортсменам. Именно за таким призом в середине 70-х годов того же XX века в Париж из Лондона приехал Бобби Чарльтон. Автор этих строк в те годы работал в ЮНЕСКО. А теперь, читатель, догадайся, что так внимательно рассматривает Бобби Чарльтон, рядом с которым скромно стоит ваш покорный слуга?

Зная, что к нам едет сам великий Бобби Чарльтон, я должным образом подготовился. Я подарил ему отлично исполненный фотопортрет Тофика Бахрамова. На него и смотрит в этот момент, запечатленный фотокамерой, Чарльтон. Смотрел он на портрет долго, и не трудно догадаться, какой эпизод вспоминался в этот момент легендарному футболисту. Он сказал тогда мне, что снимок займет достойное место в его коллекции самых дорогих для него фотографий. Признаться, мне было очень приятно.

Рамиз АБУТАЛЫБОВ

А ПОМНИШЬ, РАМИЗ?..

Не знаю, как к этому обстоятельству относятся его азербайджанские друзья, но я, коренной москвич, рад тому, что Рамиз Абуталыбов после многолетних странствий по миру и множества событий, в том числе и драматических, наконец обосновался в Москве. Так у него сложилось... И теперь, когда время от времени он звонит мне по телефону и с легким восточным акцентом, говорит «*bonjour, monsieur*», я неизменно вспоминаю и нашу многолетнюю «парижскую» дружбу, и то, как Рамиз первым приоткрыл мне дверь в увлекательный мир русской эмиграции. Разумеется, в первую очередь его интересовала азербайджанская диаспора Франции – он тут был первооткрывателем. Но изгнанники большевистской России – русские, евреи, украинцы, азербайджанцы, грузины, армяне в эмиграции сплелись в такой сложный и противоречивый клубок судеб и отношений, что отделить одних от других зачастую было почти невозможно.

Нужно сказать, что хождение по эмигрантским кругам в те 70-е годы прошлого века (а именно тогда судьба свела нас с Рамизом в Париже) требовала определенного мужества. Эмиграция была «запретной зоной» для советских дипломатов. Контакты не поощрялись.

И за нарушение запрета можно было вполне «вылететь» из-за границы. А это по порядкам тех лет означало гарантированный «волчий билет» на загранработу и загранпоездки. И тем не менее в воздухе тех лет уже витало некоторое «расслабление». Власть, похоже, устала от собственной жесткости, от преследований, от гонений на диссидентство. Да и «товарищи», призванные следить за дипломатами, понимали, что на эмигрантской тематике больших звезд не заработкаешь. Словом, если не слишком явно нарушать запреты, то можно было чуть-чуть и повольничать. А вот предыдущее поколение советских сотрудников за рубежом боялось заходить даже в книжные магазины, на полках которых стояли книги эмигрантских и диссидентских авторов.

Заходивших в такие магазины (например, издательства ИМКА-пресс) «брали на карандаш». Еще бы: ведь там можно было купить на русском языке «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына или, скажем, «Технологию власти» А.Авторханова. А это по тем временам было чуть ли не государственным преступлением. Что же говорить о прямых «контактах» с эмигрантами.

Но нам с Рамизом в какой-то степени повезло. Во-первых, мы оба работали не в посольстве, не в советском загранучреждении, а в международной организации ЮНЕСКО, а это по требованиям ее Устава предполагало некоторую формальную независимость от властей предержащих. Было и еще одно обстоятельство. По советской линии нашим начальником (представителем СССР при ЮНЕСКО) в то время был А.С.Пирадов. Помимо большой культуры и грузинского вольномыслия, он был зятем тогдашнего министра иностранных дел Андрея Громыко. Это давало ему значительную свободу в действиях и отношениях. Он и сам интересовался эмиграцией, встречался с некоторыми ее известными представителями. И нам с Рамизом это обеспечивало существенное неформальное «прикрытие». И действительно, когда на нас от одного из сотрудников поступил донос по поводу контактов с эмигрантами, А.С.Пирадов хода этому «делу» не дал, а лишь предупредил, чтобы мы «поменьше об этом распространялись».

Когда в 1972 году я впервые приехал в Париж, у Рамиза Абуталыбова уже были знакомые в эмигрантской среде. Его энергии хватало и на азербайджанскую и на русскую диаспоры. Он собирал книги, документы, граммофонные пластинки, и это со временем помогло ему дей-

ствительно стать одним из лучших знатоков эмигрантской жизни во Франции. Кроме того, у него есть очень важное для быстрого завязывания отношений качество: он не наигранно открытый, искренний человек. И это всегда помогало ему заводить знакомства в очень закрытой в те времена эмигрантской среде. Эмигранты крайне настороженно относились к советским, к «sovietiques», как они говорили. У них в ближней памяти были многочисленные случаи проникновения советских агентов в эмигрантскую среду. А в дальней памяти сидели такие известные «успехи» советской разведки как похищение генералов Кутепова и Миллера, «дело Плевицкой», завербованной вместе с мужем-офицером агентами ОГПУ, и многое другое. Эмигранты шли на знакомство крайне неохотно, подозревая чуть ли не каждого приезжавшего из СССР в связях с КГБ. У нас с Рамизом Абутальбовичем, например, ушло несколько лет на то, чтобы по-настоящему подружиться с одним из столпов тогдашней эмиграции, председателем Морского офицерского собрания во Франции Остелецким. Торопливость, навязчивость могли только повредить. Главное правило, которое внушал мне Рамиз, – «ни о чем не просить».

Хорошо помню, как он впервые привел меня в крохотный русский трактир на улице Вожирар. Заведение было без названия. На вывеске было русскими буквами просто написано «ТРАКТИР». Там можно было совсем недорого поесть хороших пельменей, выпить водки и закусить соленым огурцом. Хорошие пельмени подавали и в столовой при «Русской консерватории». Но в трактире хозяин с молодой дочерью неплохо играли на балалайке, и это создавало особую атмосферу. В этот трактирчик любил захаживать и наш общий знакомый Саша Андреев – внук русского писателя Леонида Андреева. Как и его знаменитый дед, он прекрасно владел русским языком, в ЮНЕСКО работал синхронным переводчиком, а в виде экстравагантного хобби собирал образцы русского мата, матерные частушки и соленые анекдоты. При всякой встрече с ним он обязательно выдавал новую забористую частушку. Похоже, он сочинял их сам. Воспроизвести хотя бы одну из них я бы не решился...

Хорошо помню, как в этом памятном трактире мы чуть было не попали впросак. Едва успели расположиться за столиком и собирались было заказать «что бог послал», как к столику подошел

встревоженный хозяин. «Ребята, надо уходить!» «Да в чем дело?» Оказывается, на это же примерно время столик заказал некто И-ский, офицер КГБ, работавший «по эмиграции» под прикрытием украинской миссии. Встреча с ним была для нас крайне нежелательна. И мы поспешно ретировались. Спасибо хозяину трактира. Оказывается, он хорошо знал, кто этот г-н И-ский, по какому ведомству служит и чем он занимается в Париже.

Сблизила нас с Рамизом и общая любовь к эмигрантской песне. У эмиграции сложился свой особый песенный фольклор – «со слезой», «с тоской по родине». В магазинах, на Блошином рынке, в коллекциях знакомых эмигрантов можно было отыскать немало интересных образчиков этого жанра. Прекрасно исполняла эмигрантские, а временами и блатные песни известная в эмиграции Дина Вирни. Одно время у нее был даже собственный и весьма популярный в Париже ресторанический. Держала она его не ради денег, поскольку была весьма состоятельной дамой. В молодости она была моделью и подругой знаменитого французского скульптора Майоля. После смерти все его состояние – главным образом скульптурные работы – достались в наследство ей. В конце семидесятых она выпустила в Париже ставший знаменитым, а потом и большой редкостью диск российских блатных песен «Песни за решеткой».

Но одно дело – пластинка, а другое – услышать поющего Алешу Дмитриевича, что называется, живым. Алеша в семидесятые годы пел в знаменитом русско-цыганском кабаре «У Распутина» на Елисейских Полях. Мы с Рамизом давно мечтали наведаться туда. Но это стоило приличных денег. По порядкам же тех лет большую часть зарплаты, которую нам платили в ЮНЕСКО, приходилось сдавать в бухгалтерию посольства. Словом, на экстравагантные затеи денег не хватало. Но Рамиз через югославского управляющего кабаре договорился, что нам можно будет прийти бесплатно и, что особенно важно, со своей бутылкой водки. Так как спиртные напитки в «Распутине» стоили бешеных денег. И вот мы «У Распутина». И вот на сцене Алеша Дмитриевич со своей знаменитой гитарой и песней «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Невысокий, неказистый, с маленьkim морщинистым лицом. Да и голос у него был несильный, сипловатый, надтреснутый. И своим видом, и голосом он как бы олицетворял русскую надломлен-

ную жизнь и судьбу. Пел он так, что на глаза наворачивались слезы. Вероятно, по каким-то жестам, по интуиции он догадался, что среди публики – а большинство в кабаре были богатые американцы, немцы – есть и русские. Подошел к нам. Естественно, пропустили по рюмке-другой. И у него на глазах тоже заблестели слезы. «Я милого узнаю по походке, он носит брюки галифэ...» запел он, повеселев...

И сколько еще таких – «а ты помнишь?» – хранится в нашей с Рамизом общей памяти. Я благодарен своему другу Рамизу за то, что он ввел меня в этот удивительный, полный драматизма и стойкой веры в «матушку-Россию» уходящий в историю мир русской эмиграции.

Вячеслав КОСТИКОВ,
Москва, август 2005 г.

...И, НАКОНЕЦ, О НЕМ

О Париже.

О нем самом, а не о месте моего долголетнего пребывания. Хотя топоним «Париж» звучит почти с каждой страницы этой книжки, главное слово о нем я не сказал, а без него все сказанное неполно.

Попробую.

Имя воспевшим этот город в изумительных стихах, картинах, песнях, фильмах ... – легион. Но ведь есть еще и обычные люди. Не поэты, не художники. Но тоже очень любящие Париж. Как я, например. Мне тоже есть что вспомнить и сказать о его бульварах и фонтанах, садах и кафе, о сахарной белизне Сакре-Кёр и патине камней Нотр-Дам, о парижских витринах, сверкающих после летнего дождя, и старинных мостах через Сену, чья вода горит и переливается под солнцем, как рыбья чешуя, и течет дальше, в другие времена, где нас давно уже не будет. Когда мне сегодня Парижа не хватает, а иногда не хватает очень остро, я включаю музыкальный центр и ставлю диск с песенкой Ива Монтина об этих самых мостах. Центр новый, а песенка – старая. Можно и бутылку вина откупорить...

А как обстоят дела с ответной, так сказать, любовью?

Булат Окуджава так написал о своем горячо любимом городе Москве: «По будням меня помнил, а в праздник забывал». Что-то похожее можно сказать и о Париже. В нем тоже, при всей горячке его образа жизни, есть этакая отстраненная прохладца великосветской красавицы-аристократки, многим позволяющей целовать свои пальцы и забывающей о целовавших тотчас, как отойдут. Немного обидно. Но тем, вероятно, и отличаются аристократки от девиц с порочной пляс Пигаль, общаяющихся исключительно на коммерческой основе. Но ведь и Пигаль – тоже неотъемлемая часть Парижа! Она тоже вдохновляла художников на создание шедевров, Тулуз-Лотрека, например.

Пересмотрите его серию картин о «Мулен Руж». Мишурный блеск, разухабистый канкан, зыбко светящийся нездоровый воздух, известно, чем пропитанный, – это и сегодня отсюда никуда не ушло. Посетите вечерком – окунетесь по самое не хочу. Удовольствие это, правда, весьма недешевое.

Незабвенный памяти Банин мне как-то назидательно сказала, что на пляс Пигаль не то чтобы бывать, а и упоминать о ней в хорошем обществе неприлично. О-ла-ла, как любила восклицать сама Банин по поводу какой-нибудь очевидной нелепости. Будто пляс Пигаль жарко или холодно от того, что о ней говорят и говорят ли вообще. И будто бы распутная Пигаль разлеглась не у подножья святого католического собора Сакре-Кёр.

Пантеон и бордель, бриллианты и стразы – это всегда соседствовало в многогранной столице Франции. Не случайно именно здесь Франсуа Рабле породил «Гаргантюа и Пантагрюэля», самый веселый, глубокий и красочный в мировой литературе гимн всему земному и телесному.

Опрятны улицы Парижа в центре, как будто их пылесосят и моют шампунем. А немецкий писатель Патрик Зюскинд в своем нашумевшем и быстро наскучившем «Парфюмере» утверждает, что еще каких-то 200 лет назад в иных районах Парижа «стояла совсем уже адская вонь», поскольку общая антисанитария усугублялась еще и тем, что парижане по ночам выплескивали содержимоеочных горшков из окон на бульварные мостовые.

А в XX веке Париж пережил немецкую оккупацию, повлекшую позор коллаборационизма и триумф стоического мужества голлизма, сумевшего ценой невероятных усилий поднять Францию с колен.

Говорят, что-то после всего этого во французах надломилось. Что французский национальный характер стал жертвой унылого pragmatизма, отринув романтическое прошлое. Всякое говорят.

Но, как мне представляется, Париж ко всем этим слухам и домыслам особого отношения не имеет. Он, как и встарь, обманчиво доступен и патриотически демократичен. Он, как и вся страна, избыл комплекс вины перед прежними колониями, никого больше к себе из-за кордона не зазывает, но и дверей ни перед кем не закрывает. И поэтому Париж никогда не перестанет быть городом эмигрантов.

Прочитавшие эту книжку, думаю, поняли, как сильно и глубоко меня волновала тема эмиграции с самого начала французской части моей биографии. Едва ли в Париже остались какие-либо и сколько-нибудь серьезные архивы, другие источники, содержащие документы и сведения об азербайджанской эмиграции всех волн, о которых бы я не был осведомлен и в которых не работал. Из книжки, мне кажется, это видно. Но мне хочется сказать еще вот о чем.

Есть еще один феномен Парижа. В залежах его культуры вдруг можно отыскать интеллектуальный ключ для объяснения сложных коллизий, возникавших в абсолютно иной исторической ситуации. В то же самое время, когда в парижских архивах мне открывались совершенно ошеломительные документы об истории моей родины, о жизни и борьбе ее великих сынов, я открывал для себя и французских экзистенциалистов. В СССР Жан Поля Сартра и Альбера Камю называли апологетами «упаднической буржуазной псевдофилософии», поэтому, попав в Париж, мне ужасно захотелось поближе познакомиться с этим «упадничеством». Конечно, я неставил себе целью досконально изучить их философию. Но основные вещи проштудировал. И очень запал мне в голову один пассаж из «Эссе об абсурде» А. Камю: «Но если Вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним. Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве и надежды на землю обетованную. Собственно говоря, чувство абсурдности и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями».

Думаю, Камю сильно бы удивился, узнав, на какую ситуацию «накладываются» кем-то его умозаключения. А «накладывал» я их на «Вселенную», то есть жизнь, миллионов своих соотечественников, и находил

дил пугающие параллели иозвучия. Ведь целые поколения азербайджанцев, выросших в советское время, были насилием лишены «познаний» – правды о своих корнях, историческом прошлом своего народа, о глубине своей национальной культуры. Поколения вскармливали ложью. Что же касается «иллюзий», то есть надежд на обещанное, но никогда не наступавшее «светлое будущее», то стоило только выйти за порог, и лучезарная действительность, при первом же соприкосновении с нею, вцеплялась в горло как волкодав, не оставляя места никаким «иллюзиям» и надеждам.

В этом абсурде – без «познаний» о прошлом и без «иллюзий» относительно грядущего, мы и жили. «Вселенная» советского человека была, в общем-то, синонимом огромной тюремной камеры, которую сидельцы как-то пытались еще и обустроить. Скажем, стенку полированную чешскую, выждав трехлетнюю очередь, приобрести или, вот ведь радость, в Болгарию по профсоюзной путевке поехать.

«Там наша родина, сынок» ...

Так вот, моя любовь и признательность Парижу не иссякнут, пока я жив, еще и потому, что, открыв свои архивы, он дал мне возможность узнать о существовании других вариантов жизни, – «познаниями» и «иллюзиями». Ими в полной мере обладали лучшие представители азербайджанской эмиграции, жившие мечтой о счастливом, независимом будущем своей Родины. Их путь был путем борьбы во имя этой мечты, их жизнь была полна высоким смыслом и достоинством.

«Чужой, эмигрантский Париж», – когда-то написала Ирина Одоевцева. «На земле была одна столица, Все другое – просто города». Это уже цитата из стихов Георгия Адамовича, в те же годы и тоже в Париже писавшихся. Но «одна столица» – это не о Париже, а о Петербурге, и это вовсе не умаляет французскую столицу, а лишь говорит о любви к своей, оставленной, далекой. Возможность такой – неизбывной, щемящей, глубинной – любви к своей родине я, пожалуй, сполна прочувствовал тоже в Париже. Я склоняю благодарную голову перед чужбиной – Парижем. За то, что он дал кров сотням моих соотечественников, выдающихся и не очень. За воздух свободы, которым они дышали.

Спасибо Парижу, что шестнадцать лет этим воздухом дышал и я, вновь обретая, как исцеляющийся от амнезии, «познания» и «иллюзии». Без них человеку нельзя. Без них абсурд и тюрьма. Тот же Альбер

Камю утверждал: «Умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком».

Париж стоит там же, где всегда стоял, оставаясь городом открытым любым этносам, художественным веяниям и самым сумасбродным идеям. Но, в отличие, скажем, от Нью-Йорка, он не стремится все это сразу же перемолоть, растворить и объявлить своим. Только если на его территории вдруг рождается шедевр, заявит твердо: «Сделано в Париже». И мне не известен ни один случай, когда талант, оперившийся в Париже, спешил бы из него улететь.

Париж – это Париж.

Я буду всегда стремиться приезжать в этот город, одновременно высокомерно-отчужденный и безоглядно веселый и дружелюбный как, гамен-Гаврош. Для меня Париж – это не туристический рай, куда приезжают осмотреть красоты и «достопримечательности»; как москвичу, которому довольно знать, что в его городе есть Большой театр, мне довольно знать, что в Париже есть Лувр и Опера. Париж по-прежнему стоит мессы. Говорят, нельзя возвращаться туда, где был счастлив, потому что это грустно. Не думаю, что это верно. Ну, конечно, немножко грустно, когда стоишь на самом старом через Сену мосту – он называется Новый – и смотришь, как течет, течет, течет внизу вечная Сена. А кто сказал, что грустить плохо?

Абуталыбов Рамиз Абуталыбович

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ

Редактор Ф.М. Агамалиев

Рисунки народного художника СССР
Таира Салахова

Фотографии из архива автора

Дизайн и верстка:
дизайн-студия PRINTDESIGN

Отпечатано в типографии PRINTDESIGN

Издательство «SJS Media»
Москва, Новый Арбат, 34, стр.1
Тел.: (095) 205-39-81
Факс: (095) 205-38-02
E-mail: info@sjsmmedia.com

2
772521

Рамиз Абуталыбов родился в 1937 году в древнем азербайджанском городе Гянджа.

Окончил Бакинский Государственный Университет. Продолжил учебу в Москве во Всесоюзной Академии внешней торговли и Академии общественных наук.

В разные годы работал в аппарате Совета Министров Азербайджана, в МИДе СССР, был заведующим отдела зарубежных связей ЦК Компартии Азербайджана, избирался депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

С 1972 по 1979 гг. и с 1985 по 1993 гг. проработал в Секретariate ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) в Париже. В последние годы был Послом по особым поручениям Министерства Иностранных Дел Азербайджанской Республики.

Искренний интерес к истории и культуре позволил Рамизу Абуталыбову собрать уникальные материалы и свидетельства о жизни русской и азербайджанской эмиграции во Франции. Со многими блестящими представителями эмиграции разных «волн» его связывали близкие дружеские отношения.

За вклад в развитие культурных связей между странами Рамиз Абуталыбов был награжден французским орденом Почетного Легиона и Национальной премией имени Г.З. Тагиева.